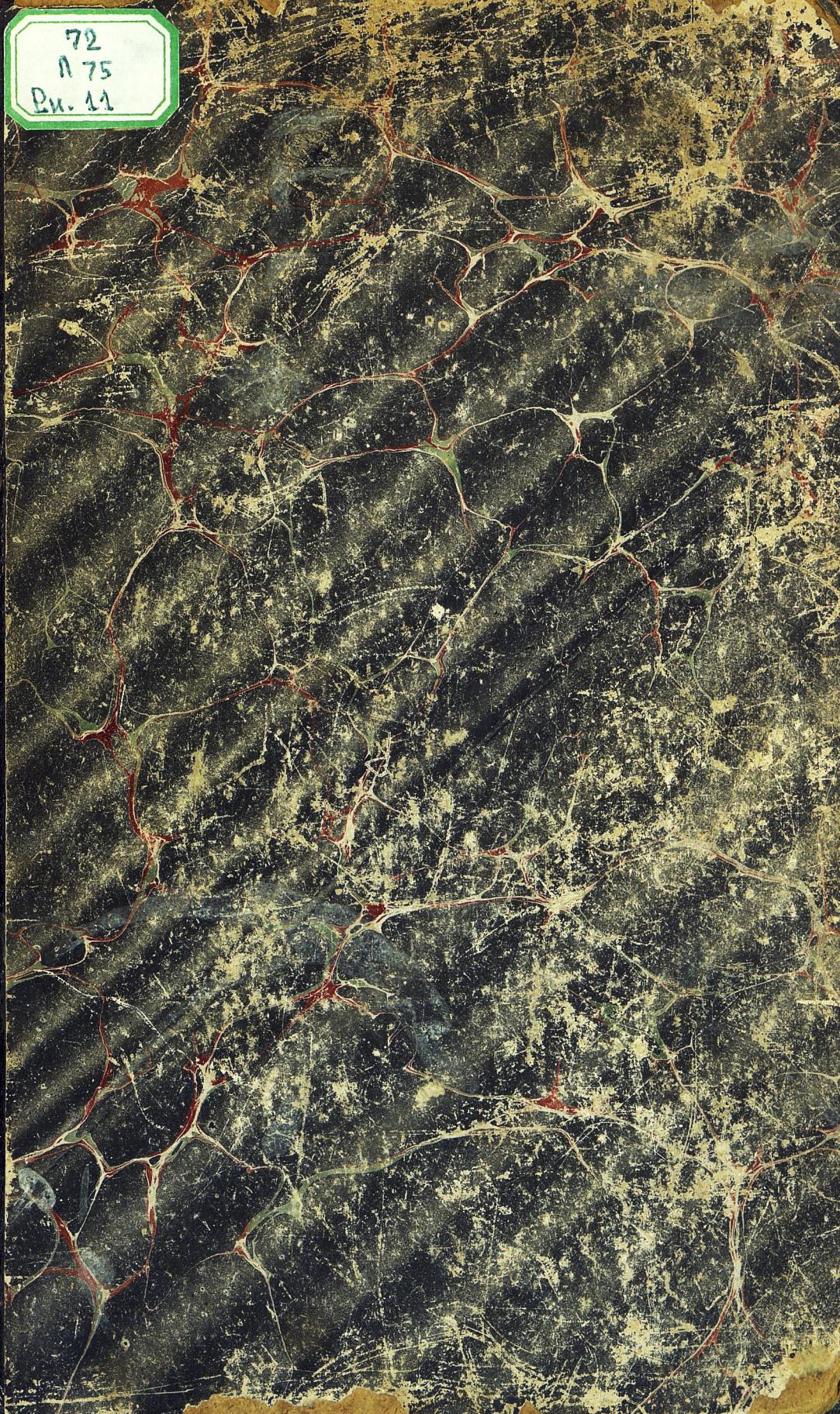

72
A 75
Pn. 11

ПРОВЕР

ПРОВЕРКА

19522
9 26-14/x

11-11

]

12278

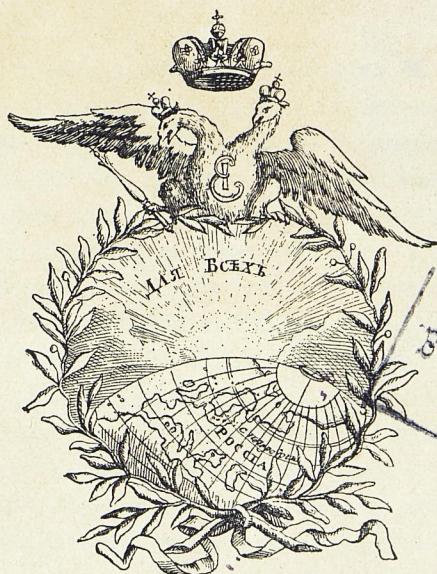

72
175

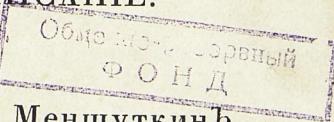
72

92
1-75

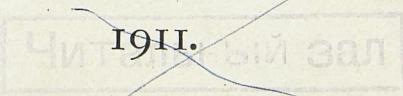
Михайло Василѣвичъ ЛОМОНОСОВЪ.

жизнеописаніе.

Составилъ Б. Н. Меншуткинъ.

Курск градская
библиотека № 1
БИБЛИОТЕКА № 1
Моск. № 3248

1941

Рп

Санктпетербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Бас. Остр., 9 л., № 12.

Настоящій очеркъ жизни и дѣятельности М. В. Ломоносова написанъ по предложенію Комміссіи, избранной Академію Наукъ для выработки способовъ чествованія двухсотлѣтняго юбилея дня его рожденія. Въ этомъ очеркѣ я остановился нѣсколько подробнѣе на научной дѣятельности Ломоносова и кратко изложилъ, въ общедоступной формѣ, наиболѣе замѣчательныя мысли и теоріи его, сохранившія и понынѣ свое значеніе. Мне казалось необходимымъ сдѣлать это потому, что самъ Ломоносовъ считалъ болѣе важными именно научные свои работы, между тѣмъ въ его жизнеописаніяхъ онѣ обыкновенно только упоминаются; съ другой стороны несомнѣнно, что изученіе естественныхъ наукъ, особенно за послѣднее время, дѣлаетъ въ Россіи большия успѣхи и знакомство съ ними распространяется все шире и шире, такъ что многимъ, вѣроятно, интересно будетъ составить себѣ понятіе о томъ, что сдѣлалъ первый русскій естествоиспытатель. Въ то же время, однако, я не оставилъ безъ вниманія и другихъ сторонъ его дѣятельности—просвѣтительной, литературной, административной—и упомянулъ о характерныхъ событияхъ его частной жизни; все, здѣсь помѣщенное, основано на документальныхъ данныхъ. Нѣкоторая отрывочность и эпизодичность изложенія являются неизбѣжными вслѣдствіе удивительной разносторонности Ломоносова, позволявшей ему заниматься въ одинъ и тотъ же періодъ времени самыми разнообразными работами—и научными, и литературными.

Въ третье изданіе внесено нѣсколько небольшихъ поправокъ и сдѣланы дополненія о потомствѣ Ломоносова.

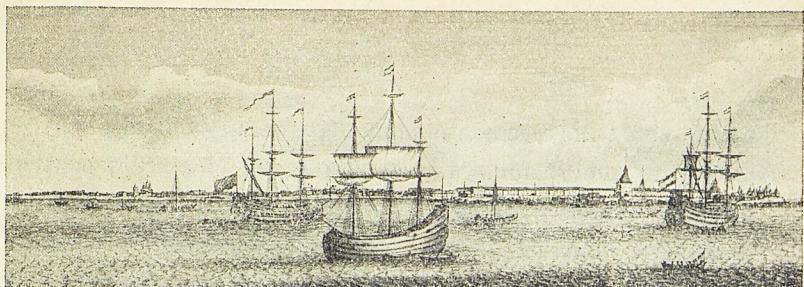
Пользуюсь случаемъ добавить, что документальная дан-
ные, послужившія для этого жизнеописанія, взяты мною какъ
изъ архивовъ, такъ и изъ печатныхъ источниковъ. Таковыми,
кромъ основныхъ работъ Куника, Билярского и Пекарского
являются особенно новѣйшія изслѣдованія, опубликованныя
въ этомъ году, главнымъ образомъ въ «Ломоносовскомъ
Сборникѣ» изданномъ Академіей Наукъ къ 8 ноября 1911 г.

Б. Меншуткинъ.

Декабрь 1911 года.

Михаил Головинъ

Общий видъ г. Архангельска. Съ иностранной гравюры начала XVIII ст.

I.

На съверѣ Россіи, по Бѣломорскому побережїю, Съверной Двинѣ и другимъ большимъ рѣкамъ, живутъ поморы, добывающіе себѣ средства къ жизни промысломъ на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ, — потомки гражданъ Великаго Новгорода, поселившихся въ былья времена на берегахъ Съверной Двины, по которой издавна пролегалъ большой торговый путь. Промыселъ поморовъ тяжелъ и опасенъ: даже въ тѣ немногіе мѣсяцы, когда съверныя моря свободны ото льда, на нихъ бывають часто сильные вѣтры, бури, туманы, всегда приходится быть въ готовности, наблюдать внимательно вѣтры и погоду, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ и не потерять счасти и корабль. Когда поморъ не занятъ своимъ промысломъ, онъ — торговецъ: продаетъ свою добычу, рыбу, морскаго зѣбра, скучаетъ разные продукты и продаетъ ихъ. Эти операциіи ведутся нерѣдко не только въ Россіи, но и за границей — главнымъ образомъ въ соседней Норвегіи, иногда даже въ Англіи; поморы по необходимости должны

имѣть спошения съ самыми разнообразными людьми — и русскими, и иностранными, — съ которыми они встречаются какъ за границей, такъ и въ Архангельскѣ — центрѣ дѣятельности поморовъ, куда постоянно пріѣзжаютъ и иностранцы ради своихъ торговыхъ дѣлъ. Не удивительно, поэтому, что поморы представляютъ изъ себя особенный, самобытный классъ населенія и, хотя обычно и числятся крестьянами, но по смѣтливости, энергіи, предпріимчивости, общему развитію рѣзко отличаются отъ крестьянъ, занимающихся только земледѣліемъ.

Въ прежнія времена, въ XVII столѣтіи и въ началѣ XVIII, когда Архангельскѣ былъ главнымъ морскимъ портомъ Россіи, дѣятельность поморовъ была еще значительнѣе, чѣмъ теперь. Однимъ изъ наиболѣе зажиточныхъ и предпріимчивыхъ среди тогдашихъ поморовъ былъ Василій Дорof'евъ Ломоносовъ — отецъ М. В. Ломоносова. Кромѣ промысловъ на Мурманскомъ берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ онъ ловилъ треску и палтосину со своихъ судовъ, изъ которыхъ одно было большое, съ корабельной оснасткой, онъ имѣлъ еще довольно значительное количество земли. Самъ онъ былъ добрый человѣкъ, простой и совѣтливый, къ сиротамъ податливый, а съ сестрѣми обходительный; онъ несомнѣнно обладалъ выдающеся наблюдательностью и большимъ природнымъ умомъ и въ своемъ промыслѣ всегда имѣлъ удачу. Хотя и неграмотный, онъ былъ среди поморовъ своего времени однимъ изъ передовыхъ людей: известно, что онъ первый выстроилъ и по-европейски оснастилъ на рекѣ Двинѣ подъ своимъ селеніемъ галіотъ, который прозвалъ «Чайкою»; ходилъ на немъ по Двинѣ, Бѣлому Морю и по Сѣверному

Океану для рыбныхъ промысловъ, а также занимался перевозкою разныхъ казенныхъ запасовъ и товаровъ частныхъ людей города Архангельска въ Пустозерскъ, Соловецкій монастырь, Колу, Кильдинъ, по берегамъ Лапландіи, Самояди и на рѣку Мезень.

Василій Дорофеевъ Ломоносовъ жилъ на островѣ Куростровскомъ, на Сѣверной Двинѣ, противъ г. Холмогоръ. Въ этомъ мѣстѣ Сѣверная Двина развѣтвляется на много рукавовъ, образующихъ группу острововъ, перерѣзанныхъ протоками во всѣхъ направлениихъ, какъ это видно на прилагаемыхъ здѣсь картахъ. Куростровъ лежитъ противъ самаго города Холмогоръ и въ началѣ XVIII вѣка

имѣль до 20 деревень, окружавшихъ кольцомъ возвышенную середину Курострова, поросшую еловымъ лѣсомъ. Домъ Василія Дорофеева Ломоносова находился на большой проѣзжей дорогѣ за деревней Денисовкой; тутъ же была и принадлежавшая ему земля. Первый разъ онъ женился на дочери дьякона села Николаевскихъ Матигоръ (расположенного недалеко отъ Холмогоръ), Еленѣ Ивановнѣ Сивковой: отъ этого брака родился въ 1711 году, вѣроятно 8 ноября, ихъ единственный сынъ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ.

Первые годы жизни Ломоносова протекли въ обычныхъ условіяхъ жизни дѣтей поморовъ: до десятилѣтняго возраста онъ оставался въ деревнѣ, а съ этого времени отецъ сталъ брать его съ собою каждый годъ лѣтомъ и осеню на промыселъ, чтобы съ малыхъ лѣтъ пріучить сына къ этому дѣлу. Отецъ и составлявшіе артель промышленники рассказывали молодому Ломоносову про моря и страны, которыхъ они посѣщали, про образъ жизни тѣхъ морскихъ звѣрей и рыбъ, которыми они промышляли; эти рассказы находили въ Ломоносовѣ жаднаго слушателя и производили на него большое впечатлѣніе. Вмѣстѣ съ отцомъ онъ также нерѣдко бывалъ и жилъ у родныхъ въ Архангельскѣ, гдѣ, конечно, тоже встрѣчалъ немало интереснаго и поучительнаго.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ (онъ ходилъ на промыселъ до 19-ти лѣтняго возраста), Ломоносовъ многое видѣлъ и многому научился. Нельзя не удивляться внимательности, съ какою наблюдалъ онъ всѣ проявленія сѣверной природы, обычай и образъ жизни тамошнихъ жителей и животныхъ, и точ-

ности, съ какою запоминалъ все видѣнное; внослѣдствіи Ломоносовъ нерѣдко пользовался въ своихъ ученыхъ трудахъ этими юношескими наблюденіями. Вотъ, напр., что онъ пишетъ о лопаряхъ въ 1761 году: «Лопари съ финцами одного поколѣнія, ровно какъ и съ корѣлами и со многими сибирскими народами. Языки имѣютъ одного происхожденія и разнятся другъ отъ друга, какъ пѣмецкой отъ датскаго и шведскаго или италіанской отъ французскаго, а отличаются лопари одною только скучностью возраста и слабостію силы, за тѣмъ, что мясо и хлѣбъ ѓдятъ рѣдко, питаясь одною почти рыбью. Я, будучи лѣтъ четырнадцати, побарывалъ и перетягивалъ тридцатилѣтнихъ сильныхъ лопарей. Лопарки хотя лѣтомъ, когда солнце не заходитъ, весьма загораютъ, ни бѣлизъ, ни румянъ не знаютъ; однако, мнѣ ихъ видѣть нагихъ случалось и бѣлизнѣ ихъ дѣвиться, которою онъ самую свѣжую треску превосходять — свою главную и повседневную пищу».

Кромѣ собственного промысловаго дѣла, въ которое особенно посвящалъ сына отецъ въ разсчетѣ передать ему потомъ все веденіе своихъ дѣлъ, Ломоносовъ познакомился со многимъ другимъ: не говоря уже о ремеслахъ, которыя онъ видѣлъ на верфяхъ Сѣверной Двины (главнымъ образомъ известной Вавчужской верфи, въ 10 верстахъ отъ Кур-острова, строившей торговые и военные корабли), Ломоносовъ изучилъ соляное дѣло на поморскихъ солеварияхъ Бѣлаго Моря (съ которыхъ покупалъ соль для отцовскаго промысла); наблюдалъ дѣйствие волнъ на берега, приливы и отливы, вѣтры, льды и ледяныя горы Сѣвернаго Океана, сѣверные сіянія и т. под. Все это возбуждало въ немъ живѣйшій интересъ и страстное желаніе изучить тѣ науки,

которые позволили бы ближе познать эти явления природы.

Послѣ возвращенія позднею осенью съ промысловъ, Ломоносовъ принимался за книги. Онъ рано научился грамотѣ у сосѣда, а можетъ быть и родственника Ломоносовыхъ,—Ивана Шубнаго, а затѣмъ обучался вѣроятно у Семена Никитича Сабельникова, дьячка ближней приходской

Димитріевская церковь въ Куростровѣ, построенная во времена Ломоносова по снимку 1910 г.

церкви (сгорѣвшей въ 1718 году; на ея мѣстѣ воздвигнута въ 1728 г., главнымъ образомъ заботами Василія Дорогомилова Ломоносова, каменная Димитріевская церковь, существующая и понынѣ); успѣхи его были поразительны, такъ какъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ уже читалъ въ приходской церкви псалмы и каноны и настолько лучше

другихъ, болѣе старыхъ начетчиковъ, что послѣдніе не рѣдко били его изъ зависти. Духовныя книги были единственными, которыя онъ въ то время могъ доставать; онъ быстро ихъ прочитывалъ и, благодаря необыкновенной памяти, легко запоминалъ прочитанное; особенное вліяніе оказала на него риѳмованная Псалтирь Симеона Полоцкаго. Въ то время на сѣверѣ былъ сильно распространенъ расколъ, и до настѣ дошло извѣстіе, что Ломоносовъ, 13-ти лѣтъ отъ роду, примкнулъ къ толку безпоповщины и лишь черезъ два годабросилъ эту секту; вѣроятно, однако, произошло это позже, когда ему было 16 — 17 лѣтъ.

Около этого времени попались Ломоносову у богатаго крестьянина Христофора Дудина первыя педуховныя книги: старинная славянская грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго *). Старикъ Дудинъ ни за что не хотѣлъ давать ихъ ему; послѣ смерти его (12 июня 1724 года) Ломоносовъ долгое время угождалъ сыновьямъ Дудина, пока тѣ не подарили ему эти книги. Онъ быстро усвоилъ ихъ содержаніе, хоть сколько нибудь удовлетворявшее его влеченіе къ знанію и, за неимѣніемъ другихъ, много разъ перечитывалъ ихъ.

Мать Ломоносова умерла, когда онъ былъ еще малышикомъ; отецъ его вскорѣ женился второй разъ на дочери крестьянина Михайлы Ускаго, Феодорѣ Михайловнѣ, скончавшейся 14 июня 1724 года, а затѣмъ вступилъ, 11 октября того же года, въ третій бракъ со вдовою Ириною Семенов-

*.) Эта ариѳметика (изд. 1703 года) не была похожа на нынѣшнія ариѳметики, по представляла собою цѣлую энциклопедію, дававшую свѣдѣнія по физикѣ, геометріи, астрономіи, географіи, навигаціи и т. д., изложеныя такъ, чтобы читатель могъ понимать все безъ учителя.

вою, дочерью крестьянина Корельского. Эта вторая мачеха, вѣроятно, женщина пожилая и сварливая, не взлюбила Михаилу и не упускала случая возстановить противъ него отца. Особенно не нравилось ей пристрастіе мальчика къ книгамъ, и ему приходилось читать и учиться, чему можно было, въ уединенныхъ и скрытыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и холодъ.

Съ течениемъ времени этотъ семейный гнѣтъ становился все невыносимѣ, и дома, изъ-за постоянныхъ попрековъ и ругательствъ, Ломоносову совершенно не было покоя. Къ тому же онъ больше не могъ чему-нибудь научиться на родинѣ: дальнѣйшее образованіе можно было получить только при помощи латинскаго языка, на которомъ писали тогда всѣ ученые. Правда, въ 1723 году при Холмогорскомъ архіерейскомъ домѣ архіепископомъ Варнавою была открыта славяно-латинская школа; но Ломоносовъ не могъ въ нее поступить: въ школы не принимали крестьянъ, положенныхъ въ подушный окладъ. Поэтому очень вѣроятно, что, въ связи съ невыносимымъ семейственнымъ положеніемъ, именно страстное стремленіе къ просвѣщенію заставило его принять рѣшеніе покинуть родной край и идти туда, где не знали, что онъ — крестьянинъ. Выборъ его естественнопалъ на Москву: въ то время поморы имѣли очень оживленныя торговые сношения съ Москвою, и поэтому Ломоносовъ по разсказамъ своихъ знакомыхъ, посѣщавшихъ Москву, могъ хорошо ее узнать.

Это намѣреніе Ломоносова привелъ въ исполненіе въ самомъ концѣ 1730 года.

До сихъ поръ уходъ Ломоносова изъ родной деревни всегда представляли въ видѣ тайного побѣга: онъ, будто

Ранние почерки Ломоносова.

1726 годъ.

Согласно аукціону аукциону
старо-столичного драгоценных камней
и ювелирных изделий
имени Фёдора Ивановича
Ломоносова в честь Приморий

Подпись Ломоносова на подрядной записи 4 февраля 1726 г.

1730 годъ.

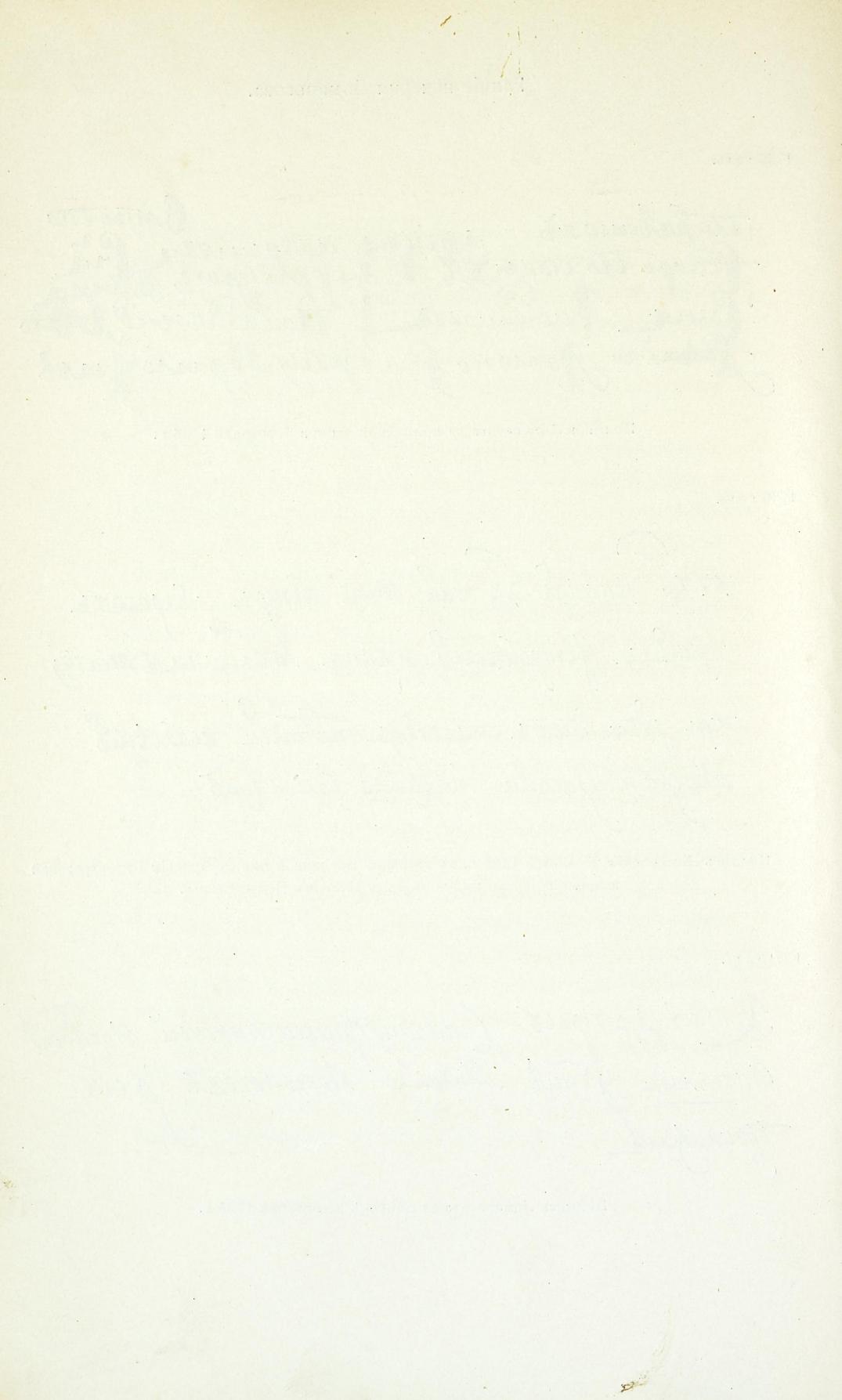
1730 Января 25 днъ тѣже пѣтушина
принадлежалъ князю Михаилу Семенову
при рѣбѣ дѣнегъ платить по алии посѣтнѣй
стекраныица михаило ломоносовъ

Подпись Ломоносова 25 января 1730 г. въ тетради, заведенной при построении Куростровской каменной церкви подрядчикомъ Петромъ Некрасовымъ.

1734 годъ.

Камъ допросъ славенаго архитектора Михаило
Академии Ученыхъ Михаило Ломоносовъ рѣти
Приложилъ

Подпись Ломоносова на допросѣ 4 сентября 1734 г.

бы безъ вѣдома отца, взялъ паспортъ черезъ управляющаго земскими дѣлами въ Холмогорахъ Ивана Васильевича Милюкова, выпросилъ у сосѣда Шубнаго тулупъ или полукафтанье и 3 рубля денегъ и почюю ушелъ изъ дома... Документальная данныя, недавно ставшія известными, рисуютъ дѣло въ иномъ видѣ. Въ волостной книгѣ Курострова записано: «1730 года, декабря 7 дня, отпущенъ Михайло Васильевъ Ломоносовъ къ Москвѣ и къ морю до сентября мѣсяца предбудущаго 731 года, а порукую по немъ въ платежѣ подушныхъ денегъ Иванъ Баневъ росписался» (Баневъ былъ сосѣдомъ Ломоносовыхъ). Затѣмъ имѣется показаніе за подписью Ломоносова, гдѣ говорится объ этомъ слѣдующее: «въ прошломъ 1730 году ^{декабря} въ 9-мъ числѣ съ позволенія онова отца ево отбылъ онъ Ломоносовъ въ Москву, о чемъ дань былъ ему и пашпорть... ись Холмогорской воеводской канцеляріи за рукою бывшаго тогда воеводы Григорія Воробьевъ». Можно считать поэтому несомнѣннымъ, что никакого тайного побѣга не было, и уходъ Ломоносова въ Москву совершился съ вѣдома,—даже, быть можетъ,—съ согласія, его отца.

По пути въ Москву онъ оставался, по преданью, пѣсколько дней въ Антоніевскомъ Сійскомъ монастырѣ въ качествѣ псаломщика, а затѣмъ прибылъ въ Москву (можетъ быть, съ рыбнымъ обозомъ изъ Холмогоръ) въ самомъ началѣ января 1731 года и остановился у подьячаго Сыскнаго Приказа Ивана Дутикова. Имѣются свѣдѣнія, что сперва опять началъ было посѣщать Навигацкую (морскую) школу, но вскорѣ оставилъ ее и въ послѣднихъ числахъ января подалъ прошеніе архимандриту Заикопо-спасскаго монастыря Герману о принятіи его въ то един-

ственное московское учебное заведение, которое могло называться высшимъ — Славяногреколатинскую Академію при Заиконоспасскомъ монастырѣ. Архимандритъ приказалъ сдѣлать Ломоносову допросъ, на которомъ тотъ показалъ, что онъ — дворянскій сынъ изъ города Холмогоръ; послѣ этого архимандритъ опредѣлилъ его въ Академію. Поступить туда, повидимому, много помогъ Ломоносову его односельчанинъ Яковъ Пятухинъ, приказчикъ, каждый годъ пріѣзжавшій въ Москву по торговымъ дѣламъ. Осенью 1731 года Ломоносовъ не вернулся на родину и съ этого времени числился въ бѣгахъ.

Славяногреколатинская Академія, основанная въ 1684 г., при Ломоносовѣ имѣла 8 классовъ: 4 низшихъ, 2 среднихъ и 2 высшихъ. Въ четырехъ низшихъ учили читать и писать по-латыни (грамматикѣ и синтаксису), славянскому языку, географіи, исторіи, катехизису и ариѳметикѣ; въ послѣднемъ низшемъ классѣ всѣ ученики должны были уже говорить по-латыни, и этотъ предметъ, какъ необходимый тогда для изученія всѣхъ другихъ наукъ, считался главнымъ. Западя учениковъ провѣрялись сперва аудиторами, выбранными изъ наиболѣе прилежныхъ учениковъ, а по томъ учителемъ; по субботамъ происходили генеральные репетиціи, и лѣнивые ученики подвергались заслуженному наказанію. Въ среднихъ классахъ, называвшихся птицкой и реторикой, занимались изученіемъ поэзіи и краснорѣчія; наконецъ, въ двухъ старшихъ классахъ — философіи и богословіи — ученики дѣлались уже студентами и оканчивали курсъ учеными богословами; преподаваніе богословскихъ наукъ велось во всѣхъ среднихъ и высшихъ классахъ.

Въ Академії Ломоносовъ прежде всего и съ большимъ усердіемъ принялъся за латинскій языкъ, въ то время предверіе всѣхъ наукъ. Дѣло пошло прекрасно: пизшіе классы онъ прошелъ очень быстро—первые три въ одинъ годъ—и черезъ годъ онъ могъ уже писать небольшіе стихи на латинскомъ языкѣ. Тутъ его постигло разочарованіе: точныхъ наукъ, къ которымъ онъ такъ стремился, въ духовной академіи не преподавалось... Въ свободные часы рымся онъ въ монастырской библіотекѣ, но, конечно, тамъ было лишь самое незначительное число книгъ не духовныхъ. Въ общемъ положеніе его было во всѣхъ отношеніяхъ крайне тяжелымъ, какъ видно изъ собственныхъ словъ его: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда кромѣ меня дѣтей не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанныя бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованія, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная отца моего достатки, хорошия тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдалутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться!»

Содержание въ три копѣйки въ день получали ученики первыхъ шести классовъ, а студентамъ это содержание увеличивалось до 4 копѣекъ въ день. Существовать на эти деньги было возможно, такъ какъ всѣ съѣстные припасы стоили тогда разъ въ двѣнадцать дешевле, чѣмъ теперь. Нѣсколько облегчали положеніе Ломоносова лишь ежегодныя пособіенія уже упомянутаго прикащица Пятухина: это была живая связь съ родиной, да къ тому же Пятухинъ, человѣкъ добрый, всегда оставлялъ ему нѣсколько денегъ—до семи рублей въ годъ.

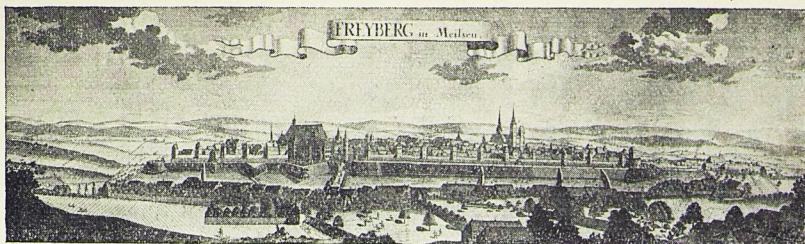
Вѣроятно тяжелое материальное положеніе заставило Ломоносова предпринять въ 1734 году, когда онъ былъ уже въ классѣ реторики, довольно рискованный шагъ. Въ этомъ году правительство снарядило, подъ начальствомъ И. К. Кириллова, экспедицію для закрѣпленія за Россіей восточной ея окраины: въ задачу этой экспедиціи входило основаніе нового города на рекѣ Орѣ (Оренбурга), а также возможное развитіе торговыхъ спошненій. Для нея требовался священникъ, и Кирилловъ, послѣ того, какъ никто изъ Московскихъ ученыхъ священниковъ не пожелалъ бѣхать съ нимъ, обратился въ Славяно-греко-латинскую Академію съ просьбою назначить священникомъ желающаго изъ учениковъ старшихъ классовъ. Вызвался бѣхать Ломоносовъ, и архимандритъ приказалъ сдѣлать ему допросъ. 4-го сентября на этомъ допросѣ въ канцеляріи Академіи онъ показалъ, что его отецъ «города Холмогорахъ церкви Введенія пресвятой Богородицы попъ Василей Дороѳѣевъ» и что онъ не положенъ въ подушной окладѣ... Протоколъ допроса заканчивается фразой «а буде онъ (Ломоносовъ) въ семь допросѣ сказалъ что ложно, и за то священнаго чина

будеть лишенъ, и постриженъ, и сосланъ въ жестокое подначальство въ дальней монастырь» и подписью Ломоносова. При провѣркѣ этого показанія непосредственно за этимъ въ Каморѣ-Коллегіи онъ былъ снова допрошенъ; но тутъ, можетъ быть испугавшись суроваго наказанія, онъ показалъ о себѣ всю правду: признался, что онъ сынъ дворцоваго крестьянина и положенъ въ подушный окладъ и объяснилъ прежнее показаніе тѣмъ, что пожелалъ самоохотно ѿхать въ экспедицію, а «что сказался поповичемъ, и то училъ отъ простоты своей, не надѣясь въ томъ быть притчины и препятствія къ произведенію въ священство...», а нынѣ онъ желаетъ по прежнему учиться въ оной же Академіи». Само собою разумѣется, что послѣ этого Ломоносовъ не могъ быть посвященъ въ священники, какъ крестьянъ, и вопросъ объ участіи его въ экспедиціи отпалъ. Сколько извѣстно, чистосердечное признаніе это не повредило ему, и онъ продолжалъ оставаться въ Академіи.

Въ концѣ 1734 года Ломоносовъ, перешедшій въ классъ философіи, послѣ усиленныхъ просьбъ у архимандрита, былъ посланъ на одинъ годъ въ Киевскую Духовную Академію, славившуюся тогда своими учеными силами: онъ надѣялся поучиться тамъ математикѣ и физикѣ, но не нашелъ въ Киевѣ желаемаго и вернулся въ Москву въ 1735 г., еще до истеченія года. Передаютъ, что вскорѣ по возвращеніи Ломоносовъ получилъ предложеніе идти священникомъ въ Кореліо, но послѣ описаннаго происшествія съ Оренбургской экспедиціей врядъ-ли могло быть сдѣлано такое предложеніе Ломоносову, какъ не имѣвшему права стать священникомъ. Неизвѣстно, какіе были у него въ это время планы для осуществленія своего завѣтнаго желанія сдѣ-

латься ученымъ; но, какъ мы увидимъ, уже въ концѣ того же 1735 года счастливый случай неожиданно далъ Ломоносову все, что раньше казалось совершенно недосягаемымъ для крестьянина.

Пребываніе въ Академіи, не говоря о пройденныхъ наукахъ и полномъ знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ, было весьма плодотворно для Ломоносова: онъ получилъ здѣсь то, что врядъ ли сумѣлъ бы пріобрѣсти самоучкой — получилъ пѣкоторое образованіе; а такія науки, какъ логика и философія,несомнѣнно много способствовали выработкѣ той ясности и правильности мышленія, которыя мы встрѣчаемъ во всѣхъ его позднѣйшихъ научныхъ работахъ. Въ то же время тяжелыя условія жизни закалили его и дали ему силу и настойчивость для преодолѣнія встрѣчавшихся на жизненномъ пути препятствій.

Видъ г. Фрейберга, временъ пребыванія въ немъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры середины XVIII ст.

II.

Въ 1720 году Петръ Великій задумалъ основать въ Петербургѣ Академію Наукъ по своеобразному плану: по его мысли Академія надлежало быть одновременно и уч-

еннымъ, и учебнымъ учрежденіемъ и заключать: среднюю школу—гимназію, высшую—университетъ и собственно Академію Наукъ, т. е. высшее ученое общество. За полнымъ отсутствіемъ въ то время ученыхъ въ Россіи, ихъ пришлось приглашать изъ-за границы, въ чёмъ большое участіе принималъ германскій философъ и профессоръ Христіанъ Вольфъ, котораго лично зналъ Петръ Великій. Вольфъ весьма добросовѣстно выполнилъ порученную ему нелегкую за-

Христіанъ Вольфъ (ум. 1754).
Съ гравюры И. Г. Вилла.

дачу, и приглашенные по его предложению академики были действительно выдающіеся люди, съ первыхъ

же поръ создавшіе своими трудами (особенно по высшей математикѣ) Петербургской Академіи Наукъ прекрасную репутацію за границей. Эти академики, какъ и позднѣйшіе, назывались профессорами и должны были, кромѣ занятій своими науками, читать лекціи въ Университетѣ.

Императрица Екатерина I принимала большое участіе въ дѣлахъ Академіи и жаловала академиковъ; послѣ же вступленія на престолъ Петра II (1727) весь дворъ перешелъ въ Москву, и для Академіи настутили тяжелые дни: гимназія почти совершенно лишилась учениковъ, переселившихся вмѣстѣ съ родителями въ Москву; возникли и денежныя затрудненія: Академія по цѣлымъ годамъ не получала слѣдуемыхъ ей депегъ и надѣлала на эпачительную сумму долговъ, вызванныхъ учрежденіемъ академическихъ типографіи, словолитни, переплетной, мастерской для рѣзьбы на камняхъ, гравировальни и т. д. Наконецъ, не было устава и штата Академіи, главную власть имѣла академическая канцелярія, и ея правитель, библіотекарь Іоганнъ-Даниль Шумахеръ, присвоилъ себѣ фактическое распоряженіе всѣми дѣлами Академіи.

Президенты Академіи пытались сдѣлать, что могли, для улучшенія тяжкаго положенія Академіи; почти каждый изъ нихъ подавалъ проекты устава и штата, но эти проекты не утверждались. Въ 1734 году главнымъ командиромъ Академіи былъ назначенъ баронъ И. А. Корфъ, при которомъ, несмотря на всѣ его усилия, состояніе Академіи не улучшилось. Баронъ Корфъ обратилъ вниманіе и напустившіе университетъ и гимназію и для пополненія ихъ обратился 13 мая 1735 года въ Сенатъ съ ходатайствомъ: выбрать черезъ означенныхъ къ тому отъ Академіи людей

02.08

изъ монастырей, гимназій и школъ Россіи достойныхъ учениковъ, достаточно подготовленныхъ для слушанія лекцій профессоровъ; это ходатайство было уважено, и Сенатъ предписалъ ректору Заиконоспасской Академіи, архимандриту Стефану, выбрать и послать въ Петербургъ 20 учениковъ, «въ наукахъ достойныхъ». Такихъ учениковъ наплось, однако, всего двѣнадцать, по словамъ архимандрита—«не послѣдняго, по нашему мнѣнію, остроумія». Среди нихъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, былъ и философъ Михаило Ломоносовъ. Они были отправлены въ Петербургъ 23 декабря 1735 года и прибыли сюда въ день новаго 1736 года, а на слѣдующій день были зачислены студентами Университета. Такимъ образомъ, совершило неожиданно, передъ Ломоносовымъ открылся путь къ дальнѣйшему просвѣщенію. Это было первое соприкосновеніе его съ Петербургской Академіей Наукъ, и съ этого дня жизнь и дѣятельность его до самой его смерти неразрывно связаны съ нею. Между тѣмъ судьба готовила Ломоносову новую неожиданность.

Еще въ предыдущемъ, 1735 году главный командиръ Академіи тщетно отыскивалъ за границей, для участія въ академической экспедиціи, изслѣдовавшей Сибирь, химика, который въ то же время зналъ бы металлургію и горное дѣло. По совѣту извѣстнаго въ то время саксонскаго металлурга Генкеля во Фрейбергѣ, Академія рѣшила послать къ нему во Фрейбергъ, для обучения химіи и металлургії, трехъ студентовъ, наиболѣе къ сему подготовленныхъ. Выборъ палъ на московскихъ студентовъ Ломоносова и Виноградова и на сына горнаго совѣтника Рейзера. Узнавъ о предстоящей отправкѣ ихъ во Фрейбергъ,

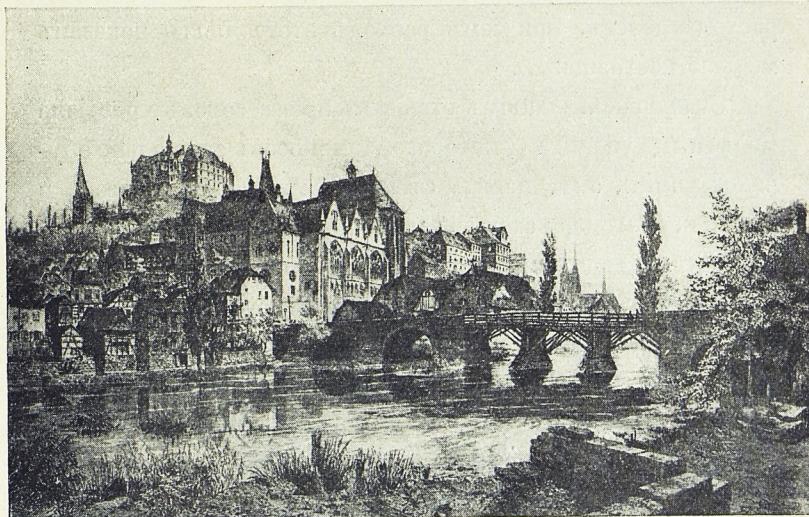

отецъ Рейзера указалъ барону Корфу, что имъ необходимо сначала познакомиться съ математикой, механикой, физикой, философией и химієй, а потомъ уже учиться горному дѣлу и металлургії. Это дѣльное указаніе было принято во вниманіе, и для прохожденія этихъ наукъ, а также для изученія нѣмецкаго и французскаго языковъ было определено послать молодыхъ людей сперва въ Марбургскій Университетъ, къ профессору Христіану Вольфу, давшему на это свое согласіе. Такъ случайное стеченіе чрезвычайно благопріятныхъ обстоятельствъ открыло Ломоносову возможность проходить точныя науки подъ руководствомъ одного изъ извѣстнѣйшихъ заграничныхъ профессоровъ—о чёмъ онъ, вѣроятно, никогда и не мечталъ.

Резолюціей Кабинета министровъ 13 марта 1736 года окончательно решена была посылка за границу трехъ студентовъ съ содержаніемъ на всѣхъ въ 1200 р. въ годъ, при чемъ каждому можно было тратить только 300 р., а остальные 100 р. должны были оставаться про запасъ. 18 августа Ломоносовъ, Виноградовъ и Райзеръ получили инструкцію за подписью барона Корфа, въ которой имъ предписывалось изучать все и теоретически, и практическіи, а нѣмецкій и французскій языки—такъ, чтобы свободно на нихъ говорить и писать; каждые полгода присыпать отчеты объ учениіи и объ израсходованныхъ деньгахъ; во всѣхъ мѣстахъ своего пребыванія показывать пристойные нравы и поступки, наилучше стараться о прохожденіи своихъ наукъ и т. д.

Путешествие въ Марбургъ заняло не мало времени; корабль могъ только 19 сентября прийти въ Кронштадтъ, оттуда, изъ-за сильныхъ бурь, снялись лишь 23-го и прибыли

въ Травемюнде 16 октября. Нѣсколько днѣй наши мореплаватели отдыхали въ Любекѣ, а затѣмъ на почтовыхъ, черезъ Гамбургъ, Минденъ и Кассель, достигли 3 ноября Марбурга, гдѣ ихъ встрѣтилъ профессоръ Вольфъ.

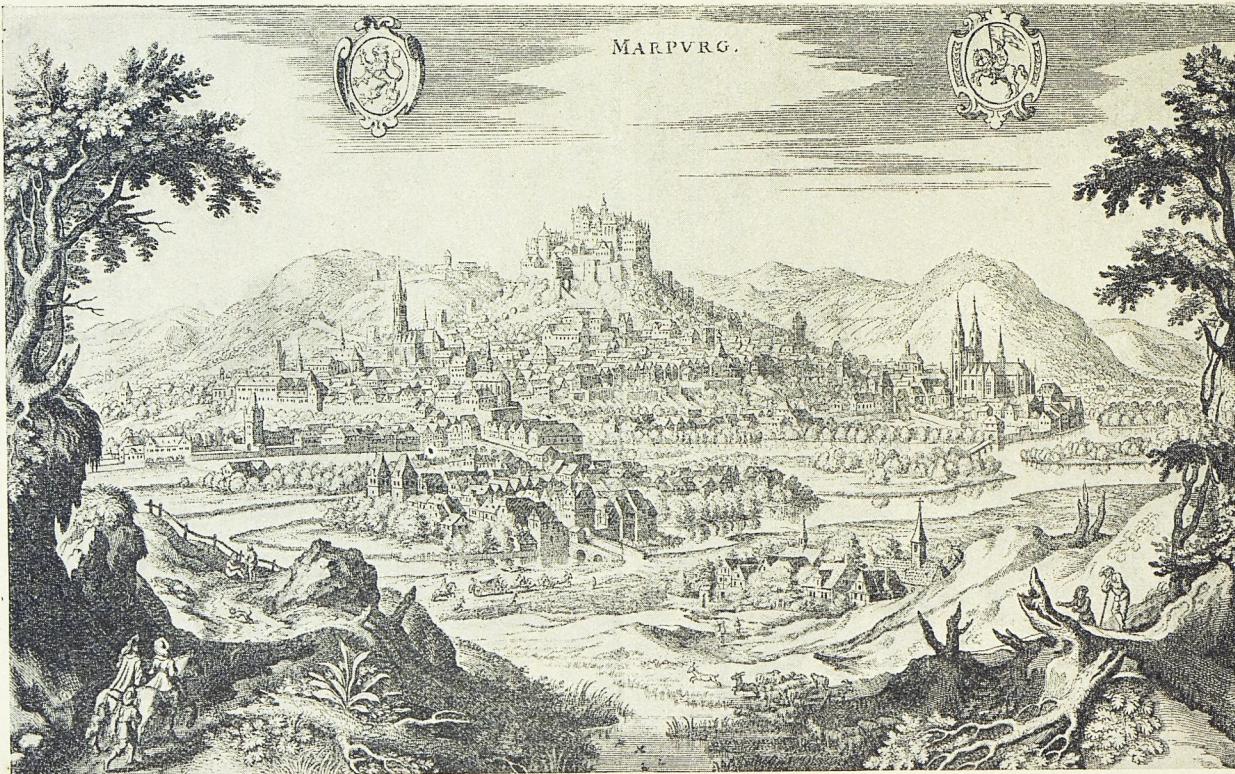
Университетъ въ Марбургѣ. Съ гравюры Б. Машфельда.

Не знаяшіе нѣмецкаго языка Ломоносовъ и Виноградовъ принялись, конечно, прежде всего за него; черезъ два мѣсяца Ломоносовъ могъ уже на немъ объясняться и вскорѣ изучилъ его въ совершенствѣ. Послѣ суровой строгости Московской Духовной Академіи молодые люди очтились въ свободной атмосферѣ нѣмецкаго университета, среди студентовъ, празднующихъ свое избавленіе отъ узъ гимназій; послѣ жалованія въ 3 копѣйки въ день въ ихъ распоряженій было содержаніе въ 30 разъ большее. Вполнѣ естественно, что при такихъ условіяхъ у нихъ про-

явились дикость нравовъ и невоспитанность; инструкція была забыта, и кутежи и попойки стали обычнымъ времеѧ-провождешемъ нашихъ студентовъ. Только послѣ многократныхъ напоминаній, почти черезъ годъ, они послали въ Академію свои первые отчеты по научной части и въ расходѣ денегъ, при чёмъ расходъ этотъ былъ показанъ меньше настоящаго...

Судя по похвальнымъ отзывамъ профессоровъ Христіана Вольфа и Дуйзинга (у котораго Ломоносовъ специально обучался химії), онъ, наряду съ кутежами, не забрасывалъ и наукъ и, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, хорошо усвоилъ тѣ предметы, которые изучалъ. Особенное удовольствіе доставляли ему лекціи самого Вольфа по философіи, физикѣ и механикѣ; то, что онъ здѣсь пріобрѣлъ, послужило ему въ будущемъ основаніемъ для собственныхъ научныхъ изслѣдованій. Кромѣ того, Ломоносовъ хорошо познакомился съ новыми языками, а также съ рисованіемъ.

Тѣмъ временемъ до свѣдѣнія профессора Вольфа стали доходить слухи о долгахъ нашихъ студентовъ; о нихъ онъ сообщилъ барону Корфу—и изъ Академіи была прислана болѣе строгая инструкція студентамъ, съ наказомъ ни въ какомъ случаѣ не дѣлать долговъ. Но и эта инструкція произвела не больше дѣйствія, чѣмъ первая: долговъ накоплялось все больше и больше и, когда пришло время покинуть Марбургъ и перейти къ изученію metallurgii и горнаго дѣла во Фрейбергъ, къ берграту Генкелю, общая сумма долговъ оказалась доходящей до 1936 талеровъ, т. е. болѣе 10000 р. на теперешнія деньги! Вольфу пришлось расплачиваться со всѣми кредиторами, отчасти собственными деньгами, которыя ему потомъ вернула Академія

Видъ Марбурга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ пѣменкою гравюры первой половины XVIII ст.

Наукъ. Наконецъ наши студенты уѣхали въ 1739 году, къ удовольствію Вольфа, который писалъ по этому случаю барону Корфу: «студенты уѣхали отсюда 20 іюля утромъ, послѣ 5 часовъ, и сѣли въ экипажъ у моего дома. Изъ-за Виноградова мнѣ пришлось еще много хлопотать, чтобы предупредить столкновенія его съ разными студентами... Ломоносовъ также еще выкинулъ штуку, въ которой было мало проку... Время свое они провели здѣсь не совсѣмъ напрасно...; въ особенности Ломоносовъ сдѣлалъ успѣхи въ наукахъ; съ нимъ я чаще имѣлъ случай говорить... и его мачера разсуждать мнѣ болѣе извѣстна. Причина ихъ долговъ обнаруживается лишь теперь, послѣ ихъ отѣзда. Они черезъ мѣсяцъ предавались разгульной жизни и были пристрастны къ женскому полу. Пока они сами были еще здѣсь на лицо, всякий боялся сказать про нихъ что-нибудь, потому что они угрозами своими держали всѣхъ въ страхѣ. Отѣзданіе ихъ освободило меня отъ многихъ хлопотъ».

Во Фрейбергѣ Ломоносовъ со своими товарищами пріѣхалъ 25 іюля. Бергратъ Генкель былъ уже предупрежденъ письмомъ барона Корфа объ ихъ прибытии; ему были даны очень строгія предписанія: вслѣдствіе необходимости уплатить долги студентовъ въ Марбургѣ годовое содержаніе каждого отнынѣ назначено было въ размѣрѣ 150 р.; деньги эти Генкель долженъ былъ хранить у себя и оплачивать необходимые расходы студентовъ, послѣднимъ же выдавать на руки по 1 талеру въ мѣсяцъ; затѣмъ объявить везде въ городѣ, чтобы имъ никто не вѣрилъ въ долгъ, такъ какъ Академія Наукъ уплачивать ихъ долгъ не будетъ. Такую же строгую инструкцію получили и сами студенты. Во Фрейбергѣ жилъ въ это время Юнкеръ, быв-

шій профессоръ политики, морали и элоквенціи Петербургской Академіи Наукъ, изучавшій теперь, по порученію Русскаго правительства, соляное дѣло; онъ посѣтилъ студентовъ, присутствовалъ на первыхъ лекціяхъ Генкеля и писалъ барону Корфу: «студенты по одеждѣ своей, правда, глядѣли неряхами, но по части указанныхъ имъ наукъ... положили прекрасное основаніе, которое послужило намъ яснымъ доказательствомъ ихъ прилежанія въ Марбургѣ. Точно также я при первыхъ лекціяхъ въ лабораторіи не могъ не замѣтить ихъ похвальной любознательности и же-

Magister metallorum
Der Berg-Meister
der Magdeburg

Бергмайстеръ во Фрейбергѣ, времень
пребыванія тамъ Ломоносова. Съ пѣ-
мецкой гравюры 1730 г.

Artifex experimenti metalli a partibus Dominorum
Der Geuercken Proberer
c

Пробирный мастеръ во Фрейбергѣ,
времень пребыванія тамъ Ломоносова.
Съ пѣмецкой гравюры 1730 г.

ланія дознаться основанія вещей». Ломоносовъ затѣмъ много помогалъ Юнкеру переводами его отчетовъ по соляному дѣлу на русскій языкъ.

Первое время занятія во Фрейбергѣ подъ руководствомъ Генкеля шли довольно гладко. Къ этому же времени, т. е. къ концу 1739 года, относится и сочиненіе Ломоносовымъ оды на взятіе русскими войсками турецкой крѣпости Хотина. Въ этой одѣ онъ употребилъ тоническій размѣръ, впервые, какъ известно, примѣненный къ русскому языку В. К. Тредьяковскимъ. Какъ разсказываютъ, Ломоносовъ получилъ любовь къ поэзіи подъ вліяніемъ стихотвореній основателя Московской Духовной Академіи Симеона Полоцкаго и въ бытность свою въ Академіи сочинилъ нѣсколько стишковъ*). Въ 1738 г. въ Марбургѣ имъ была переведена ода Фенелона, какъ образчикъ знакомства съ французскимъ языкомъ, стихами метрическаго размѣра (трояеями). Ода на взятіе Хотина написана была ямбами — первое стихотвореніе такого размѣра на русскомъ языкѣ. Вмѣстѣ съ письмомъ о правилахъ Россійского стихотворства, гдѣ, кромѣ правилъ съ примѣрами, имѣется и критика нѣкоторыхъ взглядовъ Тредьяковскаго, ода эта была привезена въ Петербургъ и передана Академіи, вѣроятно, Юнкеромъ; цѣликомъ напечатана была лишь въ 1751 году.

Недолго продолжались, однако, хорошія отношенія между Ломоносовымъ и Генкелемъ: въ январѣ 1740 года между ними произошелъ первый разрывъ; потомъ они временно помирились, но отношенія ихъ продолжали обо-

*) Напр., „Стишки на туясокъ“: „Услышали мухи медовый духи...“ Туясомъ на сѣверѣ Россіи и въ Сибири зовутъ сосудъ изъ бересты для сохраненія варенья, меда и т. под.

стяться, и дѣло кончилось тѣмъ, что Ломоносовъ въ первыхъ числахъ мая скрылся изъ Фрейберга. Причиною ссоры Генкель выставлялъ нежеланіе Ломоносова заниматься въ лабораторіи и постоянныя требования денегъ, которыя не могли быть удовлетворены: Генкель писалъ нѣсколько разъ въ Академію о необходимости увеличить содержаніе студентовъ до 200 р. и выдавать имъ на руки болѣе значительныя суммы, чѣмъ значилось въ инструкціи, но представленія его не были исполнены. Ломоносовъ, съ своей стороны, винилъ злой и корыстолюбивый характеръ Генкеля, не дававшаго положенныхъ депегъ, и его неумѣлья методы преподаванія.

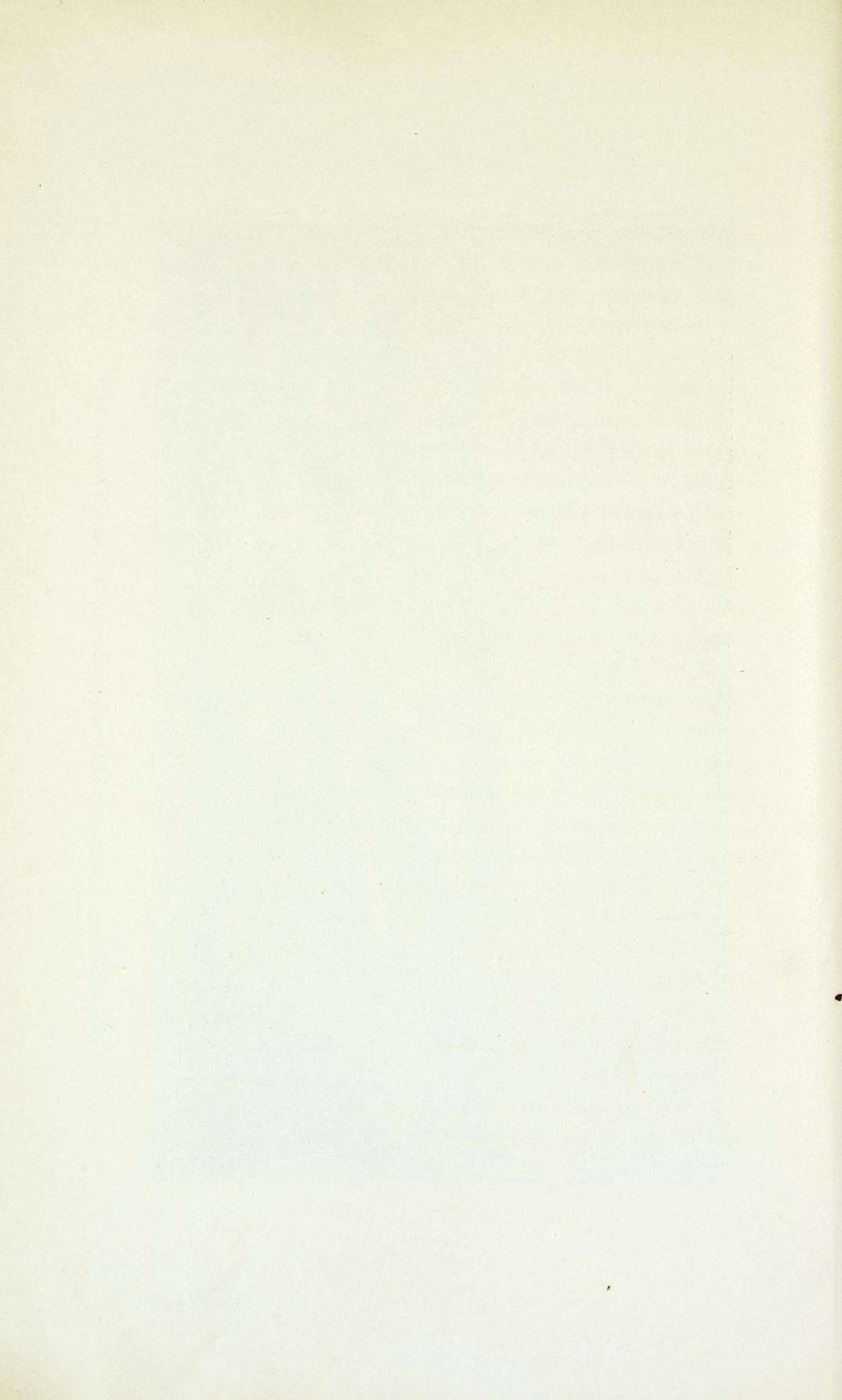
На этомъ закончились годы ученія Ломоносова. Въ общемъ полученнное имъ образованіе было довольно разносторонне: послѣ Московской Духовной Академіи онъ прошелъ за границей философию, точныя науки—математику, механику, физику, химию, а также metallurgiю и горное дѣло, которыя онъ несомнѣнно успѣлъ изучить во Фрейбергѣ, и познакомился нѣсколько съ естественными и гуманитарными науками вообще.

Съ мая 1740 года начинается богатый происшествіями періодъ странствованій Ломоносова. За отсутствіемъ денегъ онъ задумалъ обратиться прежде всего къ барону Кейзерлингу, русскому посланнику въ Лейпцигѣ, бывшему президенту Академіи Наукъ. Но когда онъ туда прибылъ (19 мая), оказалось, что Кейзерлингъ уѣхалъ въ Кассель; Ломоносовъ отправился за нимъ въ Кассель,—но тамъ ничего о Кейзерлингѣ не было известно, и онъ рѣшился возвратиться въ Россію, а такъ какъ денегъ у него совершенно не было,—то сперва зайхать въ Марбургъ. Въ

1. Peterkirche. 2. Rath. Haus. 3. St. Nicola. Kirche. 4. Alter. Markt. f. d. Kirche. 5. Thom. Kirche. Prospect der Stadt Freyberg in Meissen. 6. Churf. Begräbniss. Cap. 7. Das Schloss. 8. Kreuz. Mons. 9. Theigene.

Видъ Фрейберга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ пѣменской гравюры 1740 г.

Марбургъ онъ остановился у своихъ хорошихъ знакомыхъ и здѣсь, 6 июня 1740 года, женился на дочери незадолго передъ тѣмъ умершаго члена городской думы и церковнаго старшины Геприха Цильха—Елизаветѣ Цильхъ. Объ этомъ бракѣ онъ никому не говорилъ, такъ что въ теченіе пѣсколькихъ лѣтъ все считали его холостымъ.

Черезъ пѣсколько дней, взявъ взаймы денегъ, Ломоносовъ направился въ Россію: сперва во Франкфуртъ, а оттуда воднымъ путемъ по Майну и Рейну въ Роттердамъ и Гаагу. Здѣсь русскій посланникъ, графъ Головкинъ, отказалъ ему во всякой помощи и совершенно не хотѣлъ вмѣшиваться въ его дѣло. Ломоносовъ побѣжалъ тогда въ Амстердамъ, гдѣ часто бывали русскіе купцы, и дѣйствительно нашелъ тамъ знакомыхъ купцовъ изъ Архангельска, которые, однако, отсовѣтовали ему возвращаться, чтобы не подвергаться ответственности за самовольный пріѣздъ. Оставалось только вернуться въ Марбургъ къ женѣ; на возвратномъ пути съ нимъ случилось то приключение, которое онъ самъ называетъ страшною опасностью.

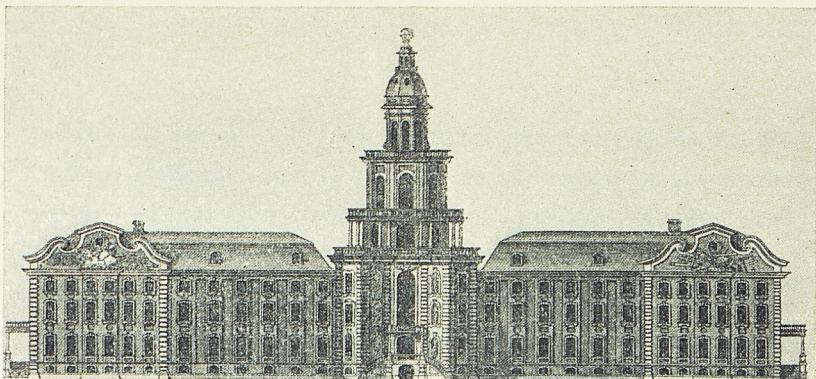
Когда Ломоносовъ перешелъ границу Голландіи и уже былъ въ Германіи, запечь онъ разъ вечеромъ въ какое-то мѣстечко на большой дорогѣ переночевать. Въ гостиницѣ нашелъ онъ прусскаго офицера, вербовавшаго рекрутовъ, съ солдатами и пѣсколькими новобранцами. Рослый, сильный Ломоносовъ привлекъ ихъ вниманіе, офицеръ пригласилъ его безъ платы поужинать съ ними; за угоженіемъ расхваливали ему королевскую службу и, напоивъ, убѣдили его поступить въ нее. Проснувшись на слѣдующее утро, увидѣлъ онъ у себя на шеѣ красный галстукъ, а въ карманѣ пѣсколько прусскихъ монетъ: онъ былъ теперь прус-

скимъ солдатомъ, — королевскимъ гусаромъ. Дня черезъ два Ломоносовъ, вмѣстѣ съ другими рекрутами, былъ отправленъ въ крѣпость Везель. Твердо рѣшивъ бѣжать при первомъ удобномъ случаѣ, онъ, чтобы не подать обѣ этомъ виду сопровождавшимъ его солдатамъ, притворился очень довольнымъ своею судьбой; тѣмъ не менѣе, его помѣстили въ крѣпости, а не на вольной квартире, какъ другихъ рекрутъ, и ему приходилось спать на скамейкѣ въ караульнѣ.

Каждый вечеръ ложился Ломоносовъ спать какъ можно раньше, такъ что высыпался довольно, когда товарищи его едва только засыпали. Разъ ночью, проснувшись около полуночи, замѣтилъ онъ, что всѣ крѣпко спятъ, и рѣшился сейчасъ же бѣжать, пользуясь тѣмъ, что караульня находилась недалеко отъ вала. Въ темнотѣ доползъ онъ до вала, чтобы часовые, разставленные на близкомъ разстояніи одинъ отъ другого, не замѣтили его; спустился въ ровъ, переплылъ его безъ шума, вскарабкался на валъ и опять спустился во второй ровъ и переплылъ его; потомъ взобрался на контрѣ-эскарпъ, перелѣзъ черезъ частоколь и палисадникъ и съ гласиса выбрался въ открытое поле. Самое трудное было сдѣлано: теперь надо было до разсвѣта успѣть добрѣжать до границы, до которой было 7 верстъ. Едва сдѣлалъ онъ четвертую часть пути, какъ стало свѣтать и вскорѣ съ крѣпости граниулъ пушечный выстрѣль: значитъ, побѣгъ былъ замѣченъ. Бѣглецъ напрягъ всѣ свои силы; оглядываясь, увидѣлъ онъ, какъ изъ крѣпости выѣхала конная погоня, по прежде, чѣмъ она могла настигнуть Ломоносова, онъ былъ уже за Вестфальской границей и, следовательно, въ безопасности. Днемъ онъ вы-

спался въ густомъ лѣсу, а вечеромъ пустился въ дальний-шій путь, выдавая себя всюду за бѣднаго студента, и уже безъ приключеній вернулся въ Марбургъ къ женѣ.

Въ Марбургѣ Ломоносовъ оставался до весны, занимаясь математикой и навѣщаю Христіана Вольфа, а затѣмъ, согласно полученному зимою изъ Академіи предписанію, по открытіи навигаціи одинъ отправился черезъ Любекъ въ Петербургъ, оставивъ жену въ Марбургѣ. Академикъ Я. Я. Штелинъ, пріятель Ломоносова, разсказываетъ въ своихъ «апекдотахъ и чертахъ изъ жизни Ломоносова», что въ пути на кораблѣ Ломоносовъ увидѣлъ во снѣ своего отца, лежащаго мертвымъ на одномъ изъ необитаемыхъ острововъ Бѣлаго моря, хорошо ему знакомомъ, такъ какъ не разъ бывалъ на немъ въ юности. По прибытіи въ Петербургъ онъ поспѣшилъ справиться у бывшихъ тамъ поморовъ о своемъ отцѣ; оказалось, что тотъ, дѣйствительно, не возвратился съ промысла осенью. Самъ Ломоносовъ не могъ въ то время отлучиться изъ Петербурга и послалъ къ роднымъ письмо съ просьбою отправиться, за его счетъ, на этотъ островъ, отыскать тѣло отца и похоронить. Это было сдѣлано еще въ то же лѣто; тѣло В. Д. Ломоносова дѣйствительно оказалось на томъ островѣ, и артель поморовъ похоронила тамъ его. Въ ревизской сказкѣ записано, что Василій Дорофѣевъ потонулъ въ морѣ въ 1741 году. До самой смерти онъ вносилъ за своего сына, числившагося въ бѣгахъ, подушную подать.

„Фасадъ Императорской Библіотеки и Кунсткамеры на востокъ“. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 г.
Академію Наукъ, л. VI, гравировала Григорій Качаловъ.

III.

8 июня 1741 года прибылъ Ломоносовъ въ Петербургъ, не исполнивъ, какъ мы видѣли, всѣхъ возложеныхъ на него Академіей Наукъ обязательствъ. Сколько, однако, известно, онъ не подвергся какимъ-либо взысканіямъ за свои прегрѣшенія, и советникъ Канцеляріи І. Д. Шумахеръ, въ то время отосившійся къ нему доброжелательно, отвелъ ему двѣ комнаты въ академическомъ домѣ по Второй линіи Васильевскаго Острова, за Среднимъ проспектомъ—гдѣ въ то время помѣщался, между Первой и Второй линіями, академический огородъ и ботаническій садъ *). Первое время у Ломоносова не было определенныхъ занятій; онъ представилъ въ Академію образчики своихъ знаній—двѣ диссертациіи, а затѣмъ составлялъ, подъ руководствомъ академика Аммана, описание минералогическихъ коллекцій Академіи, занимался переводами для «С.-Пе-

*) Нынѣ здѣсь находится Римско-Католическая Духовная Академія.

тербургскихъ Вѣдомостей» и сочинялъ оды ко дню рожде-
нія Иоанна Антоновича и на побѣду надъ Шведами при Виль-
манстрандѣ (23 августа 1741 г.). Эти оды, напечатанные
въ «Примѣчаніяхъ» къ «Вѣдомостямъ», настолько отличали-
лись, по звучности языка и содержанию, отъ произведеній
другихъ поэтовъ того времени, вродѣ Тредьяковскаго, что
обратили на себя общее вниманіе. Это были первые шаги
къ извѣстности будущаго академика: въ кругъ обязанно-
стей Академіи Наукъ входило въ то время и сочиненіе по-
хвальныхъ одъ на офиціальный придворныя торжества.

Полная неопределѣленность положенія и крайняя ску-
дость средствъ заставили Ломоносова подать прошеніе въ
Академію Наукъ, въ которомъ онъ напоминалъ объ обѣ-
щаніи по возвращеніи изъ-за границы произвести его въ
экстраординарные профессора; говорилось, что онъ нынѣ
науки такъ произошелъ, что «онымъ другихъ учить и къ
тому принадлежащія полезныя книги съ новыми инвенціями
писать можетъ», а потому просилъ удостоить его, пижай-
шаго, чиномъ по наукамъ. При содѣйствіи Шумахера Ло-
моносовъ былъ назначенъ 8 января 1742 г. адъюнктомъ
Академіи по физическому классу съ жалованіемъ въ 360
рублевъ въ годъ, считая въ то число квартиру, дрова и
свѣчи. Такъ какъ цѣна пищевыхъ продуктовъ была въ то
время въ 10—12 разъ меньше теперешняго (напр., фунтъ
мяса стоилъ не болѣе 2 копеекъ), то на эти деньги можно
было жить вполнѣ обеспеченно, если бы онъ выдавались
аккуратно; но безденежье въ Академіи было тогда перѣдко
такое, что жалованіе выдавали книгами по поминальной
цѣнѣ: получившимъ книги предоставлялось продавать ихъ,
кому угодно,—что, при маломъ распространеніи просвѣ-

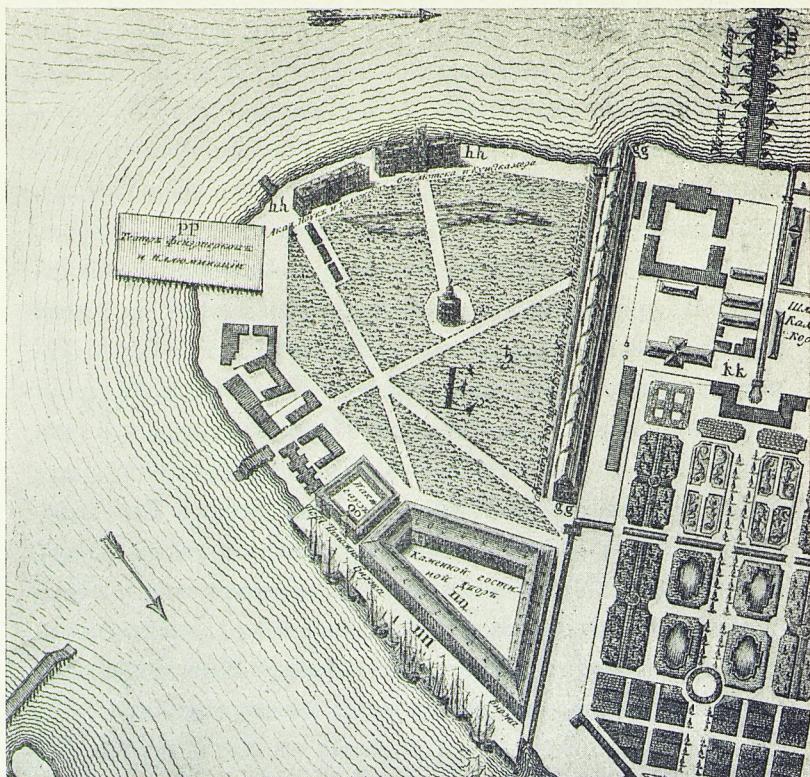
ищений, было не всегда легко и вело къ потерѣ заслуженныхъ денегъ.

Послѣ кончины императрицы Анны Іоановны десятилетннее господство нѣмцевъ, закончившееся регентствомъ Бирона, вызвало естественную реакцію: долго нароставшее озлобленіе противъ всего нѣмецкаго стало свободно проявляться и привело, 25 ноября 1741 года, къ перевороту, который возвелъ на престолъ дочь Петра Великаго, Елизавету Петровну, среди бурныхъ патріотическихъ манифестацій. Само собою разумѣется, что враждебное настроение противъ нѣмцевъ не могло не коснуться и Академіи Наукъ, въ то время состоявшей почти исключительно изъ иностраннцевъ, и имъ поспѣшили воспользоваться прежде всего тѣ, которымъ приходилось страдать отъ деспотическаго властнованія нѣмецкаго правителя Канцеляріи, Шумахера. Въ Сенатъ посыпались доношенія на него, исходившія отъ академика Делиля, совѣтника А. К. Нартова (бывшаго токаря Петра Великаго), канцелярскихъ служителей, нѣсколькихъ студентовъ и учениковъ; Шумахеръ обвинялся какъ въ присвоеніи казенныхъ денегъ, такъ и въ незаконномъ распоряженіи дѣлами всей Академіи, клонящемся къ извращенію предначертаній Петра Великаго.

Въ этихъ донесеніяхъ Ломоносовъ не принималъ участія, но несомнѣнно, что общее настроеніе отразилось и на немъ и выразилось, прежде всего, грандіозными скандалами въ сентябрѣ и октябрѣ 1742 года, учиненными имъ въ пьяномъ видѣ и закончившимися цѣльными сраженіями между нимъ и жившимъ въ томъ же домѣ, гдѣ и Ломоносовъ, академическимъ садовникомъ Штурмомъ и нѣмецкими гостями

послѣдняго. Штурмъ подробно описалъ эти сраженія въ своихъ донесеніяхъ въ Канцелярію; обѣ стороны пострадали, при чёмъ Ломоносовъ былъ взятъ караульными С.-Петербургскаго гарнизона, побывалъ на съезжемъ дворѣ, въ Полицеімейстерской Канцеляріи, изъ нея при промеморіи отправленъ былъ въ Академію и нѣкоторое время, вслѣдствіе пораненій, не могъ выходить изъ дому, какъ обѣ этомъ засвидѣтельствовалъ приглашенный для осмотра его докторъ Вильде; въ домѣ Штурма Ломоносовъ избѣгъ какъ его самого, такъ и жену его, гостей и служанку. Черезъ нѣсколько дней крѣпкій организмъ Ломоносова справился съ полученными поврежденіями, и этимъ дѣло для него и кончилось: въ это время канцеляріи совѣтникъ Шумахеръ сидѣлъ уже подъ арестомъ и все дѣла Академіи были въполномъ разстройствѣ. Дѣло въ томъ, что для вѣрности Нартовъ самъ поѣхалъ съ своимъ малограмотнымъ донесеніемъ въ Москву къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ; по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ октябрѣ, Шумахеръ былъ арестованъ, на его мѣсто правителемъ академической Канцеляріи опредѣленъ совѣтникъ Нартовъ и назначена слѣдственная комиссія, которая опечатала все бумаги Академіи. Нартовъ поспѣшилъ помѣстить донесшихъ на Шумахера въ Канцелярію; они считали теперь себя побѣдителями, вмѣшивались во все дѣла и обращались свысока съ академиками,—не принимавшими участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ Академіи. Къ этой группѣ лицъ присоединился и Ломоносовъ. Въ теченіе всего времени до апрѣля слѣдующаго, 1743 года мы постоянно находимъ жалобы академиковъ на него, обращенные въ слѣдственную комиссію; они жаловались, что

Ломоносовъ неоднократно — нерѣдко въ нетрезвомъ видѣ — обращался къ нимъ съвысока и съ бранными словами; входилъ въ Конференцію и непристойными выходками пре-

Часть Васильевского Острова съ видами: Академіи Наукъ, зданія съ Глобусомъ, Театра фейерверковъ и иллюминацій, зданія 12 Колледжей (нынѣ Университетъ). Съ 5-го листа плана Петербурга, посвященнаго Имп. Елизаветѣ, гравированнаго Ив. Соколовымъ, Мих. Махаевымъ и другими, исполненнаго по чертежамъ И. Трускота и изданнаго въ 1733 году.

рывалъ засѣданія ея, а также безчинствовалъ въ Географическомъ департаментѣ. Въ то же время онъ рѣзко отзывался и о Нартовѣ, какъ о небѣждѣ, неспособномъ су-

дить объ ученыхъ потребностяхъ Академіи. Нѣсколько разъ комиссія призывала Ломоносова для допроса, но онъ постоянно уклонялся, подъ разными предлогами, отъ отвѣтствій. Возможно, что такое отношеніе явилось слѣдствіемъ вскружившихъ ему голову литературныхъ успѣховъ при дворѣ, гдѣ особенно восторженно была принята его ода на прибытие государыни въ Петербургъ (декабрь 1742 года). Какъ бы то ни было, комиссіи наконецъ надоѣло возиться съ нимъ и она постановила, 28 мая 1743 года, арестовать его и содержать подъ карауломъ.

Подъ арестомъ, въ крайне бѣдственномъ материальномъ положеніи (въ теченіи цѣлаго года Ломоносовъ не получалъ, за неимѣніемъ денегъ, жалованія) оставался онъ до 18 января 1744 года, когда послѣдовалъ указъ: «адъюнкта Ломоносова для довольнаго его обученія отъ наказанія освободить, а во объявленныхъ, учиненныхъ имъ продерзостяхъ у профессоровъ просить ему прощенія, а что онъ такіе непристойные поступки учинилъ въ комиссіи и въ конференціи яко въ судебныхъ мѣстахъ, за то давать ему, Ломоносову, жалованья годъ по нынѣшнему его окладу половинное; ему же Ломоносову въ канцеляріи Правительствующаго Сената объявить съ подпискою, что ежели онъ впредь въ таковыхъ продерзостяхъ явится, то поступлено съ нимъ будетъ по указамъ неотмѣнно». Извиненіе передъ конференціей было принесено Ломоносовымъ 27 января, а въ іонѣ, по высо-чайшему повелѣнію, было возстановлено и жалованіе въ прежнемъ размѣрѣ. Здѣсь же можно сообщить результаты слѣдствія: Шумахеръ одержалъ полную побѣду надъ доносителями, въ декабрѣ 1743 года былъ вновь назначенъ по прежнему къ дѣламъ при Академіи и затѣмъ найденъ

виновнымъ только въ присвоеніи себѣ казеннаго вина на 109 руб. Въ то же время противъ Ломоносова было возбуждено въ судѣ четыре дѣла «въ бою и безчестіи»; эти дѣла оставались много лѣтъ безъ движения и были въ производствѣ еще въ 1782 году!

Не слѣдуетъ думать, что въ 1742—1743 годахъ Ломоносовъ занимался исключительно только-что описанными дѣйствіями и сидѣніемъ подъ арестомъ. Въ качествѣ адъюнкта онъ принялъ до ареста участіе въ университетскомъ преподаваніи и долженъ былъ публично толковать руководство по физической географіи Крафта, а приватно обучать химіи, минералогіи, штилю и стихотворству Россійскаго языка единственнаго записавшагося къ нему студента, Клейнфельда. Затѣмъ онъ не переставалъ работать надъ своими диссертациими и, сколько можно судить, лучше всего работалось ему во время ареста, доставившаго, повидимому, необходимое для сосредоточенныхъ занятій спокойствіе. Еще въ Марбургѣ, передъ отѣзdomъ въ Россію, онъ занимался приложеніемъ математики къ химіи и физикѣ. Разработку этого вопроса онъ и продолжалъ въ первые годы пребыванія своего въ Петербургѣ; полученные имъ результаты, выразившіеся въ диссертaciяхъ о первона-чальныхъ физическихъ частичкахъ и о причинѣ теплоты и холода, будуть разсмотрѣны въ пятой главѣ.

Въ концѣ 1743 и началѣ 1744 годовъ Ломоносовъ даетъ опять нѣсколько литературныхъ произведеній. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего переложеніе 143-го псалма, сдѣланное тремя стихотворцами: Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и Сумароковымъ. Долгіе свои споры о лучшемъ размѣрѣ для российскихъ стиховъ они рѣшили представить на

судъ публики, написавъ каждый переложеніе своимъ излюбленнымъ размѣромъ: Тредьяковскій — трохеемъ, Ломоносовъ и Сумароковъ — ямбомъ. Затѣмъ Ломоносовъ написалъ вечернее размыщеніе о Божіемъ величествѣ при слу чаѣ великаго сѣвернаго сіянія — одно изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній его, написанное вполнѣ свободно, безъ обычныхъ постороннихъ побудительныхъ причинъ и потому проникнутое неподдѣльнымъ чувствомъ. Интересно также сочиненное вѣроятно въ это же время утреннее размыщеніе: въ немъ имѣется такое описание дѣятельности солнца, какъ будто бы Ломоносовъ дѣйствительно видѣлъ ее; здѣсь описаны тѣ явленія, которыя были изучены послѣ изобрѣтенія спектроскопа (1860) и носятъ название протуберанцевъ, огненныхъ дождей и т. д.

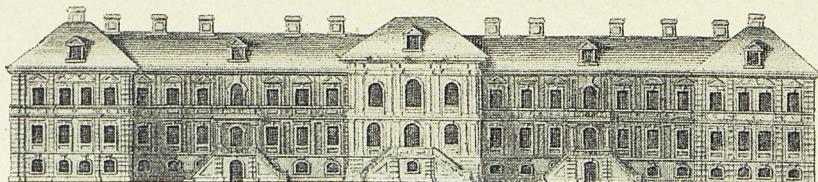
Къ лѣту 1743 года относятъ обыкновенно важное событие частной жизни Ломоносова, хотя слѣдуетъ предполагать, что на самомъ дѣлѣ произошло это гораздо позже: а именно пріѣздъ жены его изъ Марбурга. Объ этомъ пріѣздѣ имѣется только разсказъ Штелина, который, по исключеніи изъ него всего несомнѣнно пѣвѣриаго, сводится къ слѣдующему. Жена Ломоносова, не получая отъ мужа въ теченіе двухъ лѣтъ писемъ, обратилась къ русскому посланнику въ Гаагѣ, гр. Головкину, съ просьбою сообщить, гдѣ находится ея мужъ; письмо это попало въ Петербургъ, къ академику Штелину. Никто и не воображалъ, что Ломоносовъ женатъ, но онъ самъ, полагая, что гр. Головкинъ все узналъ отъ жены, прочитавъ письмо, воскликнулъ: «правда, правда, Боже мой! Я никогда не покидалъ ея и никогда не покину; обстоятельства мѣшали мнѣ писать ей и тѣмъ болѣе вызвать къ себѣ. Но пусть она пріѣдетъ, когда

хочеть; я завтра же пошлю ей письмо и 100 рублевъ денегъ». То и другое было послано въ Гаагу, къ гр. Головкину, а оттуда въ Марбургъ и въ томъ же году жена его съ своимъ братомъ пріѣхала черезъ Любекъ къ мужу. Здѣсь же можно упомянуть, что у пея 1 января 1742 года родился сынъ Иванъ, умершій 7 февраля того же года.

1744-ї годъ опять отмѣченъ жалобой переводчика Голубцова (товарища Ломоносова по Московской Академіи) на Ломоносова, который, прия къ нему 4 февраля въ гости, ударилъ его шандаломъ въ лицо, «отчего воспостѣдовалъ у него въ глазу ломъ, а на лицѣ отъ удара язва, такъ что онъ нынѣ публично выйти не можетъ». Капеллярія не вмѣшивалась въ это дѣло, но предложила Голубцову подать въ судъ.

Въ заключеніе этой главы приведу относящійся къ этому періоду весьма характерный разсказъ академика Штетлина. Однажды въ прекрасный осенний вечеръ пошелъ Ломоносовъ одинъ гулять къ морю по Большому проспекту Васильевского острова. На возвратномъ пути, когда стало уже смеркаться и онъ проходилъ лѣсомъ по прорубленному проспекту, выскочили вдругъ изъ кустовъ три матроса и напали на него. Ни души не было видно кругомъ. Онъ съ величайшою храбростью оборонялся отъ этихъ трехъ разбойниковъ: такъ ударилъ одного изъ нихъ, что онъ не только не могъ встать, но даже долго не могъ опомниться; другого такъ ударилъ въ лицо, что онъ весь въ крови изо всѣхъ силъ побѣжалъ въ кусты; а третьяго ему было уже нетрудно одолѣть; Ломоносовъ повалилъ его (между тѣмъ какъ первый, очнувшись, убѣжалъ въ лѣсъ) и держа его подъ ногами грозилъ, что тотчасъ же

убьетъ его, если онъ не откроетъ, какъ зовутъ двухъ другихъ разбойниковъ и что хотѣли они сдѣлать. Этотъ сознался, что они хотѣли только его ограбить, а потомъ отпустить. «А, каналья, сказалъ Ломоносовъ, такъ я же тебя ограблю», — и воръ долженъ былъ тотчасъ снять свое платье и связать собственнымъ поясомъ. Тутъ Ломоносовъ ударила еще полунаагого матроса по ногамъ такъ, что онъ упалъ и едва могъ сдвинуться съ мѣста, а самъ пошелъ домой со своими трофеями и тотчасъ при свѣжей памяти записалъ имена обоихъ разбойниковъ. На другой день онъ объявилъ о нихъ въ адмиралтействѣ; ихъ немедленно поймали, заключили въ оковы и черезъ нѣсколько дней прогнали сквозь строй.

„Фасадъ Академіи Наукъ на востокъ“. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 г. Академіей Наукъ, л. III, гравированъ К. А. Вортманнъ.

IV.

Ни одна каѳедра Петербургской Академіи Наукъ въ первые годы ея дѣятельности не находилась въ столь плачевномъ состояніи, какъ каѳедра химіи. Первымъ академикомъ по химіи былъ Мих. Бюргеръ, курляндецъ. Онъ прибылъ въ С.-Петербургъ 13 марта 1726 года и о его дѣятельности известно только, что 22 июля того же года, возвращаясь домой изъ гостей отъ академика Блюментроста, онъ выпалъ изъ коляски и разбился до смерти. Вторымъ химикомъ былъ приглашенъ натуралистъ Іог. Георгъ Гмелинъ и произведенъ въ 1731 году въ профессоры химіи. Въ 1732 году онъ былъ, какъ натуралистъ, назначенъ въ экспедицію по изслѣдованію Сибири и оставался тамъ до 1743 года. По возвращеніи онъ занимался исключительно обработкой своихъ цѣнныхъ ботаническихъ наблюдений и не разъ высказывалъ пожеланіе возвратиться въ Германію. Нечего и говорить, что ни Бюргеръ, ни Гмелинъ не устроили при Академіи Наукъ химической лабораторіи, безъ которой безусловно не могъ обходиться химикъ и въ старые годы.

Въ началѣ 1745 года, когда Императорскій дворъ возвратился въ Петербургъ, Ломоносовъ подалъ на Высочай-

шее имя (въ то время въ Академіи не было Президента) прощеніе о производствѣ его профессоромъ химії, гдѣ, напомнивъ объ обѣщаніи сдѣлать его профессоромъ по возвращеніи изъ-за границы, указывалъ на полученное тамъ образованіе и на свои труды въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, черезъ которые онъ, по его словамъ, «къ наукамъ больше знанія присовокупилъ. Но точію я по силѣ онаго обѣщанія профессоромъ не произведенъ, отъ чего къ большему произысканію оныхъ наукъ ободренія не имѣю». По разсмотрѣніи этой членобитной академическое собраніе постановило, чтобы Ломоносовъ написалъ диссертацію по металлургії; это было выполнено имъ очень скоро, диссертациія (о свѣтлости металловъ, нынѣ не представляющая интереса) была одобрена, и Академія представила въ Сенатъ о назначеніи его профессоромъ; Высочайшимъ указомъ отъ 25 іюля 1745 года Ломоносовъ былъ назначенъ профессоромъ: онъ съ этого времени становится полноправнымъ членомъ Академіи. Интересно, что одновременно съ нимъ былъ произведенъ въ профессоры россійскія и латинскія элоквенціи и его соперникъ—В. К. Тредьяковскій; оба они—первые русскіе академики Россійской Академіи Наукъ—12 августа въ первый разъ приняли участіе какъ профессора въ засѣданіи Конференціи.

Матеріальное положеніе Ломоносова значительно улучшилось отъ производства его въ профессоры: окладъ жалованія повысился до 660 руб.; но денежныя заботы не переставали тревожить Ломоносова, у него, повидимому, денегъ почти никогда не было, что видно по постояннымъ просьбамъ о выдачѣ жалованія впередъ и тяжбамъ по векселямъ. Къ этому прибавилось и то, что Ломоносову, вмѣстѣ

съ Миллеромъ, въ качествѣ поручителей, пришлось въ 1748 и 1749 годахъ уплатить 715 рублей за предшественника Ломоносова, профессора И. Г. Гмелина, уѣхавшаго въ отпускъ за границу и не возвратившагося оттуда; эти деньги были, правда, потомъ возвращены Гмелиномъ. Въ 1747 г. Ломоносову была дана, въ томъ же домѣ, гдѣ онъ жилъ, большая квартира, занимавшая почти весь домъ.

Ученая дѣятельность Ломоносова тоже выиграла отъ новаго его положенія, и въ 1745—1746 годахъ онъ написалъ диссертацию о вольномъ движениі воздуха въ рудникахъ и о дѣйствії химическихъ растворителей, гдѣ подробно разсматривается вопросъ о томъ, какъ соли растворяются въ водѣ и металлы въ кислотахъ, а также перевѣль «Экспериментальную физику» Христіана Вольфа.

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ.
Съ гравюры Г. Ф. Шмидта, 1738 г.

1746 году и быстро разошедшійся, посвященъ былъ графу М. Л. Воронцову, высоко цѣнившему Ломоносова, и имѣть выдающееся значеніе въ исторіи распространенія просвѣщенія въ Россіи.

Переводъ начинается предисловіемъ, гдѣ Ломоносовъ прежде всего указываетъ на быстрое за послѣднее столѣтіе

развитіє естественныхъ наукъ, быстрое потому, что ученые оставили философию Аристотеля и примѣняютъ нынѣ экспериментальный методъ, т. е. всякое свое предположеніе обязательно испытываютъ опытомъ; да и сама физика теперь преподается исключительно при помощи опытovъ, изъ которыхъ уже и выводятся теоріи. Въ концѣ предисловія сказано: «сверхъ сего принужденъ я былъ искать словъ для наименованія нѣкоторыхъ физическихъ инструментовъ, дѣйствий и натуральныхъ вещей, которая хотя сперва показутся нѣсколько странны, однако, надѣюсь, что они со временемъ черезъ употребленіе знакомѣе будутъ». Эти слова достаточно характеризуютъ выдающееся значеніе этой книги: въ ней мы имѣемъ основанія русскаго научнаго языка, творцомъ котораго былъ Ломоносовъ. Его надежда, что многія слова «будутъ знакомѣе», вполнѣ оправдалась: очень многія слова нашего научнаго языка, съ которыми мы теперь вполнѣ свыклись, какъ, напр., барометръ, термометръ, атмосфера и т. д. были именно Ломоносовымъ введены въ научный оборотъ.

Сдѣлавшись профессоромъ, Ломоносовъ началъ также, насколько возможно, осуществлять свои мысли о возможно широкомъ распространеніи просвѣщенія въ Россіи и объ образованіи молодыхъ людей. Въ силу указа, даннаго Сенатомъ 17 октября 1745 года о печатаніи перевода «Экспериментальной физики», гдѣ предписывалось ему читать лекціи по физикѣ на русскомъ языкѣ, онъ тщательно началъ къ нимъ готовиться и собирать необходимые физические приборы. Въ іюнѣ 1746 года все было готово, и Академія разослала во всѣ тѣ мѣста, гдѣ можно было предполагать, что найдутся слушатели (напр. въ Кадетскій Корпусъ,

Медицинскую Канцелярію и т. д.), приглашениі пожаловать всѣмъ желающимъ на первую лекцію въ Академію Наукъ, въ физической камеры, 20 іюня, вътрѣтьемъ часу по-полудни. Первая лекція Ломоносова прошла очень торжественно: на ней присутствовали, по словамъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «сверхъ многочисленнаго собранія воинскихъ и гражданскихъ разныхъ чиновъ слушателей и самъ господинъ президентъ Академіи съ нѣкоторыми придворными кавалерами и другими знатными персонами». Президентомъ Академіи Наукъ былъ назначенъ за мѣсяцъ до этой лекціи восемнадцатилѣтній графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій. Говорятъ, что на этой лекціи присутствовалъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ,

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.
Съ гравюры Г. Ф. Шмидта 1762 г.

чрезвычайно интересовавшійся научными и общественными вопросами (въ то время ему шелъ 19-й годъ) и послѣ лекціи завязавшій знакомство съ Ломоносовымъ. И. И. Шуваловъ былъ очень привлекательный человѣкъ, простой въ обхожденіи, любившій искусства и литературу, стремившійся всѣми силами къ просвѣщенію; онъ близко сошелся съ Ломоносовымъ и, благодаря своему влиянию при дворѣ,

сами (въ то время ему шелъ 19-й годъ) и послѣ лекціи завязавшій знакомство съ Ломоносовымъ. И. И. Шуваловъ былъ очень привлекательный человѣкъ, простой въ обхожденіи, любившій искусства и литературу, стремившійся всѣми силами къ просвѣщенію; онъ близко сошелся съ Ломоносовымъ и, благодаря своему влиянию при дворѣ,

могъ перѣдко оказывать ему очень существенныя услуги. Лекціи читались, по вторникамъ и пятницамъ, до 1 іюля, а затѣмъ прекратились по случаю отѣзда Президента изъ Петербурга и возобновились лишь въ августѣ. Это были первыя лекціи на русскомъ языкѣ; до тѣхъ поръ, да и послѣ, въ Университетѣ лекціи читались профессорами на латинскомъ языкѣ и главная цѣль академической Гимназіи заключалась въ томъ, чтобы научить гимназистовъ понимать латинскую рѣчъ.

При разсмотрѣніи въ 1748 году проекта устава и штата Петербургскаго Университета (послѣ того, какъ Академія Наукъ получила въ 1747 году «регламентъ», въ которомъ проведена была полнота власти Президента, а въ его отсутствіе—академической Канцеляріи), Ломоносовъ своими замѣчаніями ясно показалъ, какъ онъ смотрѣлъ на это просвѣтительное учрежденіе и на постановку преподаванія въ немъ въ то время. Онъ полагалъ, что университетъ долженъ состоять изъ трехъ факультетовъ: юридического, медицинскаго и философскаго; «не худо, чтобы Университетъ и Академія имѣли какія-нибудь вольности, а особенно чтобы они освобождены были отъ полицейскихъ должностей». Студенты распредѣляются на 3 класса: первого класса ходятъ на всѣ лекціи, чтобы иметь понятіе о всѣхъ наукахъ и чтобы всякий могъ самъ видѣть, къ какой наукѣ больше способенъ и имѣеть склонность. Студенты второго класса ходятъ только на избранныя ими науки, а третьяго опредѣлены къ одному профессору, подъ руководствомъ котораго дѣлаются специалистами по одной какой-нибудь науки. Въ томъ же году, по предложению Ломоносова, въ Петербургъ были присланы выбранные изъ

семинарий лучшие ученики; онъ производилъ имъ, вмѣстѣ съ другими профессорами, экзаменъ, причемъ оказалось, что большинство можетъ уже приступить къ слушанію лекцій. Программа этихъ лекцій была переведена для нихъ на русскій языкъ тоже Ломоносовымъ.

Литературная дѣятельность 1747—1748 годовъ шла у Ломоносова обычнымъ ходомъ; дни рожденія, тезоименитства Государыни нерѣдко отмѣчались одами его, а иллюминаціи стихотворными надписями. Ода въ день восшествія на престолъ государыни, поднесенная ей графомъ Разумовскимъ, такъ понравилась Елизаветѣ, что она приказала выдать Ломоносову 2000 рублей (ноябрь 1748). Въ этомъ же году появилось его «Краткое руководство къ краснорѣчію», долгое время служившее прообразомъ для учебниковъ реторики.

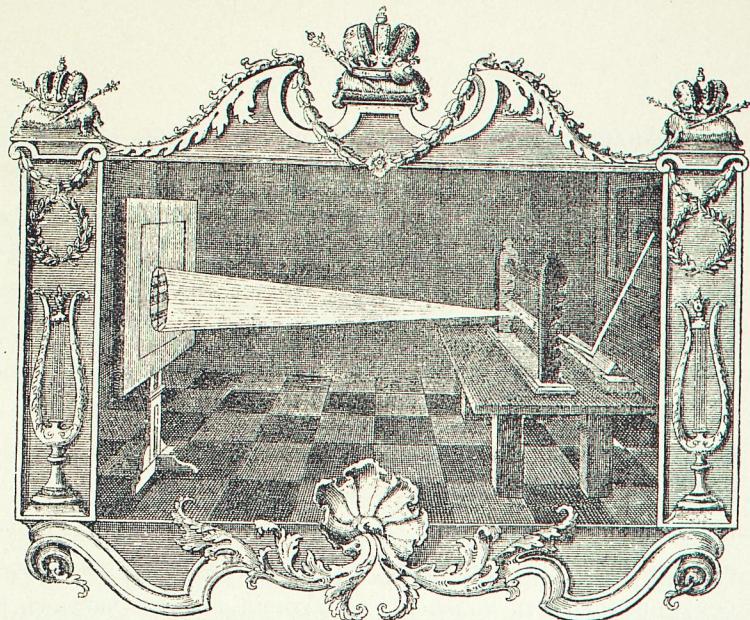
Въ области естественныхъ наукъ дѣятельность Ломоносова тоже была значительна; наиболѣе важной работой этого времени является его «Теорія упругой силы воздуха», о которой я скажу въ слѣдующей главѣ. Въ 1747 году Берлинская Академія предложила вопросъ на премію о составѣ и рождениіи селитры,— и Леонардъ Эйлеръ, известный математикъ, съ которымъ Ломоносовъ находился въ перепискѣ, побуждалъ его участвовать въ конкурсѣ. Какъ пишетъ Ломоносовъ Эйлеру 27 мая 1749 года, сочинять диссертацию на заданную тему ему было очень трудно: надо было отдѣльывать и оборудовать химическую лабораторію, а въ то время, когда онъ обдумывалъ третью главу диссертации, жена родила ему дочь (Елену Михайловну, единственную изъ оставшихся въ живыхъ дѣтей Ломоносова), такъ что диссертация едва поспѣла въ Берлинъ къ

сроку (1 апрѣля). Кромѣ Ломоносовскаго, на конкурсъ поступило еще два сочиненія, и одно изъ нихъ, написанное докторомъ Питшемъ, и получило премію. Трудъ Ломоносова нынѣ не представляетъ интереса; онъ написанъ спѣшно и почти вовсе не содержитъ химическихъ опыта, чтò и понятно: во время сочиненія химическая лабораторія Академіи еще не была готова.

Устройство химической лабораторіи при Академіи Наукъ показываетъ, какъ всегда настойчиво шелъ Ломоносовъ къ намѣченной цѣли. Какъ только онъ былъ произведенъ въ адъюнкты, онъ немедленно подалъ въ Академію прошеніе объ устройствѣ лабораторіи, безъ которой какъ нынѣ, такъ и въ тѣ времена не могъ, конечно, обходиться химикъ. Прошеніе это возобновлялось имъ почти каждый годъ, но все безъ успѣха: отвѣтъ былъ всегда одинъ и тотъ же—нѣть денегъ. Особенно подробно мотивировано было ходатайство, съ приложеніемъ проекта и плана, поданное имъ въ 1745 году и затѣмъ еще разъ въ этомъ же году, за подписью многихъ академиковъ,—въ Сенатъ. На этотъ разъ дѣло пошло лучше: 1 июля 1746 года послѣдовалъ именной указъ о постройкѣ лабораторіи на счетъ Кабинета Ея Величества. Но и тутъ дѣло тормазилось, по мнѣнію Ломоносова, правителемъ Кашцеляріи Шумахеромъ,—и лишь черезъ два года, послѣ частыхъ напоминаний и многихъ бумагъ, осенью 1748 года лабораторія была дѣйствительно выстроена подрядчикомъ М. Горбуновымъ, Ярославскимъ крестьяниномъ, подъ наблюденіемъ Ломоносова, за 1344 рубля.

Лабораторія помѣщалась въ особомъ каменномъ строеніи рядомъ съ домомъ, гдѣ жилъ Ломоносовъ,—въ ботани-

ческомъ саду Академії Наукъ. Размѣры ея, по сравненію съ тѣми дворцами, которые нынѣ посвящаются химії, были весьма пезначительны: длиною она была $6\frac{1}{2}$ саженъ, шириною 5 саженъ, высотою 7 аршинъ. Въ ней было три помѣщенія: одно большое, гдѣ посрединѣ былъ устроенъ очагъ съ широкимъ дымоходомъ, по которому легко могли уходить дымъ и вредные газы, а затѣмъ двѣ маленькихъ комнаты; въ одной, побольше, читались лекціи студентамъ-химикамъ, стояли вѣсы и записывались результаты опытовъ, а въ другой, поменьше, находился запасъ посуды и матеріаловъ. Оборудованіе лабораторіи состояло изъ мебели (столовъ, лавокъ, шкафовъ), ряда печей для угольной топки, помѣщавшихся въ очагъ подъ дымоходомъ, стеклянной посуды, инструментовъ и матеріаловъ. Общая стоимость всей лабораторіи доходила до 2000 рублей, т. е., на теперешнія деньги 10000—12000 руб. При лабораторіи съ 1749 г. состоялъ и лаборантъ, — «такой человѣкъ, который съ огнемъ обходиться умѣеть». Съ этого лишь времени могъ Ломоносовъ заняться въ полномъ объемѣ своей специальностью — химіей, а не однѣми только теоретическими диссертациами. Нелишне сказать, что эта химическая лабораторія была первою въ Россіи, гдѣ преподавалась химія и производились научныя химическія изслѣдованія: этому положилъ начало Ломоносовъ — первый русскій химикъ.

V.

Постройкой химической лабораторії Академії Наукъ заканчивается первый періодъ научной дѣятельности Ломоносова,—періодъ, посвященный главнымъ образомъ теоретическимъ изслѣдованіямъ по физикѣ; съ этими изслѣдованіями и необходимо теперь вкратцѣ познакомиться, такъ какъ они въ общемъ представляютъ и нынѣ много интереснаго: тѣ мысли, которыя въ нихъ высказалъ Ломоносовъ, стали всеобщимъ достояніемъ только черезъ 110—120 лѣтъ послѣ того, какъ были имъ опубликованы. Первые изслѣдованія, содержавшія основныя попыткія, относятся къ 1741—1743 годамъ: это диссертациі (незаконченныя), оставшіяся въ рукописи, о первоначальныхъ частичкахъ тѣлъ и введеніе къ «Элементамъ математической химії».

Исходная мысль Ломоносова очень проста. Онъ принимаетъ, какъ это дѣлалось многими до него, что всякое тѣло состоитъ изъ весьма малыхъ материальныхъ частичекъ, дальше физически недѣлимыхъ и обладающихъ способностью взаимнаго сцепленія; онъ ихъ назвалъ «нечувствительными (*insensibiles*) физическими частичками», потому что онъ настолько малы, что мы не можемъ видѣть ихъ даже въ микроскопъ (теперь онъ называются частичками, или молекулами). Такъ какъ всѣ тѣла образованы изъ нихъ, то, по необходимости, свойства тѣль, прежде всего—ихъ твердость, жидкость и газообразность, обусловлены свойствами этихъ частичекъ, и различія свойствъ тѣль могутъ происходить только отъ различія самихъ частичекъ или способовъ ихъ взаимной связи.

Каждая нечувствительная частичка представляетъ изъ себя тѣло, т. е. имѣть некоторые, хотя и очень незначительные, размѣры, массу и вообще всѣ свойства чувственныхъ тѣль; какъ и всѣ тѣла, частички могутъ двигаться по законамъ движенія, изучаемымъ механикой; безъ движения же не могутъ сталкиваться, отталкиваться, вообще дѣйствовать другъ на друга или измѣняться. Всѣ тѣла имѣютъ частичныя качества, какъ цветъ, вкусъ, запахъ и т. д., которыми они отличаются между собою; эти качества должны производиться различными свойствами ихъ частичекъ. Сюда относятся также и такія, какъ тепло и холодъ, всѣ, взаимное сцепленіе частей тѣла и т. д.: всѣ они измѣняются отъ соединенія, раздѣленія или перемѣщенія нечувствительныхъ физическихъ частичекъ, а потому достаточная причина частичныхъ качествъ должна заключаться въ размѣрахъ, формѣ, движеніи этихъ частичекъ.

Такъ какъ размѣры, фигура, движеніе тѣлъ познаются при помощи математики и механики, то законы послѣдней, въ приложениі къ нечувствительнымъ частичкамъ тѣлъ, дадуть возможность изучать частичные свойства этихъ тѣлъ. Фигура этихъ частичекъ шарообразная, съ очень незначительными шероховатостями; онѣ очень тверды, не подвержены какому-либо физическому измѣненію и упруги.

Тѣла, отличающіяся другъ отъ друга химически, т. е. по своему составу, имѣютъ различныя по химическому составу частички. При химическомъ разложеніи (анализѣ) всякаго сложнаго тѣла оказывается, что никогда не получается безконечно большого числа составныхъ частей, но сравнительно немного; эти составные части, которыя нельзя разложить на еще болѣе простыя, Ломоносовъ называетъ началами (нынѣ простыя тѣла, элементы). Каждая частичка сложнаго тѣла заключаетъ въ себѣ начала въ томъ же отношеніи, какъ и все сложное тѣло: отсюда и происходитъ химическое различіе тѣлъ. Поэтому и химику необходимо знаніе математики и механики для изслѣдованія химическихъ явлений, производимыхъ движеніями нечувствительныхъ физическихъ частичекъ.

Эти основныя мысли Ломоносовъ затѣмъ приложилъ какъ къ физическимъ явленіямъ, такъ и къ химическимъ; въ приложениі ихъ къ физикѣ онѣ выработалъ весьма замѣчательныя механическія теоріи тепла и газового состоянія. Первая—теорія тепла—заключается въ диссертациі «Размышленія о причинѣ теплоты и холода», написанной въ 1744—1745 г., а напечатанной лишь въ 1750 году.

При разматриваніи явлений нагреванія тѣлъ очевидно, что имѣется достаточная причина теплоты въ движеніи;

по движение самаго тѣла не нагрѣваетъ его, значитъ, нагрѣваше происходитъ отъ внутренняго движенія, т. е. движенія нечувствительныхъ частичекъ тѣла. Послѣднія могутъ двигаться троеко: поступательно, когда онѣ ме-няютъ свое мѣсто, или колебаніями взадъ и впередъ, или, наконецъ, онѣ могутъ вращаться около своей оси. Ча-стички твердыхъ тѣлъ могутъ вращаться: онѣ такъ прочно связаны между собою, что не могутъ двигаться ни поступательно, ни колебательно; поэтому слѣдуетъ считать именно это движение (какъ несомнѣнно присущее частичкамъ и жидкимъ, и газообразнымъ тѣлъ) причиною теплоты. Имъ можно объяснить всѣ явленія, происходящія при нагрѣваніи,—напр., передачу тепла однимъ тѣломъ дру-гому; плавленіе твердыхъ тѣлъ объясняется тѣмъ, что, при нагрѣваніи, частички ихъ вращаются все быстрѣе; вслѣд-ствіе имѣющихся на частичкахъ шероховатостей, онѣ все сильнѣе отталкиваются другъ отъ друга: поэтому сперва уменьшается твердость тѣла, потомъ оно плавится, наконецъ, при еще большемъ нагрѣваніи, частички совершенно теряютъ взаимное сцепленіе, и тѣло превращается въ паръ. Такимъ образомъ, жидкія и газообразныя тѣла всегда имѣютъ тепловое вращательное движение своихъ частичекъ. Мысленно мы не можемъ представить себѣ самую большую возмож-ную скорость движенія и потому не можемъ судить о наибольшей возможной теплотѣ; наоборотъ, мы легко можемъ представить себѣ полное прекращеніе движенія ча-стичекъ,—и это будетъ величайшій возможный холодъ. Мы не можемъ имѣть его на землѣ, такъ какъ памъ извѣстны жидкости, не замерзающія при самомъ сильномъ морозѣ, т. е. обладающія еще тепловымъ движеніемъ частичекъ.

Затѣмъ приводится мнѣніе современныхъ философовъ, что теплота тѣль происходитъ отъ соединенія съ ними огненной матеріи. Но это совершенно невѣрно; напр., откуда берется огненная матерія, когда среди лютаго мороза отъ маленькой искры загорается порохъ? Расширеніе тѣль при нагреваніи тоже не доказывается ея существованія: разныя тѣла при нагреваніи на одинаковое число градусовъ расширяются весьма неодинаково. Философы доказываютъ существованіе огненной матеріи тѣмъ, что при обжиганіи металла, напр., свинца, вѣсъ его увеличивается. Но полученная при этомъ окалина, при накаливаніи съ углемъ, при еще болѣе высокой температурѣ даетъ обратно металлъ. При прокаливаніи металловъ всегда окружены воздухомъ: несомнѣнно, что прибыль въ вѣсъ происходитъ отъ соединенія металла съ частичками воздуха. Итакъ, по теоріи Ломоносова, теплота есть внутреннее врацательное движение частичекъ тѣль; эфиръ, заполняющій все міровое пространство, принимаетъ тепловое движение и передаетъ его другимъ тѣламъ, напр., отъ солнца—землѣ.

Эта механическая теорія теплоты замѣчательна тѣмъ, что совершенно отрицаетъ существование теплорода, или тепловой матеріи, которая признавалась многими до шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія. Лишь съ этого времени, т. е. черезъ 110—120 лѣтъ послѣ Ломоносова, начинаетъ распространяться воззрѣніе на теплоту, какъ на движение частицъ тѣль—воззрѣніе, нынѣ ставшее общепринятымъ.

Совершенно такъ же, какъ механическая теорія теплоты Ломоносова является непосредственнымъ слѣдствіемъ его атомической гипотезы,—и механическая теорія строенія газовъ есть развитіе этой гипотезы и положеній, высказан-

ныхъ въ «Размышленихъ о причинѣ теплоты». Она была написана въ 1747 году, опубликована въ 1750 году и заключается въ статьѣ «Попытка теоріи упругой силы воздуха».

Упругой силой воздуха Ломоносовъ называетъ способность воздуха расширяться, способность, происходящую отъ стремленія его нечувствительныхъ частичекъ удаляться другъ отъ друга. Эти частички воздуха мы можемъ представить себѣ только очень крѣпкими, упругими, шарообразными, снабженными безконечно малыми шероховатостями, и можемъ назвать ихъ атомами. Опытъ показываетъ, что воздухъ можно сжать до $\frac{1}{80}$ того объема, какой онъ занимаетъ при обыкновенномъ давлѣніи: значитъ, атомы его расположены далеко другъ отъ друга; но для того, чтобы атомы могли дѣйствовать другъ на друга, требуется обязательно ихъ взаимное соприкосновеніе. Согласовать эти два противорѣчивые, но необходимые вывода можно только допущеніемъ, что не всѣ атомы въ каждый данный моментъ времени находятся въ одинаковомъ состояніи, и что состоянія эти продолжаются очень короткое время, а именно, что нѣкоторые атомы весьма быстро сталкиваются съ другими; иные въ тотъ же моментъ отталкиваются другъ отъ друга, наскакиваютъ на ближайшіе атомы, снова отталкиваются отъ нихъ,—словомъ стремятся разсыпаться во всѣ стороны отъ частыхъ взаимныхъ столкновеній.

Атомы обладаютъ нѣкоторой массой и подвержены силѣ тяжести. Поэтому верхніе падаютъ на нижніе, сталкиваются съ ними и отталкиваются отъ нихъ. Но при громадномъ числѣ атомовъ воздуха каждый не можетъ упасть непремѣнно на верхнюю точку нижняго и оттолкнуться

вертикально вверхъ: это будетъ случаться очень рѣдко, а чаще всего они будутъ падать на какую-нибудь другую точку нижнихъ атомовъ и отталкиваться, согласно законамъ механики, по наклоннымъ линіямъ: такимъ образомъ, упругость будетъ проявляться во все стороны. Чѣмъ выше мы поднимаемся надъ поверхностью земли, тѣмъ меныше будетъ атомовъ воздуха, пока мы не дойдемъ до такой высоты, гдѣ сила тяжести становится больше силы, пріобрѣтеннай атомами при отталкиваниі: это будетъ верхняя граница земной атмосферы. Чѣмъ теплѣе воздухъ, тѣмъ больше вращательное движение атомовъ, тѣмъ сильнѣе взаимно отталкиваются они и тѣмъ больше упругость воздуха; а такъ какъ на нашей землѣ не можетъ быть величайшаго возможнаго холода, то атомы воздуха атмосферы всегда находятся въ движениі и воздухъ всегда имѣетъ упругую силу, даже въ самые большие морозы.

Въ прибавленіи къ теоріи упругости воздуха Ломоносовъ показалъ, что при очень большихъ давленіяхъ воздухъ долженъ сжиматься не пропорционально давленію (т. е., если, напр., воздухъ сжать въ 20 разъ, то его объемъ не $\frac{1}{20}$ первоначальнаго объема, но насколько больше) потому, что атомы воздуха имѣютъ некоторую величину и при большомъ давленіи столкновенія ихъ будутъ происходить поэтому чаще, чѣмъ этого требуетъ пропорциональность между давленіемъ и объемомъ.

Такая теорія газового состоянія была послѣ Ломоносова снова предложена въ наукѣ лишь черезъ 110 лѣтъ. Теперь же она, подъ названіемъ «кинетической теоріи газового состоянія», пользуется общимъ признаніемъ и имѣется въ каждомъ учебникѣ физики, но никто не связываетъ ее

съ именемъ Ломоносова... Чтобы видѣть, насколько теоріи Ломоносова отличались отъ физическихъ теорій того времени, достаточно сказать, что въ половинѣ XVIII столѣтія обыкновенно причинами такихъ явлений, какъ теплота, упругость, свѣтъ и т. д. химики считали особья вещества, какъ тепловое, огненное, свѣтовое; замѣчательно именно то, что Ломоносовъ оставилъ всѣ эти фантастические вещества (причиной свѣта, какъ это подробно изложено въ его «Словѣ о происхожденіи свѣта, новую теорію цвѣтовъ представляющемъ», онъ считалъ волнобразное движение, складывающееся изъ колебательныхъ движений частичекъ эфира) и проводилъ всюду единообразное механическое воззрѣніе, посредствомъ которого разнообразныя физическія явленія объединялись и связывались между собою въ стройную систему. Всѣ разсмотрѣнныя здѣсь изслѣдованія Ломоносова остались безъ всякаго вліянія на выработку совершенно аналогичныхъ теорій XIX вѣка, такъ какъ въ этомъ столѣтіи его изслѣдованія были совершенно забыты.

Изъ современниковъ Ломоносова одинъ только Леонардъ Эйлеръ, знаменитый математикъ, бывшій членомъ Петербургской Академіи Наукъ (уѣхавшій въ Берлинъ въ 1741 году) понималъ все значеніе трудовъ Ломоносова и въ своихъ письмахъ въ Академію и къ Ломоносову неоднократно высказывалъ свое удовольствіе по поводу его «превосходныхъ» диссертаций. Такое отношеніе сдѣлало то, что и Ломоносовъ въ свою очередь въ письмахъ къ Эйлеру открыто говорилъ о всѣхъ своихъ научныхъ планахъ и спрашивалъ неоднократно его совѣта по тому или другому вопросу. Л. Эйлеръ всегда обстоятельно отвѣчалъ на за-

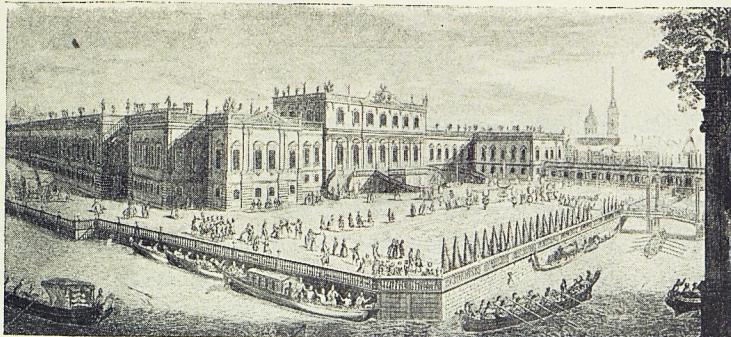
просы Ломоносова и, несомнѣнно, считалъ его выдающимся мыслителемъ.

Особенно замѣчательно длинное письмо Ломоносова къ Л. Эйлеру отъ 5 июля 1748 года,—на латинскомъ языке, на которомъ тогда велась вся ученая переписка; въ этомъ письмѣ онъ сообщаетъ свои мысли о силѣ тяжести и, между прочимъ, высказываетъ очень важный принципъ, названный имъ самимъ всеобщимъ закономъ природы, въ такихъ выраженіяхъ: «всѣ измѣненія, случающіяся въ природѣ, такъ происходятъ, что если къ одному тѣлу что-нибудь прибавится, то столько же отнимется отъ другого. Такъ, когда къ какому-нибудь тѣлу прибавляется сколько-нибудь вещества, то точно столько же убавляется у другого...; тѣло, передающее свое движеніе другому, теряетъ ровно столько движенія, сколько сообщаетъ другому».

Этотъ законъ Ломоносова, который можно назвать закономъ сохраненія вещества (всего) и количества движенія, былъ имъ опубликованъ черезъ нѣсколько лѣтъ (1760), но остался совершенно незамѣченнымъ; между тѣмъ онъ, какъ это и понималъ Ломоносовъ, действительно является всеобщимъ: на немъ покоятся все зданіе химіи и физики. Законъ сохраненія всего вещества въ химическихъ реакціяхъ былъ утвержденъ (въ предѣлахъ точности наблюдений) черезъ много лѣтъ послѣ Ломоносова французскимъ химикомъ Лавуазье (1789).

Не всѣ критики относились такъ беспристрастно къ сочиненіямъ Ломоносова, какъ Л. Эйлеръ,—и какъ разъ диссертaciи его о причинѣ тепла и холода и о теории упругой силы воздуха подверглись очень суровой и во многомъ пристрастной критикѣ въ нѣкоторыхъ германскихъ журналахъ.

Это побудило Ломоносова написать антикритику, напечатанную на французскомъ языкѣ въ 1754 году подъ заглавiemъ «О должностіи журналистовъ въ изложениі ими сочиненій, назначенныхъ для поддержанія свободы разсужденія». Здѣсь, кромѣ подробнаго разбора и опроверженія замѣчаній критиковъ, имѣются также довольно любопытныя правила для журналистовъ, съ которыми, быть можетъ, не мѣшало бы познакомиться журналистамъ-рецензентамъ и критикамъ нашего времени. Эту антикритику Ломоносовъ прочиталъ въ засѣданіи Конференціи Академіи 22 августа 1754 года, такъ какъ считалъ, — быть можетъ не безъ основанія, — что критики германскихъ журналовъ находились въ спошненіяхъ съ нѣкоторыми петербургскими академиками.

Проспектъ Лѣтнаго Ея Императорскаго Величества дому съ сѣверной стороны. Съ гравюры А. Грекова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

VI.

По окончаніи постройки и оборудованія химической лабораторіи начинается усиленная дѣятельность Ломоносова, какъ профессора химіи. Наконецъ онъ могъ посвящать химическімъ изслѣдованіямъ все свободное отъ другихъ занятій время: въ протоколахъ Конференціи иногда показывалось отсутствіе Ломоносова, какъ «сильно занятаго въ лабораторіи».

Рассказываютъ, что впервые Ломоносовъ увидѣлъ у графа М. Л. Воронцова образчики мозаики, вывезенные изъ Рима. Они поразили его своимъ изяществомъ и красотою, и онъ рѣшилъ при первой возможности попробовать сдѣлать нечто подобное. Такая возможность и явилась вмѣстѣ съ лабораторіей: онъ задумалъ дѣлать стекла разнаго цвѣта и изъ нихъ складывать мозаичныя картины. На пути были неисчислимыя трудности: надо было прежде всего научиться готовить цвѣтныя стекла всѣхъ возможныхъ оттенковъ, потомъ отливать ихъ въ квадратныя палочки, шлифовать и, наконецъ, складывать изъ нихъ картины.

Съ 1749 года Ломоносовъ начинаетъ разрабатывать въ своей лабораторіи первую часть: способы приготовленія окрашенныхъ стеколъ. Химическія познанія приходятъ ему на помощь, и дѣло быстродвигается впередъ. До 1751 года сдѣлалъ онъ болѣе 2200 опытовъ; каждый опытъ — какъ показываетъ одинъ сохранившійся лабораторный журналъ—тщательно записывался, при чемъ помѣчались взятые составныя части и ихъ вѣсь и цвѣтъ полученнаго стекла. Первая часть задачи, химическая, была, такимъ образомъ, разрѣшена: Ломоносовъ могъ, по своему желанію, готовить стекла любого цвѣта. Дальше дѣло пошло уже легче и для набирания картинъ шлифованныя съ одного конца палочки стекла укрѣплялись особымъ цементомъ на мѣдномъ подносѣ. Необходимо добавить, что стекла эти были непрозрачными и имѣли видъ цвѣтныхъ камней, изъ которыхъ были сдѣланы итальянскія мозаики.

Первой мозаичной картиной, которую сдѣлалъ самъ Ломоносовъ, былъ образъ Богоматери, съ картины римскаго художника Солимена; на образъ пошло болѣе 4000 кусковъ стекла. Образъ въ мѣдной, золоченой рамѣ былъ поднесенъ 4 сентября 1752 года Императрицѣ Елизаветѣ и принятъ, какъ сообщилъ Ломоносовъ въ Конференціи, «ея освященными руками съ окааніемъ удовольствія». Дальнѣйшія мозаичныя картины дѣлались уже главнымъ образомъ учениками, лишь подъ руководствомъ Ломоносова. Воодушевленный успѣхомъ, онъ вскорѣ (25 сентября 1752 года) представилъ проектъ учрежденія мозаичнаго завода, содержаніе котораго достигало 3710 руб. въ годъ. Въ то время проектъ этотъ остался безъ осуществленія.

Кромъ проекта мозаичной фабрики Ломоносовъ въ то же время подалъ въ Сенатъ еще другое представлениe—объ учрежденіи въ Россіи стекляннаго завода для выдѣлки разноцвѣтныхъ стеколъ для бисера, стекляруса и т. п. галан-

Мозаичный образъ Спаса Нерукотвореннаго, по желанию графини Мавры Егоровны Шуваловой сложенный М. В. Ломоносовымъ „въ начинаніе опытовъ мозаичнаго художества въ Санктпетербургѣ 1733 года“.

терейныхъ вещей, которыхъ еще въ Россіи не дѣлалось, а также для мозаичныхъ картинъ; вслѣдствіе дешевизны материаловъ въ Россіи онъ надѣялся производить эти товары многимъ дешевле, чѣмъ стоили заграничные. Для этого

завода онъ просилъ дать ему не далѣе 150 верстъ отъ Петербурга помѣстіе съ лѣсомъ и не менѣе двухсотъ душъ крестьянъ мужскаго пола, освободить его стеклянныи заводъ на нѣсколько лѣтъ отъ всякихъ пошлинъ, выдать на постройку его заемообразно 4000 руб. и привилегію на 30 лѣтъ. Сенатъ отнесся сочувственно къ этому представлению и 14 декабря постановилъ: разрѣшить Ломоносову устроить стеклянную фабрику, какъ полезную и нужную государству, на просимыхъ условіяхъ.

Оставалось только выяснить вопросъ о мызѣ съ 200 душъ крестьянъ, что зависѣло уже исключительно отъ Государыни. Ломоносовъ возлагалъ надежды на свою извѣстность при дворѣ и на покровительство И. И. Шувалова. Съ цѣлью побудить его замолвить слово Императрицѣ, Ломоносовъ написалъ ему, въ декабрѣ 1752 года, извѣстное письмо въ стихахъ о пользѣ стекла, гдѣ перечислилъ всѣ тѣ полезныи вещи, которыя можно дѣлать изъ стекла. Между тѣмъ время шло, и въ іюнѣ 1753 года онъ долженъ былъ подать Мануфактурѣ Коллегії вѣдомость о состояніи фабрики, чего, конечно, нельзя было сдѣлать, не имѣя еще мѣста для пая. Поэтому въ февралѣ 1753 года Ломоносовъ рѣшилсяѣхать въ Москву, гдѣ тогда былъ дворъ, чтобы лично просить о пожалованіи ему какого-нибудь села. Президентъ Академіи былъ тоже въ Москвѣ съ дворомъ, и академическая Канцелярія на этомъ основаніи не хотѣла давать Ломоносову отпуска и паспорта; ему пришлось обратиться въ Сенатъ; наконецъ онъ получилъ паспортъ отъ главноначальствующаго въ Петербургѣ, генералъ-адмирала князя Голицына.

23 февраля Ломоносовъ уѣхалъ въ Москву и возвра-

тился ровно черезъ мѣсяцъ, черезъвычайно доволыній поѣздкой; онъ достигъ желаемаго: именнымъ высочайшимъ повелѣніемъ 15 марта 1753 года ему были даны для фабрики въ Копорскомъ уѣздѣ С.-Петербургской губерніи деревни: отъ мызы Коважской — Шишкина, Калищи, Усть-Рудицы; отъ мызы Горья Валдай (нынѣ Коровалдай) — деревни Перекули и Липовая, всего съ 211 душами крестьянъ, со всѣми къ нимъ принадлежавшими по описнымъ книгамъ землями, выходившими на море (около 9000 десятинъ). Лѣтомъ же этого года онъ приступилъ къ постройкѣ фабрики, для чего взялъ изъ Академіи отпускъ. Постройка быстро двигалась впередъ и была окончена въ 1754 году. Неизвѣстно, много ли стеклянныхъ украшеній было сдѣлано на этой фабрикѣ, по несомнѣнно, что она очень пригодилась Ломоносову для мозаичнаго дѣла.

Въ 1756 году онъ поднесъ Сенату, въ благодарность за учрежденіе стеклянной фабрики, мозаичный портретъ Петра Великаго; въ 1757 была имъ подана челобитная на Высочайшее имя обѣ украшеніи казенныхъ зданій мозаичными картинами его производства, весьма одобренными тогда же Академіей Художествъ. Указъ обѣ украшеніи зданій такими картинами и былъ данъ Сенату въ февралѣ 1758 года. Въ то же время Ломоносовъ сдѣлалъ предложеніе украсить монументъ Петра Великаго, который тогда собирались строить въ Петропавловскомъ соборѣ, настѣнными мозаичными картинами; одновременно съ этимъ подобный же проектъ подалъ и графъ П. И. Шуваловъ. Сенатъ вполнѣ одобрилъ эту мысль, отъ Академіи Художествъ затребовали проекты монумента, которые и были представлены уже 1 апрѣля: смета расходовъ на

мозаичныя картины достигла 148.682 рублей. Все было представлено на утверждение Государыни, которое, однако, почему то затянулось.

Въ іюнѣ 1759 года въ «Трудолюбивой Пчелѣ» была напечатана статейка В. К. Тредьяковскаго о мозаикѣ, при чемъ въ концѣ ея онъ высказывалъ мнѣніе, что живопись малеваніемъ превосходнѣе мозаики, такъ какъ стекломъ и камнями невозможно воспроизвести всѣ красоты хорошей картины, писанной масляными красками. Въ этомъ безличномъ замѣчаніи Ломоносовъ усмотрѣлъ, какъ видно изъ письма его къ И. И. Шувалову, нѣчто серьезное. «При семъ не могу не преминуть, чтобы не показать явнаго безсовѣстія моихъ недоброхотовъ. Въ Трудолюбивой, такъ называемой, Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тредьяковскій совокупилъ свое грубое незнаніе съ подлою злостью, чтобы моему рабенію сдѣлать помѣшательство; здѣсь видѣть можно цѣлой комплѣтъ. Тредьяковскій сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу, Тауберть далъ напечатать безъ моего увѣдомленія въ той командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ обстоятельствамъ ясно видѣть Ваше Высокопревосходительство можете, сколько сіи люди даютъ мнѣ покою, не переставая повреждать мою честь и благополучіе при всякомъ случаѣ. Умилосердитесь надо мною, Милостивой Государь, свободите меня отъ такихъ нападковъ, которые, меня огорчая, не даютъ мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и славныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Никакого не желаю мщенія; но токмо всеуниженно прошу оправданія быть передъ свѣтомъ Высочайшею конфirmaцію докладу отъ Правительствующаго Сената о украшенії Петронавлов-

ской церкви, чого цѣлой годъ ожидая, претерпѣваю, сверхъ моего раззоренія, посмѣяніе и ругательство». Высочайшее утвержденіе проекта послѣдовало только въ 1760 году; смета на мозаичную работу была теперь уменьшена Ломоносовымъ до 80764 рублей. Въ іюнѣ 1761 года онъ получилъ 6000 рублей и затѣмъ ежегодно получалъ по 13460 рублей.

Ломоносовъ принялъ съ большою энергией за любимое дѣло. Онъ выстроилъ въ Петербургѣ, по Мойки, на своей землѣ, полученной въ 1756 году, 10 каменныхъ покoевъ для мастеровыхъ и большую мастерскую для составленія картинъ. Первой мозаичной картиной была Полтавская баталія, оконченная во второй половинѣ 1764 года. Размеры ея громадны: 3 сажени въ ширину, и 2 саж. $\frac{1}{2}$ арш. въ высшину; для нея была отлита мѣдная плоская сковорода въ 80 пудовъ, укрепленная желѣзными полосами, вѣсившими болѣе 50 пудовъ. Вся картина помѣщалась на бревенчатой машинѣ, такъ что ее можно было поворачивать во всѣ стороны. Она не является воспроизведеніемъ картины П.-Д. Мартена (Pierre Denis Martin le Jeune), но составлена Ломоносовымъ по картинамъ разныхъ художниковъ, а изображенія Петра Великаго, Шереметева, Меньшикова, Голицына сдѣланы по лучшимъ портретамъ. Она обошлась гораздо дороже, чѣмъ разсчитывалъ Ломоносовъ, и опять долженъ былъ дѣлать постоянные долги для уплаты жалованія рабочимъ.

Дальнѣйшая судьба этой картины — единственной, сдѣланной въ мастерской Ломоносова для памятника Петра — достаточно печальна. Она была передана послѣ его смерти въ Академію Художествъ; Императоръ Нико-

лай I пожелалъ ее реставрировать, но желаніе его не было осуществлено; наконецъ уже въ наши дни, послѣ того, какъ Музей Императора Александра III отказался принять ее, она была реставрирована (реставрація обошлась очень

Мозаичный портретъ Петра Великаго, приписываемый Ломоносову. (Музей Имп. Общества Поощрепія Художествъ).

дорого, такъ какъ въ Академіи Художествъ картина оказалась разрубленной на нѣсколько кусковъ) Императорскимъ Обществомъ Поощрепія Художествъ, въ Музѣй которого она и находится въ настоящее время. Этотъ драгоценный памятникъ русскаго мозаичнаго искусства пора-

«Полтавская Баталія». Мозаичная картина, работы мастерской Ломоносова, 1764 года.

жаетъ свѣжестью и яркостью красокъ и оставляетъ глубокое впечатлѣніе; особенно интересно сравнить эту картину съ однимъ изъ первыхъ произведеній Ломоносова—образомъ Спасителя, помѣщеннымъ выше, на стр. 59: наглядно видно, насколько была улучшена техника мозаичнаго дѣла за тѣ немногіе годы, которые протекли между этимъ образомъ и «Полтавской Баталіей».

Послѣ смерти Ломоносова мозаичная фабрика была вскорѣ выведена изъ его дома и передана въ завѣдываніе И. И. Бецкому; на ней дѣлались еще нѣкоторые образы, но послѣ ухода лучшихъ мастеровъ Ломоносова—его шурина Ивана Цильха и Василія Матвѣева—дѣятельность ея совершенно прекратилась.

Занятія въ химической лабораторіи не ограничились только приготовленіемъ окрашенныхъ стеколь; тутъ дѣлались, кромѣ разныхъ анализовъ, и многіе другіе опыты, изъ которыхъ я скажу только о наиболѣе важныхъ. Вообще въ это время Ломоносовъ сталъ больше думать о химії; онъ открылъ курсъ лекцій по химії и произнесъ первый разъ въ публичномъ собраниі Академіи Наукъ 6 сентября 1751 года ученую рѣчъ на русскомъ языке—«Слово о пользѣ химії», содержащее много правильныхъ и плодотворныхъ мыслей, показывающихъ, какъ ясно представлять онъ себѣ сущность химії и необходимыя для ея развитія условія. Я приведу здѣсь только небольшую выписку изъ этого «Слова»—именно то мѣсто, гдѣ Ломоносовъ развиваетъ мысль, что для познанія свойствъ нечувствительныхъ физическихъ частичекъ тѣль химикъ долженъ быть и математикомъ, и физикомъ.

«Къ сему требуется весьма искусной Химикъ и глубо-

кой Математикъ въ одномъ человѣкѣ. Химикъ требуется не такой, которой только изъ одного чтенія книгъ понялъ сію науку, но которой собственнымъ искусствомъ въ ней прилежно упражнялся; и не такой, напротивъ того, которой хотя великое множество опытовъ дѣлалъ, однако, больше желаніемъ великаго и скоро пріобрѣтаемаго богатства поощряясь, спѣшилъ къ одному. только исполненію своего желанія и ради того послѣдня своимъ мечтаніямъ, презиралъ случавшіяся въ трудахъ своихъ явленія и перемѣны, служащія къ истолкованію естественныхъ тайнъ. Не такой требуется Математикъ, которой только въ трудныхъ выкладкахъ искусенъ, но которой въ изобрѣтеніяхъ и въ доказательствахъ привыкнувъ къ математической строгости, въ натурѣ сокровенную правду точнымъ и непополновеннымъ порядкомъ вывестъ умѣеть. Бесполезны тому очи, кто желаетъ видѣть внутренность вещи, лишаясь рукъ къ отверстию оной. Бесполезны тому руки, кто къ рассмотрѣнію открытыхъ вещей очей не имѣетъ. Химія руками, Математика очами Физическими по справедливости называться можетъ *). Но какъ обѣ въ использованіи внутреннихъ свойствъ тѣлесныхъ одна отъ другой необходимо помочи требуютъ,—такъ напротивъ того умы человѣческіе нерѣдко въ разные пути отвлекаютъ. Химикъ, видя при всякомъ опыте разныя и часто нечаянныя явленія и произведенія и приманиваясь къ снисканію скорой пользы, Математику, какъ бы только въ нѣкоторыхъ тщетныхъ размышленіяхъ о точкахъ и линіяхъ упражняющемся, смеется. Математикъ, напротивъ того,увѣренъ о своихъ

*) Эту же мысль выразилъ Ломоносовъ въ другомъ мѣстѣ такъ: „слѣпъ физикъ безъ математики, сухорукъ безъ химіи“.

положеніяхъ ясными доказательствами, и черезъ неоспоримыя и безперерывныя слѣдствія выводя неизвѣстныхъ количествъ свойства, Химика, какъ бы одною только практикою отягощенаго и между многими беспорядочными опытами заблуждающаго, презираеть и, пріобыкнувъ къ чистой бумагѣ и къ свѣтлымъ геометрическимъ инструментамъ, Химическимъ дымомъ и пепеломъ гнушается. И для того по сіе время сіи двѣ общею пользою такъ соединенныя сестры толь разномысленныхъ сыновъ по большей части рождали. Сіе есть причиною, что совершенное ученіе Химії съ глубокимъ познаніемъ Математики еще соединено не бывало».

Лекції, читанныя студентамъ, самъ Ломоносовъ назвалъ курсомъ физической химії: въ немъ химическія измѣненія, происходящія въ тѣлахъ, должны были объясняться на основаніи законовъ и опытовъ физики. Этотъ курсъ читался съ конца 1751 по май 1753 года. Онъ замѣчательенъ тѣмъ, что является первымъ вообще курсомъ физической химії: подобные курсы стали читаться лишь въ послѣдней четверти XIX столѣтія. Основная мысль, высказанная какъ въ «Словѣ о пользѣ химії», такъ и въ лекціяхъ физической химії и нѣкоторыхъ другихъ диссертаций, заключается въ томъ, что, по мнѣнію Ломоносова, химія разовьется и станетъ точной наукой лишь въ союзѣ съ физикой и математикой.

То развитіе, которое химія получила въ послѣднія десятилѣтія прошлаго столѣтія и которое продолжается и нынѣ, обусловлено тѣмъ, что химія при помощи физики образовала математически обработанную физическую химію. Именно послѣдней она обязана такими успѣхами,

которые нынѣ позволяютъ уже говорить о химії, какъ о точной науцѣ. Въ то-же время химія дѣйствительно познала свойства тѣхъ нечувствительныхъ частичекъ, изъ которыхъ сложены всѣ тѣла (мы ихъ называемъ теперь частицами), и для огромнаго множества веществъ мы теперь знаемъ совершенно точно, какъ связаны атомы отдѣльныхъ элементовъ въ частицѣ соединенія; весьма многіе химики въ настоящее время работаютъ надъ установлениемъ строенія частицъ. Это безошибочно показываетъ намъ, какъ правильны были взгляды Ломоносова и какъ удивительно точны были предвидѣнія его относительно развитія химії,—предвидѣнія, осуществившіяся лишь черезъ полтора столѣтія.

Самъ Ломоносовъ, убѣжденный въ правильности своихъ воззрѣній, произвелъ въ 1752—1755 годахъ рядъ физико-химическихъ опытовъ, изъ которыхъ лишь очень немногіе дошли до насъ. Въ нихъ принимали участіе и слушатели Ломоносова, среди которыхъ, по его словамъ, особенно выдѣлялись С. Я. Румовскій, сдѣлавшій потомъ академикомъ и достигшій впослѣдствіе высокаго положенія, и В. Клементьевъ, подававшій большія надежды, ставшій затѣмъ лаборантомъ у Ломоносова и умершій отъ пьянства въ 1759 году. Научныя пособія того времени и техника изслѣдованій были еще слишкомъ мало разработаны, и эти опыты не могли, поэтуому, дать точныхъ результатовъ: подобныя физико-химическія изслѣдованія производятся съ достаточной степенью точности лишь начиная съ восьми-девятыхъ годовъ XIX столѣтія.

Тѣмъ не менѣе, то, что сохранилось отъ этихъ опытовъ, представляетъ исключительный интересъ. Прежде всего,

мы видимъ, что Ломоносовъ дѣлалъ ихъ съ возможно чистыми химическими веществами, и первою задачею его было «въ химическихъ трудахъ употребительныя матеріи сперъва со всякимъ стараніемъ вычистить, чтобы въ нихъ посторонняго примѣсу не было, отъ котораго въ другихъ дѣйствіяхъ обманъ быть можетъ»; признакомъ чистоты для него служили, какъ служатъ намъ и теперь,— физическая свойства веществъ, такъ какъ каждое химически чистое вещество, совершенно независимо отъ мѣста и способа приготовленія, обладаетъ всегда одними и тѣми же неизмѣнными свойствами. Затѣмъ онъ всегда и вездѣ пользовался *мѣрой и стьсомъ*, при знаніи которыхъ химикъ можетъ воспроизвести все, что было сдѣлано его предшественниками. Все это Ломоносовъ примѣнялъ въ своей лабораторіи въ срединѣ XVIII столѣтія, но эти основныя химическая требованія получили распространеніе среди химиковъ Западной Европы лишь въ первой четверти XIX вѣка.

Изъ химическихъ опытовъ Ломоносова очень важными въ исторіи химіи являются изслѣдованія, сдѣянныя въ 1756 году, о которыхъ самъ онъ въ обычномъ рапортѣ о своихъ научныхъ занятіяхъ пишетъ такъ: «Между разными химическими опытами, которыхъ журналъ на 13 листахъ, дѣланы опыты въ заплавленныхъ накрѣпко стеклянныхъ сосудахъ, чтобы изслѣдовать, прибываетъ ли въсь металловъ отъ чистаго жару. Оными опытами нашлось, что славнаго Роберта Боила [Бойля] мнѣніе ложно, ибо безъ пропусканія вънѣшняго воздуха въсь сожженаго металла остается въ одной мѣрѣ».

Чтобы было ясно все значение этихъ немногихъ

строкъ, необходимо описать въ пѣсколькихъ словахъ состояніе химіи въ то время, когда работалъ Ломоносовъ. Среди химическихъ явлений у химиковъ всѣхъ временъ наибольшій интересъ возбуждали явленія горѣнія. Теперь мы знаемъ, что воздухъ содержитъ примѣрно одну пятую часть кислорода; при горѣніи послѣдній соединяется съ горящимъ тѣломъ и даетъ разные какъ летучіе, такъ и твердые и жидкіе продукты. Если обжигать на воздухѣ какой-нибудь неблагородный металль, напр., олово, свинецъ, то металль соединяется мало по малу съ кислородомъ воздуха и даетъ, какъ мы говоримъ, окалину; такъ какъ послѣдняя представляетъ собою соединеніе металла съ кислородомъ, то, понятно, вѣсъ окалины долженъ быть больше, чѣмъ вѣсъ взятаго металла; этотъ фактъ былъ замѣченъ еще въ XVII вѣкѣ.

Во второй и третьей четверти XVIII столѣтія еще не знали, что воздухъ есть смѣсь кислорода и другихъ газовъ, и давали поэтому иное объясненіе явленіямъ горѣнія: именно принимали, что во всѣхъ тѣлахъ имѣется вещество, котораго никто никогда не могъ получить, названное Сталемъ, нѣмецкимъ химикомъ начала XVIII столѣтія, флогистономъ; принималось, что при горѣніи изъ горючаго тѣла уходитъ флогистонъ и остается тѣло безъ флогистона; точно также при обжиганіи металла изъ него удаляется флогистонъ, остается окалина, а потому считалось, что металль есть соединеніе окалины съ флогистономъ. Это объясненіе явленій горѣнія казалось такимъ простымъ и очевиднымъ, что было принято всѣми тогдашними химиками.

Происходящія при нагрѣваніи металловъ явленія объ-

яснялись Ломоносовымъ въ «Размышленіяхъ о причинѣ тепла», какъ мы видѣли, иначе: онъ считалъ, что воздухъ соединяется съ металломъ съ образованіемъ окалины. За эту точку зреінія говорило то обстоятельство, что при переходѣ металла въ окалину происходитъ увеличеніе вѣса: на этотъ фактъ признававшіе теорію флогистона или вовсе не обращали вниманія, или приписывали флогистону чудодѣйственныя свойства и говорили, что когда онъ соединяется съ какимъ-нибудь веществомъ, напр., съ окалиной, то происходитъ уменьшеніе вѣса. Такое объясненіе, конечно, не могло удовлетворить Ломоносова, такъ какъ оно прямо противорѣчило высказанному имъ закону сохраненія вещества, согласно которому всякое соединеніе должно иметьъ болѣй вѣсъ, чѣмъ каждая отдельная составная часть этого соединенія; следовательно, если бы металъ состоялъ изъ окалины и флогистона, то металъ долженъ былъ бы вѣсить болѣше окалины, а между тѣмъ опытъ давалъ какъ разъ обратное.

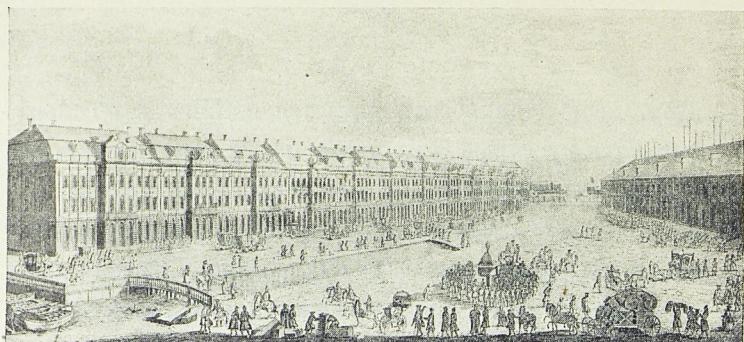
Въ своемъ объясненіи явлений обжиганія металла, какъ соединенія его съ воздухомъ, Ломоносовъ встрѣтился, однако, съ другимъ затрудненіемъ: знаменитый англійскій химикъ Робертъ Бойль въ 1673 году описалъ рядъ опытъ, гдѣ онъ бралъ стеклянныя реторты, клалъ въ нихъ свинецъ или олово, герметически на огнѣ заплавлялъ горлышко ретортъ и взвѣшивалъ ихъ. При нагреваніи такой реторты свинецъ переходилъ въ окалину; когда, послѣ двухчасового нагреванія, онъ открывалъ запаянныій кончикъ реторты, воздухъ съ шумомъ врывался въ нее — признакъ того, что реторта была дѣйствительно герметически запаяна, — и при взвѣшиваніи оказывалась прибыль

вѣса. Отсюда Бойль заключилъ, что матерія огня проходить сквозь стекло и соединяется съ металломъ.

Эти то опыты Бойля повторилъ Ломоносовъ въ 1756 г. съ тѣми результатами, которые приведены выше: онъ нашелъ, что если послѣ нагреванія не вскрывать реторты, то вѣсъ ея остается такимъ же, какимъ былъ до нагреванія, несмотря на то, что металлъ превратился въ окалину. Этимъ было доказано, что фантастическая матерія огня (которую Ломоносовъ всегда отрицалъ) не проходитъ черезъ стекло, и что металлъ превращается въ окалину именно подъ влияниемъ находящагося въ ретортѣ воздуха. Полученный же Бойлемъ результатъ вполнѣ понятенъ: передъ взвѣшиваниемъ онъ открывалъ реторту, на мѣсто того кислорода, который соединился съ металломъ, входилъ воздухъ,— и общій вѣсъ становился отъ этого больше, чѣмъ былъ раньше.

Истинное объясненіе явлений горѣнія, какъ соединенія съ кислородомъ, принадлежитъ французскому химику Лавуазье. Онъ началъ свои опыты именно съ повторенія опыта Бойля и въ 1773 году, черезъ 17 лѣтъ послѣ Ломоносова, получилъ совершенно такой же результатъ; онъ изслѣдовалъ затѣмъ тѣ измѣненія, которыхъ происходятъ съ воздухомъ при обжиганіи металловъ, и вывелъ вѣрное объясненіе явлений горѣнія. Опыты Лавуазье стали всемирно извѣстными, объ опытахъ же Ломоносова никто не знаетъ, и даже многіе русскіе химики не находятъ нужнымъ упоминать о немъ; между тѣмъ, какъ мы видимъ, Ломоносовъ былъ, несомнѣнно, предшественникомъ Лавуазье, и, кто знаетъ,—если бы онъ могъ всецѣло посвятить себя химіи, то можетъ быть дошелъ бы и до вѣрнаго объясненія явлений горѣнія.

Въ общемъ Ломоносовъ является однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ химиковъ, болѣе чѣмъ на столѣтіе опередившимъ свое время. Полученное имъ всестороннее научное образованіе, въ основаніи котораго лежала математическая философія, позволяло ему успешно разрабатывать тѣ основные вопросы, затрагивающіе одновременно физику, химию и математику, въ которыхъ проявилась вся проницательность его взглядовъ и богатство смѣлыхъ и новыхъ для того времени мыслей. Можно только глубоко сожалѣть, что онъ сравнительно рано оставилъ эти попытки объединенія химіи съ физикой и математикой и, въ своемъ стремленіи принести посильную пользу русскому народу, обратилъ свое вниманіе на другія области знанія.

Проспектъ Государственныхъ Колледжей съ частію Гостинаго Двора.
Съ гравюры Е. Внукова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

VII.

Въ іюнѣ 1752 года въ Россіи впервые узнали объ изслѣдованіяхъ американскаго ученаго Веніамина Франкліна, показавшаго, что въ грозовыхъ тучахъ имѣется совершенно такое же электричество, какое получается въ нашихъ электрическихъ машинахъ, и что его можно, по этому, отводить въ землю при помощи металлическихъ громоотводовъ. Это открытие вызвало громадный интересъ, прежде всего, конечно, въ мірѣ ученыхъ. Одинъ изъ академиковъ, Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ, давно уже занимавшійся электричествомъ, поспѣшилъ повторить опыты Франкліна и описать ихъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Изъ этого описанія видно, что Рихманъ продѣлъ желѣзный прутъ длиною въ 6 футъ черезъ бутылку съ пробитымъ дномъ, затѣмъ пропустилъ прутъ черезъ крышу такъ, что дно бутылки лежало на кирпичахъ; къ концу прута онъ прикрепилъ желѣзную проволоку и провелъ ее въ комнату безъ соприкосновенія съ какимъ-ни

будь тѣломъ, проводящимъ электричество. Къ концу проволоки въ комнатѣ была свободно подвѣшена желѣзная линейка, а къ ея верхнему концу—шелковая нить; когда прутъ, проволока и линейка были наэлектризованы, то нить отходила отъ желѣзной линейки, «гонялась за пальцемъ» и такимъ образомъ показывала присутствие электричества.

18 іюля была гроза, и Рихманъ, въ присутствіи многихъ знакомыхъ, удостовѣрился въ томъ, что изъ желѣзной линейки можно было извлекать искры, совершенно какъ при электрической машинѣ. Ломоносовъ, близкій пріятель и другъ Рихмана, подобно другимъ, весьма этимъ заинтересовался и тоже устроилъ у себя въ домѣ подобную «громовую машину», изъ которой во время грозъ извлекалъ искры. Въ 1753 году Рихманъ пѣсколько измѣнилъ свою машину: поднялъ прутъ выше и погрузилъ конецъ желѣзной линейки въ стаканъ съ мѣдными опилками. Съ помощью этого прибора онъ дѣлалъ во время грозъ многочисленные опыты, о которыхъ сообщалъ въ Академіи и помѣщалъ описание въ «С.-Петербургскихъ Вѣdomostяхъ»; въ

Академикъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ (ум. 1733 г.). Съ офортъ Штенглина и Федосѣева.

нихъ принималъ участіе и Ломоносовъ, и оба они собирались приготовить рѣчи къ торжественному акту Академіи:

a

Рихманъ хотѣлъ говорить о своихъ наблюденіяхъ, а Ломоносовъ—о теоріи этихъ электрическихъ явлений.

Во время засѣданія Конференціи 26 іюля 1753 г. Рихманъ замѣтилъ, что поднимается грозовая туча, и поспѣшилъ домой (онъ жилъ на углу Большого Проспекта и Пятой линіи

Васильевского Острова), чтобы продолжать свои наблюденія надъ электричествомъ, а также показать Соколову, академическому гравировальному мастеру, электрическія явленія, чтобы тотъ зналъ, какъ представить ихъ на рисункѣ къ рѣчи Рихмана. Соколовъ разсказываетъ дальнѣйшія события такъ: «когда г. профессоръ, посмотрѣвши на указателя электрическаго, разсудилъ, что громъ еще далеко отстоитъ, то увѣ-

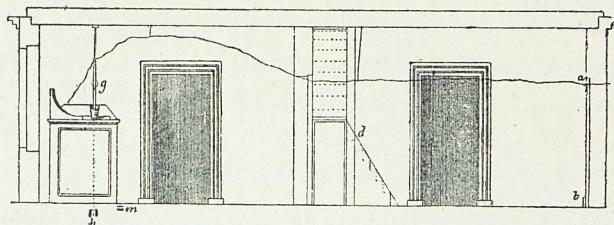
рилъ онъ грызоровального мастера Соколова, что теперь нѣтъ еще никакой опасности, однако, когда подойдетъ очень близко, то-де можетъ быть опасность. Вскорѣ послѣ

того, какъ г. профессоръ, отстоя на футъ отъ желѣзного прута, смотрѣль на указателя электрическаго, увидѣль помянутой Соколовъ, что изъ прута безъ всякаго прикосновенія, вышелъ блѣдно синеватый огненный клубъ, съ кулакъ величиною, шелъ прямо ко лбу г. профессора, который въ самое то время, не издавъ ни малаго голосу, упалъ назадъ на стоявшій позади его сундукъ. Въ самый же тотъ моментъ послѣдовалъ такой ударъ, будто бы изъ малой пушки выпалено было, отчего и онай грыдоровальныи мастеръ упалъ на земль и почувствовалъ на спинѣ у себя нѣкоторые удары, о которыхъ послѣ усмѣтрѣно, что оньые произошли отъ изорванной проволоки, которая у него на кафтанѣ съ плечъ до фалда оставила знатныя горѣлыя полосы». Это событие такъ хорошо описано Ломоносовымъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову, что я привожу цѣликомъ все это письмо.

«Милостивый Государь Иванъ Ивановичъ.

Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или, по послѣдней мѣрѣ, сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ въ то же самое время. Сего Іюля въ 26 числа въ первомъ часу пополудни поднялась громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочито силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣль я ни малаго признаку Електрической силы. Однако, пока кушанье на столъ ставили, дождался я нарочитыхъ Електрическихъ изъ проволоки искорѣ, и къ тому пришла жена моя и другіе; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до

проводки и до привѣшанного прута дотыкались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный Профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ черезвычайно грязнулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я прочь шолъ. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти простынули, а при томъ и Електрическая сила почти перестала. Только я за столомъ просидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и

Комната въ квартире Рихмана, гдѣ была установлена громовая машина: *a*—проводка отъ Електрической стрѣлы; *g*—желѣзная линейка, нижний конецъ которой опущенъ въ стаканъ съ опилками, а къ верхнему подвѣшена шелковая нить (указатель); *h*—место, гдѣ стоялъ Рихманъ въ моментъ смерти, въ *m*—столъ мастера Соколова.

въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь по дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: Профессора громомъ зашибло. Въ самой возможной скорости, какъ силь было можно, прѣхавъувидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханень. Бѣдная вдова и ея матерь таковы же, какъ онъ, блѣдны. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласие и дружба, и плачъ его жены, дѣтей и дому

столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народу не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на того лицо, съ которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ актѣ. Первый ударъ отъ привѣшанной линеи съ ниткою пришелъ ему въ голову, гдѣ красновишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ него громовая Електрическая сила изъ ногъ въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разодранъ, а не прожженъ. Мы старались движение крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что онъ еще былъ теплъ; однако голова его повреждена и больше нѣть надежды. И такъ онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что Електрическую громовую силу отвратить можно; однако на шесть съ желѣзомъ, которой долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ умеръ господинъ Рихманъ прекрасною смертью, исполния по своей профессіи должностій. Память его никогда не умолкнетъ: но бѣдная его вдова, теща, сынъ пяти лѣтъ, которой добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери, одна двухъ лѣтъ, другая около полугода, какъ обѣ немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ. Того ради Ваше Превосходительство, какъ истинный наукъ любитель и покровитель, будьте имъ милостивый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лутчаго профессора до смерти своей пропитаніе имѣла, и сына своего маленькаго Рихмана могла воспитать, чтобы онъ такой же былъ наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жалованья было 860 рублевъ. Милостивый Государь! исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣтямъ до смерти. За такое благодѣяніе Господь Богъ вѣсть наградить, и я буду больше почитать, нежели за свое. Между тѣмъ,

чтобы сей случай не былъ протолкованъ противу приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу миловать науки и

С.-Петербургъ.
26 июля
1753 года.

Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ
Михайла Ломоносова.»

Къ этому письму прибавлю, что Ломоносовъ дѣлалъ электрическіе опыты у себя на квартирѣ, по Второй линіи, за Среднимъ Проспектомъ, а Рихманъ — на Пятой линіи, на углу Большого Проспекта, такъ что между ними по прямой линіи разстояніе было около 350 сажень.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело извѣстіе о смерти Рихмана на его товарищѣ. Сперва академики хотѣли отложить публичное засѣданіе Академіи до слѣдующаго года и съ ними согласились Шумахеръ и Президентъ; но Ломоносову это было очень непріятно, такъ какъ ему хотѣлось скорѣе опубликовать свою рѣчъ, и во всемъ этомъ онъ видѣлъ только козни I. Шумахера и другихъ своихъ недруговъ. При помощи И. И. Шувалова ему удалось добиться того, что Президентъ назначилъ публичный актъ 25 ноября, — «дабы г. Ломоносовъ съ новыми своими изобрѣтеніями между учеными въ Европѣ людьми не упоздаль». Однако, для Ломоносова дѣло не пошло гладко: всѣ рѣчи, которые предназначались для произнесенія въ публичныхъ засѣданіяхъ, всегда предварительно просматривались нѣсколькими академиками, которые затѣмъ давали отзывъ о нихъ въ Конференціи, окончательно утверждавшей рѣчъ къ произнесенію. Въ данномъ случаѣ рѣчъ его просматривали Гришовъ, Браунъ и Поповъ, которые сообщили конференціи «сомнительства», — а именно, что

считываются некоторые мысли Ломоносова не новыми, уже высказанными другими.

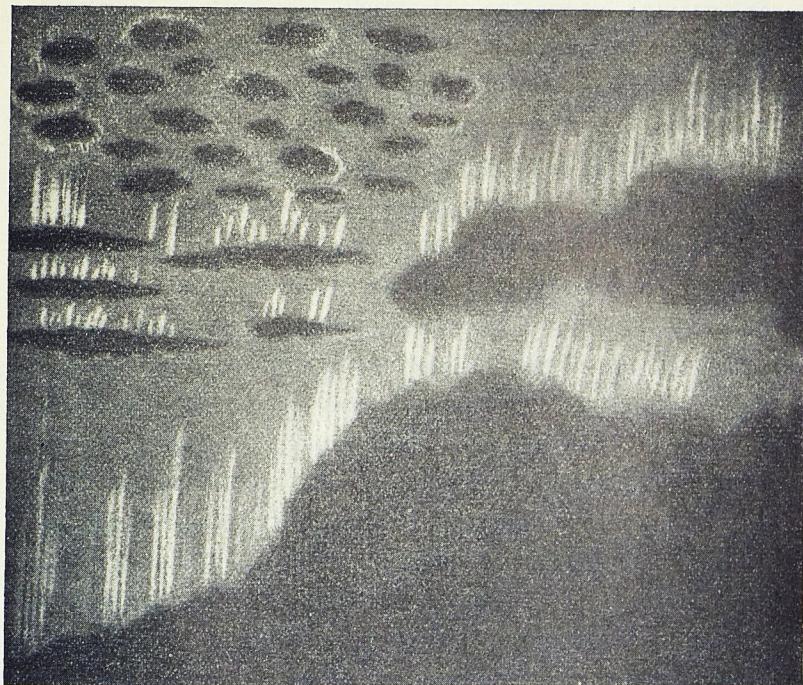
Въ то время у Ломоносова не замѣчалась еще такъ рѣзко, какъ потомъ, черезмѣрная чувствительность даже къ самыи осторожныи сомнѣніямъ въ правильности его мнѣній; но все-таки эти «сомнительства», въ которыхъ онъ видѣлъ исходившія отъ Канцеляріи попытки помѣшать ему говорить рѣчь, задѣли его за живое. Онъ пишетъ въ раздраженіи графу К. Г. Разумовскому довольно рѣзкое письмо, гдѣ дѣлаетъ предложеніе такъ устроить Академію, чтобы ученыя дѣла не рѣшались безъ вѣдома профессоровъ, и чтобы Президентъ такихъ дѣлъ не утверждалъ безъ согласія профессорскаго собранія, по одному представлению Канцеляріи; а въ письмѣ къ И. И. Шувалову онъ просилъ учинить съ науками въ Россіи великую милость, оказать помощь наукамъ, которымъ грозитъ опасность со стороны Канцеляріи, и говоритъ, что рѣшилъ «за благополучіе наукъ въ Россіи, ежели потребуютъ обстоятельства, не пожалѣть всего временнаго благополучія». Эти письма возымѣли дѣйствіе, и Президентъ рекомендовалъ Шумахеру не вмѣшиваться въ ученыя дѣла. Тѣмъ временемъ Ломоносовъ представилъ въ Конференцію объясненія, въ которыхъ указывалъ на неосновательность «сомнительствъ» Гришова и другихъ; Конференція вполнѣ удовлетворилась этими объясненіями и постановила отдать рѣчь его въ печать. Она озаглавлена: «Слово о явленіяхъ воздушныхъ, отъ Електрической силы происходящихъ, предложенное отъ Михайла Ломоносова».

Главныи мысли, высказанные здѣсь Ломоносовымъ, заключаются въ его теоріи образования электричества въ

воздухъ. Въ то время, какъ горизонтальныя движенія воздуха, т. е. вѣтры, не производятъ электричества, движенія вертикальныя, восходящія и нисходящія, вслѣдствіе тренія частичекъ паровъ, могутъ дать электричество. Такія восходящія и нисходящія воздушныя теченія, до того времени не подмѣченныя, несомнѣнно существуютъ. Паденіемъ холодаго верхняго воздуха, какъ болѣе тяжелаго, внизъ объясняются великие морозы, сразу наступающіе иногда послѣ оттепели зимою. Грозы бывають чаще всего около 3—4 часовъ по-полудни, потому что въ это время нижняя атмосфера больше всего нагрѣта и легче и скорѣе поднимается вверхъ. Електрическія явленія грозы — это молніи, сопровождающіяся громомъ, зарницы; рѣже появленіе Електричества безъ грозовыхъ тучъ (это было впервые замѣчено Ломоносовымъ на своей громовой машинѣ 26 апрѣля 1753 года). Громовая машина показываетъ, что иногда по восхожденіи тучи Електрическая сила простирается до земли: тогда нѣтъ молніи и грома; когда же Електричество до земли не доходитъ, то облако передаетъ свою силу землѣ круто — молніей и громомъ. Для отвращенія молній полезно ставить въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ жилья, Електрическія стрѣлы, отводящія молніи въ землю. Наконецъ, сѣверныя сіянія, происходящія обычно при наступленіи большихъ холодовъ, т. е. при погруженіи верхней холодающей атмосферы въ нижнюю, вѣроятно тоже происходятъ отъ Електрической силы.

Для подтвержденія своей мысли о восходящихъ и нисходящихъ теченіяхъ воздуха (кстати сказать, совершенно правильной) Ломоносовъ произвелъ въ 1751 и 1752 годахъ многочисленныя изслѣдованія плотности воздуха при раз-

пыхъ температурахъ; велъ также записи грозъ и съверныхъ сияній. Чтобы не возвращаться далѣе къ этому предмету, скажу еще, что въ 1756 году Ломоносовъ началъ писать большую диссертацию: «Теорія электричества, разра-

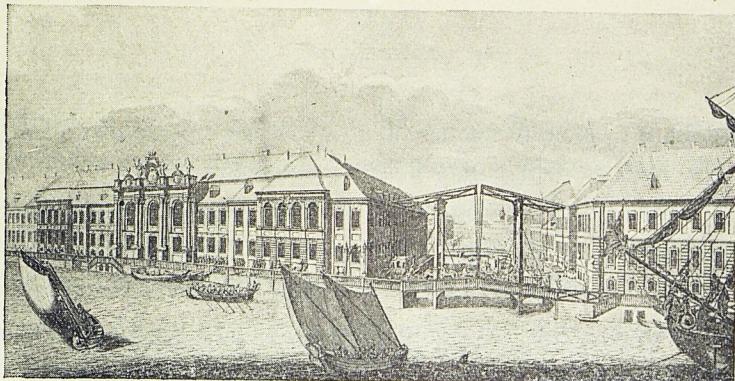

Одинъ изъ 48 видовъ съверныхъ сияній, награвированныхъ въ 1764 году по рисункамъ Ломоносова граверомъ Штенглиномъ.

ботанная математическимъ путемъ»; въ написанныхъ первыхъ двухъ ея главахъ дано описание свойствъ эфира, въ очень быстромъ вращательномъ движениі частичекъ котораго заключалась, по его мнѣнію, причина электричества. Точно также неоконченной осталась и статья его: «Испыта-

шіе причинъ сѣверныхъ сіяній»; въ написанной ея части говорится о собственныхъ наблюденіяхъ сіяній съ малыхъ лѣтъ и о равнодушіи къ этимъ явленіямъ жителей сѣверныхъ странъ. Къ этому сочиненію Ломоносовъ приготовилъ съ натуры нѣсколько десятковъ рисунковъ сѣверныхъ сіяній, съ которыхъ были сдѣланы гравюры на мѣди, сохранившіяся до сихъ поръ; рисунки эти поражаютъ своею красотою. Одинъ изъ нихъ помѣщенъ здѣсь.

Метеорологія, къ которой относится и «Слово обѣ электрическихъ воздушныхъ явленіяхъ», вообще сильно интересовала Ломоносова. Такъ, напр., въ февралѣ 1754 года онъ писалъ Л. Эйлеру, что въ его имѣніи готовы домъ и стеклянныи заводъ; «возвожу плотину и мельницу хлѣбную и лѣсопильную; на верху ея будетъ устроена самопища метеорологическая обсерваторія, описание которой вынесу на судъ публики настоящимъ лѣтомъ». Описание этой обсерваторіи, повидимому, не опубликовано. Въ 1751 году онъ построилъ анометръ—приборъ для определенія направления и силы вѣтра, а въ 1754 году сдѣлалъ въ Конференціи заявленіе обѣ изобрѣтенної имъ машины: при помощи крыльевъ, приводимыхъ въ движение часовой пружиной, она должна была поднимать самопищающіе приборы для изслѣдованія верхнихъ слоевъ атмосферы; машинка, однако, не полетѣла,—и изслѣдованіе верхнихъ слоевъ атмосферы при помощи баллоновъ-зондовъ и самопищащихъ инструментовъ было осуществлено лишь въ концѣ XIX столѣтія. Метеорологія затронута Ломоносовымъ также и въ «Словѣ о большей точности морского пути» (1759).

Проспектъ стараго Зимняго дворца съ каналомъ, соединяющимъ Мойку съ Невою. Съ гравюры Е. Виноградова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

VIII.

Познакомившись съ главнѣйшими научными работами Ломоносова за 1749 — 1756 года, перейдемъ къ событіямъ частной его жизни, литературнымъ и словеснымъ произведеніямъ за этотъ періодъ времени.

Въ 1749 году Академія Наукъ стала готовиться къ большому событию въ ея жизни: въ первый разъ послѣ долгаго перерыва должна была состояться «публичная ассамблея», т. е. торжественное собрание. Для этого засѣданія не легко было найти ораторовъ: какъ писалъ 9 февраля Шумахерь Теплову въ Москву, гдѣ тогда находился при дворѣ Президентъ Академіи, однимъ ораторомъ могъ быть историкъ Миллеръ; что же касается втораго, то хотя онъ очень желалъ бы обойтись безъ Ломоносова, по — никого другого нѣть; приводились и причины, почему другие академики не могли выступить: у однихъ не подходитъ фигура, у другихъ — слабъ голосъ, не знаютъ русскаго языка; одинъ ведеть пе-

удобный судебный процессъ, а одинъ, по городскимъ слухамъ, имѣеть любовницу низкаго происхожденія.

Президентъ согласился съ Шумахеромъ, и ораторами были выбраны Миллеръ и Ломоносовъ. Послѣдній произнесъ «Похвальное слово» Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ на торжественный день восшествія ея на престолъ 25 ноября. Ломоносовъ обладалъ внушительною наружностью, громкимъ голосомъ и говорилъ хорошо и выразительно; его «Слово» произвело большое впечатлѣніе, очень понравилось слушателямъ и было съ большимъ удовольствиемъ принято при дворѣ; можетъ быть именно за него Ломоносовъ получилъ, 27 августа 1750 года, какую то монаршую милость, за которую благодарилъ Императрицу одой.

Похвальные слова произносились Ломоносовымъ и на другихъ публичныхъ ассамблеяхъ Академіи; лучшимъ изъ нихъ является «Похвальное слово Петру Великому», скажанное въ засѣданіи 26 апреля 1755 года. Это «Слово» написано съ самymъ искреннимъ чувствомъ и большимъ подъемомъ: Ломоносовъ считалъ Петра Великаго геніальныишимъ государемъ, имя котораго въ глазахъ оратора было тѣмъ знаменемъ просвѣщенія, около котораго должны были собраться всѣ русскія живыя силы. Такое же отношеніе къ Петру Великому видно и въ другихъ произведеніяхъ Ломоносова.

Пользоваться извѣстностью при дворѣ и быть мастеромъ на всѣ руки имѣло и свои отрицательныя стороны. Въ 1750 году въ Петербургѣ вошелъ въ моду русскій театръ, ставшій любимымъ развлечениемъ двора. Пьесъ въ то время было немногого, и вотъ Ломоносовъ и Тредьяковскій получаютъ, 29 сентября, именной указъ: сочинить

возможно скорѣе трагедію. Ломоносовъ бросаетъ всѣ дѣла, пропускаетъ академическія засѣданія и пишетъ трагедію, а черезъ мѣсяцъ она уже готова и поднесена государынѣ; это—трагедія «Тамира и Селимъ», тогда же представлена; особеннаго успѣха она не имѣла, такъ же, какъ и другіе.

Мозаичный портретъ Петра Великаго, работы Ломоносова
1757 г. (Императорская Академія Наукъ).

гая трагедія—«Демофонъ», написанная Ломоносовымъ въ 1751 году. Въ этомъ же году Ломоносовъ выпустилъ въ свѣтъ первое собраніе своихъ сочиненій, въ которое вошли исключительно литературныя его произведенія.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1755 году, Ломоносовъ

закончилъ долголѣтній обширный трудъ — «Россійскую грамматику», посвященную великому князю Павлу Петровичу. Напечатана эта замѣчательная книга лишь въ 1757 году. Не говоря уже о томъ, что это была первая грамматика русскаго языка, она служила въ теченіе весьма долгаго времени образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ грамматикъ, была издана при жизни и послѣ кончины Ломоносова 11 разъ и переведена была на пѣмѣцкій, французскій и новогреческій языки. Академикъ Я. К. Гротъ заканчиваетъ обзоръ ея словами: «Русскіе вправѣ гордиться появлениемъ у себя, въ срединѣ XVIII столѣтія, такой грамматики, которая не только выдерживаетъ сравненіе съ однородными трудами за то же время у другихъ народовъ, давно опередившихъ Россію на поприщѣ науки, но и обнаруживаетъ въ авторѣ удивительное пониманіе началь языковѣдѣнія». О ней я еще упомяну въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

1 марта 1751 года Ломоносовъ получилъ чинъ Коллежскаго Совѣтника съ увеличеніемъ содержанія до 1200 рублей. Этимъ, по всей вѣроятности, онъ былъ обязанъ стараніямъ своего покровителя — И. И. Шувалова, какъ разъ въ это время занимавшагося подъ его руководствомъ россійскимъ стихотворствомъ. Вліяніе И. И. Шувалова сказывалось, какъ видно изъ писемъ Ломоносова къ нему, также и во многомъ другомъ. Подобно всѣмъ современникамъ, Шуваловъ не понималъ огромнаго значенія научныхъ работъ Ломоносова и потому постоянно побуждалъ его бросить ихъ и исключительно запяться болѣе важными, съ точки зрѣнія Шувалова, вещами: литературной дѣятельностью и исторіей, «написанной штилемъ Ломоносова». Подъ вліяніемъ его совѣтовъ Ломоносовъ, дѣй-

ствительно, хотя и съ неохотою, рѣшился приняться за со-
ставление Россійской исторіи и началъ собирать мало по
малу документы, относящіеся къ древнимъ періодамъ исто-
ріи Россіи. Но Шувалову все казалось, что работа эта идетъ
очень медленно, — и онъ не пропускалъ случая, чтобы
справиться, какъ подвигается Россійская исторія. Характе-
ренъ отвѣтъ Ломоносова на одинъ изъ подобныхъ запро-
совъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 4 января 1753 г.:

«Что же до другихъ моихъ въ физикѣ и химії упражне-
ній касается, чтобы ихъ вовсе покинуть, то нѣтъ въ томъ ни
нужды, ниже возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ
отъ трудовъ успокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло,
ищетъ себѣ съ гостями или съ домашними препровожденія
времени, картами, шашками и другими забавами, а иные
и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно отказался, за-
тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кроме скучки. И такъ
уповаю, что и мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я на
собраніе и на сочиненіе Россійской исторіи и на украшеніе
rossiйского слова полагаю, позволено будетъ въ день пѣ-
сколько часовъ времени, чтобы ихъ, вместо бильяру, упо-
требить на Физическіе и Химическіе опыты, которые мнѣ
не только отмѣнною матерію вместо забавы, но и движениемъ
вместо лекарства служить имѣютъ, и сверхъ сего пользу
и честь отечеству конечно принести могутъ, едва ли менѣше
первой.... Что жъ до кончанія моего всепокорнѣйшаго про-
шенія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте, Милости-
вый Государь, чтобы она могла мнѣ препятствовать: ибо
тѣмъ окончаются всѣ мои великие Химическіе труды,
въ которыхъ я три года упражнялся и которые без-
плодно потерять мнѣ будетъ несносное мученіе и много

большее препятствіе, нежели отъ самихъ онъихъ опасаться должно».

Занятія русской исторіей, о которыхъ такъ хлопоталъ Шуваловъ и насчетъ которыхъ Ломоносовъ получилъ въ 1753 году имп'ерійский указъ, вѣроятно имѣли связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1748 года онъ принималъ участіе въ учрежденномъ при Академіи Историческомъ Собраниі. Тутъ ему приходилось давать отзывы о разныхъ историческихъ сочиненіяхъ и критиковать диссертациі и рѣчи исторіографа Россійскаго Государства академика Г. Ф. Миллера. Съ этимъ послѣднимъ у него были постоянныя столкновенія по разнымъ вопросамъ, потому что Ломоносовъ считалъ, что иностранцы не должны писать что-либо предосудительное для Россіи, и ставилъ на первый планъ литературную обработку историческихъ данныхъ; Миллеръ же, какъ беспристрастный историкъ, помѣщалъ все, какъ бы оскорбительно для Россіи это не казалось Ломоносову. Въ своихъ спорахъ обѣ стороны считали себя правыми и свои мнѣнія непреложными; иногда пререканія переходили и на личную почву. Вполнѣ естественно, что Ломоносовъ и Миллеръ другъ друга не могли терпѣть; Ломоносовъ отказывался подписывать протоколы Конференцій, составленные Конференцъ-Секретаремъ Академіи Миллеромъ, а иногда дѣло доходило до того, что одинъ тянулъ другого въ судъ за оскорблениe, — но Президентъ никогда не допускалъ ихъ до суда.

Всѣ подобныя работы, а также заботы о заводахъ, требовавшихъ большихъ расходовъ, съ теченіемъ времени стали оттеснять предметъ профессіи Ломоносова — химію — на второй планъ: мы видимъ какъ бы утомленіе ею, и хотя

въ 1754—1756 годахъ у него производятся еще въ лабораторії физико-химической изслѣдованія, но опыты дѣлаются уже по большей части не имъ самимъ, но лаборантомъ Биттигеромъ, знатившимъ, видимо, довольно хорошо химію; очевидно, что у него нѣтъ уже той энергіи, съ которой онъ принялъ за эти опыты нѣсколько лѣтъ назадъ. Ломоносовъ самъ, безъ сомнѣнія, сознавалъ это и потому заявилъ въ засѣданіи Конференціи 18 августа 1754 года,—когда давалъ хороший отзывъ о присланной на премію диссертациіи,—что авторъ ея могъ бы сдѣлаться, если бы захотѣлъ пріѣхать въ Россію, профессоромъ химіи; самъ же онъ, вслѣдствіе другихъ дѣлъ не можетъ болѣе заниматься ею. Премія была, однако, выдана другому, и этого послѣдняго, Ульриха Христофора Сальхова,—повидимому безъ вѣдома Ломоносова, и пригласили профессоромъ химіи въ концѣ 1755 года.

Со своимъ лаборантомъ Биттигеромъ (жившимъ въ томъ же домѣ у лабораторії, гдѣ и онъ самъ) Ломоносову пришлось скоро разстаться; 10 мая 1756 года онъ подалъ на него жалобу, гдѣ писалъ: «Для множества, почти денно и почно часто приходящихъ на его квартиру гостей разныхъ званій и націй беспокойство такъ умножилось, что уже и ворота среди дня пьяные гости его ломаютъ, а почно часто стоятъ полы для пріѣзжающихъ къ нему колясокъ и одноколокъ. Сверхъ сего отъ служанокъ его чинятся фамиліи моей напрасная и наглая обиды, такъ что недавно дѣвка его безчестными словами дочерь мою съ крыльца сослала. И какъ жена моя вышла и спросила, зачѣмъ оная дѣвка такъ поступаетъ, то она, повернувшись задомъ и опершись о перила, давала грубые отвѣты...; для

того велѣлъ я ту дѣвчонку посѣчь лозами, чтобы впредь фамилія моя отъ его служаковъ была спокойна...». Дѣло кончилось немедленнымъ увольненіемъ Биттигера; послѣ него лаборантомъ сталъ В. Клементьевъ.

Столкновенія, подобныя упомянутымъ выше съ Миллеромъ, съ теченіемъ времени случаются у Ломоносова все чаще и чаще. Причину ихъ нужно, вѣроятно, искать въ томъ, что, по мѣрѣ приближенія старости, у Ломоносова все сильнѣе и сильнѣе стало проявляться сознаніе собственныхъ, безусловно огромныхъ заслугъ и отсюда высокое мнѣніе о самомъ себѣ; при этомъ, вѣроятно, не малая доля падаетъ на успѣхи его при дворѣ, выразившіеся какъ благосклоннымъ принятіемъ его торжественныхъ одѣй, такъ и пожалованіемъ ему Коровалдайскаго помѣстья; такое крупное событие въ жизни Ломоносова не могло остаться безъ вліянія на него. Достаточно простого сопоставленія: еще до второй половины 1747 года онъ числился крестьяниномъ въ бѣгахъ, за котораго вносили подушный окладъ (1 рубль 20 копеекъ въ годъ) крестьяне Куростровской волости, а въ 1753 году Ломоносовъ владѣлъ уже огромнымъ помѣстiemъ съ 211 душъ крестьянъ и былъ Коллежскимъ Советникомъ.

Острѣя пререканія постоянно возникали у Ломоносова какъ съ товарищами академиками, не только съ нѣмцами, но и съ русскими,—такъ и съ общимъ непріятелемъ профессоровъ—академической Канцеляріей, въ которой вершилъ дѣла И. Шумахеръ и его зять Таубертъ (проведенный туда Шумахеромъ); они фактически, за очень частымъ отсутствиемъ Президента изъ Петербурга, и при уставѣ 1747 года имѣли, какъ и прежде, въ своихъ рукахъ все

управлениі Академіей. Само собою разумѣется, что тѣ, на кого обращалась непріязнь Ломоносова, не упускали случая дѣлать непріятности и ему; такъ, напр., Шумахеръ послалъ Л. Эйлеру «Рѣчь о воздушныхъ электрическихъ явленіяхъ» въ надеждѣ получить плохой о ней отзывъ и писалъ, что академики не могутъ сносить высокомѣрія и тщеславія Ломоносова; но Эйлеръ приспалъ отзывъ весьма благопріятный.

Изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ документовъ несомнѣнно, что Ломоносовъ велъ свою борьбу главнымъ образомъ съ тѣми, въ комъ онъ видѣлъ препятствіе къ распространенію просвещенія, или кто не работалъ въ Академіи на пользу Россіи. Въ самомъ концѣ 1754 года онъ, повидимому, сознавая невозможность одному сдѣлать что-нибудь для улучшенія Академіи, въ письмѣ къ И. И. Шувалову просилъ «произвести его въ Академіи для пресѣченія коварныхъ предпріятій», а если это невозможно—то о переводе его въ другой корпусъ, лучше всего—въ Иностранную Коллегію, «дабы или всѣ сказали: камень, его же небрегла зиждущій, сей бысть во главу угла, отъ Господа бысть сей; или бы въ мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, чего она лишилась, потерявъ такого человѣка, который черезъ толь много лѣтъ украшалъ оную и всегда съ гонителями наукъ боролся, несмотря на свои опасности».

Въ началѣ 1755 года была образована при Академіи комиссія по случаю выработки новаго устава, «для представленія недостатковъ и излишествъ». Ломоносовъ заготовилъ длиное мѣніе объ исправленіи Академіи, гдѣ, между прочимъ, возставалъ противъ запрещенія учиться положеннымъ въ подушный окладъ: «будто бы сорокъ алтынъ

толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина и лучше выписывать. Довольно бъ и того выключенія, чтобы не принимать дѣтей холопскихъ». Но до разсмотрѣнія этого мнѣнія дѣло не дошло: въ одномъ изъ первыхъ засѣданій комиссіи Ломоносовъ такъ сильно поссорился съ адъюнктомъ В. Г. Тепловымъ (бывшимъ учителемъ графа Разумовскаго, котораго послѣдній сдѣлалъ адъюнктомъ Академіи и которому оказывалъ полное довѣріе) изъ-за вопроса объ учрежденіи должности Вице-Президента, что засѣданій больше не происходило, а Президентъ Академіи, по сообщеніи ему Тепловымъ о происшедшемъ, хотѣлъ сдѣлать Ломоносову строгій письменный выговоръ. Это страшно обидѣло Ломоносова и онъ поспѣшилъ писать И. И. Шувалову: «Вашему Превосходительству всепокорнѣйше дошу, что дѣло мое съ Тепловымъ по Канцеляріи произведено письменно (какъ я теперь увѣдомилъся) и мнѣ будетъ читать секретарь неправедной приговоръ или выговоръ письменной! Возможно ли стерпѣть, стоявъ за правду?... Я осужденъ. Тепловъ цѣль и торжествуетъ. Виноватой оправленъ, правой обвиненъ. Коварнинъ надѣется, что онъ и со мной такъ поступитъ, какъ съ другими прежде.... И такъ въ сихъ моихъ обстоятельствахъ всепокорнѣйше прошу, чтобы меня отъ такого поношенія и неправеднаго поруганія избавить; дабы чрезъ ваше отеческое представительство Всемилостивѣйшая Государыня принять въ Высочайшее Своє Собственное покровительство и отъ Теплова ига избавить не презрила, и отъ такихъ нападковъ по моей ревности защитить матерски благоволила». Подъ именемъ Коварнина Ломоносовъ подразумѣвается здѣсь Шумахера, котораго считалъ вдохновителемъ

Теплова. Письмо это возымѣло дѣйствіе, и Президентъ уничтожилъ свой выговоръ. Ломоносовъ же написалъ еще длинную записку, гдѣ разоблачалъ всю политику Шумахера и привелъ характерныя слова его: «я велику пропшибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры», и зятя его Тауберта: «развѣ намъ десять Ломоносовыхъ надобно? и одинъ памъ въ тягость». Ломоносовъ считалъ необходимымъ для улучшенія Академіи не допускать властствовать надъ науками людей малоученыхъ, не давать власти чужестранцамъ, недоброжелательнымъ къ ученымъ россіянамъ, и предлагалъ учредить должность Вице-Президента, которую, какъ видно изъ писемъ къ Шувалову, Ломоносовъ предназначалъ для самого себя.

Постоянныя жалобы на непорядки академической Канцеляріи и на деспотическое отношеніе Шумахера къ академикамъ, подававшіяся Ломоносовымъ и другими профессорами, привели къ тому, что въ началѣ 1757 года Президентъ Академіи, при отѣѣзда своемъ въ Малороссію въ званіи гетмана Запорожскихъ войскъ, распорядился, за дряхлостью Шумахера, чтобы обще съ нимъ присутствовалъ въ Канцеляріи и подписывалъ всѣ дѣла Ломоносовъ... Такимъ образомъ, съ 1 марта 1757 года послѣдній сталъ участвовать въ управлѣніи Академіей. Дѣятельность Канцеляріи отъ этого не измѣнилась, хотя Шумахеръ и Таубертъ, повидимому, нѣсколько побаивались новаго совѣтника Канцеляріи. Ломоносовъ неукоснительно требовалъ того, что считалъ правильнымъ, и не терпѣлъ противорѣчій, — по самому ему прибавилось немало работы, такъ какъ онъ старался подробно вникать во всѣ дѣла.

Въ своихъ непрерывныхъ заботахъ о возможномъ распространениі просвѣщенія въ Россіи, Ломоносовъ не разъ указывалъ И. И. Шувалову, что необходимо основать, на возможно широкихъ началахъ, Университетъ въ Москвѣ. Когда послѣдній рѣшился осуществить этотъ грандіозный проектъ, то, понятно, постоянно совѣщался объ этомъ дѣлѣ съ Ломоносовымъ, изложившимъ въ одномъ изъ своихъ писемъ слѣдующее мнѣніе объ учрежденію этого Университета: 1) главное—это то, чтобы планъ Университета служилъ на всѣ будущіе годы; поэтому въ планѣ надо назначить достаточное число профессоровъ и студентовъ. Если въ первое время и не будетъ комплекта, то излишекъ суммъ можно употребить на библіотеку; 2) въ трехъ факультетахъ профессоровъ не можетъ быть менѣе 12-ти: 3 на юридическомъ, 3 на медицинскомъ и 6 на философскомъ (философіи, физики, ораторіи, поэзіи, исторіи и древностей и критики); 3) при Университетѣ должна быть гимназія. Въ концѣ письма обѣщанъ былъ черезъ нѣсколько дней болѣе подробный проектъ; по всей вѣроятности послѣдній, лишь съ нѣсколькими незначительными измѣненіями, и былъ приложенъ къ представлению И. И. Шувалова въ Сенатъ. Какъ известно, Университетъ былъ учрежденъ 12 января 1755 года, въ Татьянинъ день: И. И. Шуваловъ поднесъ новый Университетъ въ даръ своей матери, Татьянѣ Петровнѣ, въ день ея ангела. Вдохновитель Шувалова, Ломоносовъ, затѣмъ уже, повидимому, не принималъ большого участія въ разработкѣ устава, такъ какъ первый кураторъ Московскаго Университета, Блюментростъ, по словамъ Ломоносова, не хотѣлъ, чтобы онъ былъ «больше въ совѣтахъ о университетѣ», который

Московской здѣсь Парнасъ изобразилъ виноградъ,
Что чистой слогъ стиховъ и языки ввелъ въ Россію.
Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилъ былъ,
То она односъ въ своемъ понятіи величества,
Открытыя науки хранитъ богатыемъ словомъ Россію
Примѣръ ихъ остроумъ въ наукахъ Ломоносова.

Портретъ Ломоносова, гравированный по заказу И. И. Шувалова.

и первый причину подалъ къ основанію упомянутаго корпуса».

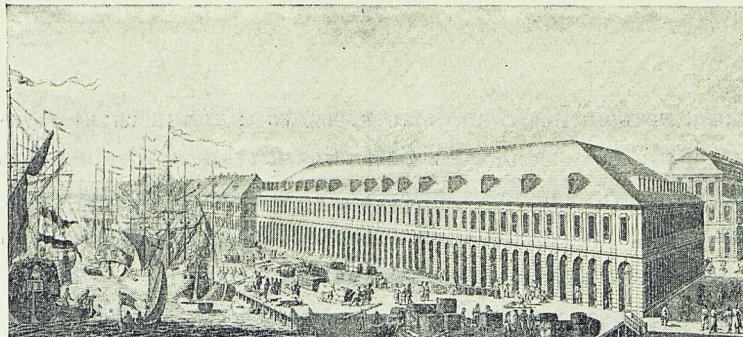
При Университетѣ была основана и типографія; одною изъ первыхъ книгъ, вышедшихъ изъ нея, является собраніе сочиненій Ломоносова, напечатанное по распоряженію И. И. Шувалова (1757): этимъ онъ на дѣлѣ показалъ, какъ высоко цѣнилъ Ломоносова. Къ собранію сочиненій приложенъ былъ портретъ автора, и Шуваловъ просилъ Ломоносова сочинить къ портрету какіе-нибудь стихи; но тотъ отвѣчалъ: «того, Милостивый Государь, отнюдь не желаю; я стыжусь, что нагрызированъ. Я прошу только того, что мнѣ надлежитъ по справедливости, чѣмъ Всемилостивѣйшая Государыня усердныхъ рабовъ своихъ обыкновенно жаловать изволить, что по моей службѣ и дорогѣ слѣдуетъ, и что больше отечеству, нежели мнѣ, нужно и полезно». Подъ портретомъ Ломоносова все таки была помѣщена составленная И. И. Шуваловымъ надпись; изъ нея видно, что Шуваловъ воспользовался уроками своего великаго учителя и научился сочинять россійскіе стихи. Вторая часть этого собранія сочиненій вышла въ Москвѣ въ 1759 году.

Въ мартѣ 1757 года на Ломоносова была принесена жалоба, по поводу его стихотворной шутки «Гимнъ бородѣ», во всеподданѣйшемъ докладѣ Синода. Въ докладѣ этомъ говорилось, что «пашквилянтъ, подъ видомъ яко бы на раскольниковъ, крайне скверныя и совѣсти и честности христіанской противныя ругательства генерально на всѣхъ персонъ, какъ прежде имѣвшихъ, такъ и нынѣ имѣющихъ бороды, написаль..., и, не удовольствуясь тѣмъ, еще опослѣ того вскорѣ таковой же другой пашквиль въ народъ издалъ, въ коемъ, между многими уже явными духовному

чину ругательствы, безразумныхъ козлять далеко почтенѣйшими, нежели поповъ, ставить»; въ концѣ жалобы была просьба къ Императрицѣ «высочайшимъ своимъ указомъ таковые соблазнительные ругательные пашквили истребить и публично жечь, и впредь то чинить запретить, и означеннаго Ломоносова для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія въ Синодъ отослать». Жалоба не имѣла послѣдствій для Ломоносова, но вызвала оживленную литературную перестрѣлку письмами, сатирами и эпиграммами, въ которыхъ литературные враги ставили ему въ упрекъ невоздержанность его къ вину (напр., гимнъ «Пьяной головѣ» Тредьяковскаго).

Лѣтомъ этого же года закончился постройкою собственныи домъ Ломоносова: 15 іюня 1756 годъ онъ получилъ бесплатно во владѣніе шесть погорѣлыхъ мѣстъ въ Адмиралтейской части съ тѣмъ, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ выстроить на нихъ каменный домъ. Эти мѣста находились на правомъ берегу Мойки, недалеко отъ пынѣшняго пѣшешходнаго Почтамтскаго моста; на нихъ онъ выстроилъ небольшой каменный домъ, съ лабораторіей, гдѣ занимался, и широкимъ крыльцомъ (балкономъ), а остальное мѣсто раздѣлалъ подъ садъ. По разсказу жившей съ нимъ племянницы его, на этомъ крыльцѣ онъ всегда обѣдалъ лѣтомъ и, между прочимъ, угощалъ своихъ земляковъ-поморовъ, приходившихъ на корабляхъ изъ Архангельска; въ садовой же бесѣдкѣ онъ иногда по цѣлымъ днямъ писалъ; здѣсь же принималъ онъ И. И. Шувалова и другихъ посѣтителей. Тотъ домъ по Второй Линіи Васильевскаго Острова, гдѣ онъ жилъ до этого, было постановлено отвести подъ квартиру его преемника по каѳедрѣ химіи--Саль-

хова, которому велѣно было передать и химическую лабораторію; но фактически Сальховъ получилъ возможность работать въ ней гораздо позже, а предназначавшаяся ему квартира, послѣ большой передѣлки, оказалась занятой канцеляріи совѣтникомъ Таубертомъ.

Проспектъ Биржи и Гостишаго двора вверхъ по Малой Невѣ рѣкѣ.
Съ гравюры И. Елякова по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.).

IX.

Назначенный членомъ академической Канцеляріи, Ломоносовъ по необходимости сталъ посвящать много времени дѣламъ по управлению Академіей, связаннымъ съ этойю должностю; за этими дѣлами постепенно сокращаются и отходятъ на второй планъ его научныя занятія, которымъ мѣшаютъ также и заботы о стеклянномъ заводѣ и мозаичной фабрикѣ. Въ этой главѣ я собралъ данные о важнѣйшихъ моментахъ дѣятельности Ломоносова, какъ совѣтника Канцеляріи въ 1757—1764 годахъ.

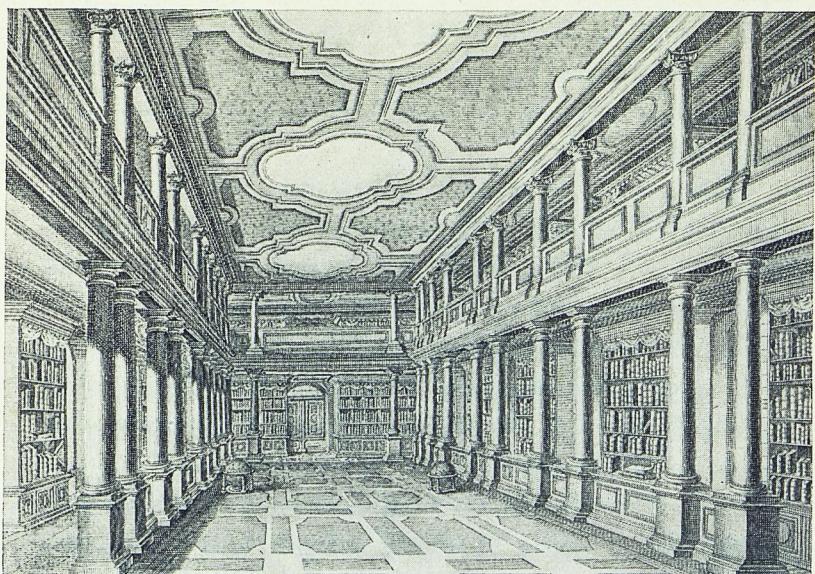
Къ этой дѣятельности онъ относился такъ же добросовѣтно, какъ и къ другимъ своимъ обязанностямъ, старался вникать во все дѣла, даже въ такія, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, его вовсе не касались. Такъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ новую должностъ, у него произошло большое столкновеніе съ историографомъ Миллеромъ, издававшимъ въ то время журналъ «Ежемѣсячныя Сочиненія», изъ-за статьи Полетики о просвѣщеніи въ Россіи, которую, по мнѣнію Ломоносова, не слѣдовало

печатать; какъ писалъ тогда Миллеръ Президенту, Ломоносовъ, «будучи помѣщенъ въ Канцелярію, какъ будто сотворенъ для огорченій многихъ изъ нась и особенно мнѣ». Академикъ Шлѣперъ, имѣвшій, какъ мы увидимъ, свои причины не особенно благоволить Ломоносову, писалъ про него такъ: «Нерѣдко приходилъ онъ въ Канцелярію и Конференцію подвыпивши; его природная грубость (даже, когда онъ былъ трезвъ) переходила въ дикость; онъ вырывалъ тогда листы изъ протокола, все дрожало передъ нимъ, и никто не осмѣшивался указать пьяному дверь».

Ломоносовъ тщательно подмѣчалъ всѣ недостатки подрядовъ, поставокъ и другихъ хозяйственныхъ операций Академіи и въ январѣ 1758 года подалъ Президенту рапортъ «объ излишествахъ, недостаткахъ и замѣшательствахъ Академіи» и предлагалъ рядъ мѣръ къ ихъ устраниенію,— между прочимъ учрежденіе должности Вице-Президента. Въ мартѣ графъ К. Г. Разумовскій поручилъ ему особое смотрѣніе за Академическимъ, Историческимъ и Географическимъ собраниями, за Университетомъ и Гимназіей; но, понятно, и другія дѣла не решались безъ участія Ломоносова.

Въ 1761 году вліяніе Ломоносова на ходъ академическихъ дѣлъ достигло высшей своей степени; свое мнѣніе по каждому вопросу онъ считалъ окончательнымъ и всякое замѣчаніе — личной обидой. Поэтому въ этомъ году мы видимъ его усиленно занятымъ управлениемъ Академіей, а также встрѣчаемся со случаями наиболѣе рѣзкихъ столкновеній его съ разными лицами. Больше всего занимало Ломоносова приведеніе Академіи въ лучшее со-

стояніе, для чего имъ предлагались иногда весьма рѣши-
тельныя и крутыя мѣры. Такъ, въ «Краткомъ способѣ при-
веденія Академіи Наукъ въ доброе состояніе» (январь
1761) онъ выставляетъ необходимость учинить равновѣсіе
въ голосахъ русскихъ и иноземцевъ; не допускать къ на-
укамъ Тауберта; не тратить ни на что другое деньги, аssi-

Перспективный видъ Библіотеки Академіи Наукъ, второго и третьаго апартаментовъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 году Академіею Наукъ, л. XII; по рисунку Джироламо Бона гравированъ К. А. Вортманъ.

гнуемыхъ на науки; инструментальнымъ академическимъ мастерамъ работать исключительно для академиковъ, а не для Канцеляріи и т. п.

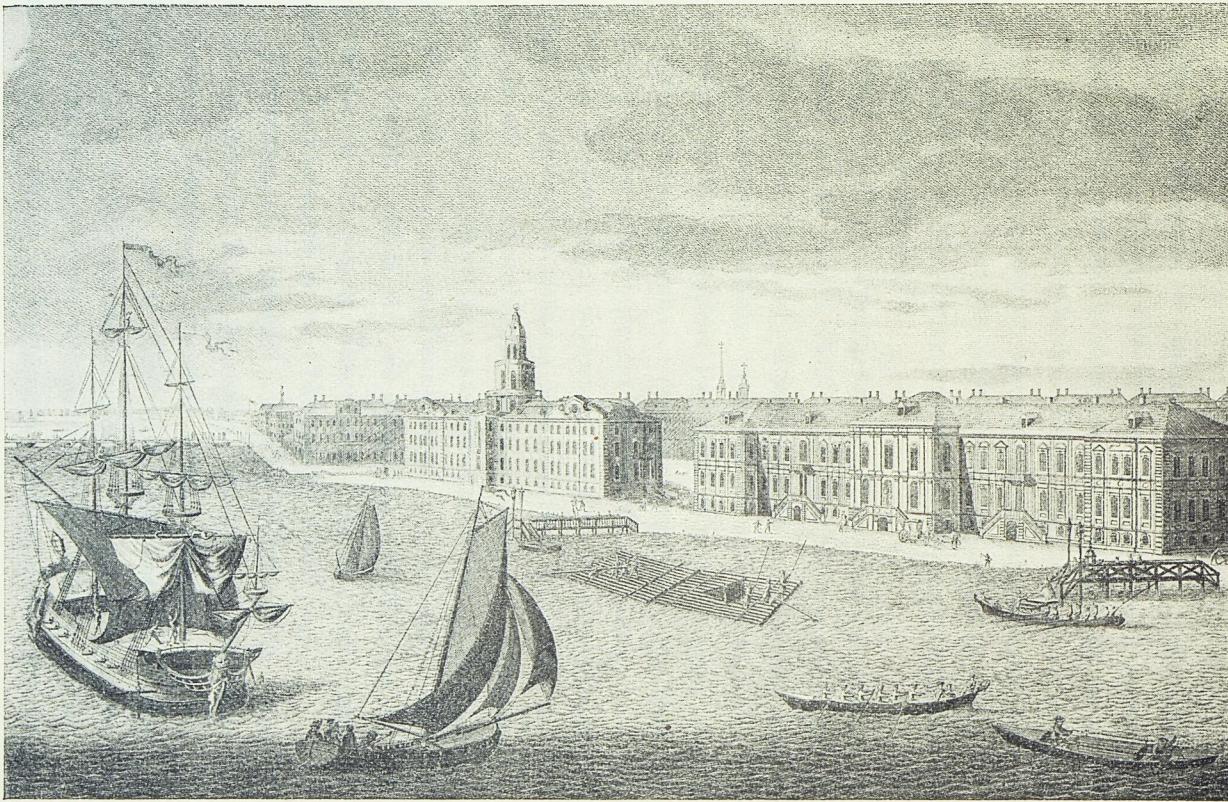
Затѣмъ Ломоносовъ считалъ безусловно нужнымъ удалить изъ Академіи своихъ главныхъ враговъ—исторіографа

Миллера и Тауберта, съ которыми происходили у него постоянные препирательства; онъ пишетъ Президенту длинныя бумаги съ обвинительными пунктами противъ обоихъ. Въ вину Миллеру ставится главнымъ образомъ его заграничная переписка, въ которой сообщаются невѣрные или предосудительные для Россіи свѣдѣнія, неисполнение канцелярскихъ указовъ, отказъ въ теченіе 30 лѣтъ отъ чтенія лекцій и т. п.; а Тауберту — преимущественно безотчетное и самовластное веденіе академического хозяйства, вмѣшательство въ науки, командованіе всей Академіей по примѣру своего тестя I. Шумахера (скончавшагося въ 1761 году) и т. д.; послѣ того, какъ Президентъ оставилъ эти отношенія безъ послѣдствій, и послѣ новыхъ крупныхъ столкновеній съ упомянутыми лицами, Ломоносовъ, въ началѣ декабря, послалъ графу Разумовскому, бывшему въ Малороссіи, пункты «продерзостей» Тауберта — письмо, въ которомъ онъ приводитъ указъ Петра Великаго относительно порядка донесеній на упущенія по службѣ, просить назначить слѣдствіе надъ Таубертомъ и предупреждаетъ Президента, что если просьба его не будетъ уважена, онъ принужденъ будетъ «принять законную смѣлость непремѣнно приступить по высокоупомянутому монаршему указу для избавленія восходящихъ наукъ въ нашемъ отечествѣ отъ паглаго утѣсненія». Это письмо, однако, по случаю кончины Императрицы Елизаветы Петровны, осталось безрезультатнымъ и Ломоносовъ не привелъ въ исполненіе своей угрозы.

Наибольшее вниманіе Ломоносовъ удѣлялъ надзору за академическими Гимназіей и Университетомъ, которыми онъ завѣдывалъ до самой своей смерти. Опъ устроилъ общежитіе

для гимназистовъ и студентовъ и наставлялъ на своевременной выдачѣ денегъ на содержаніе гимназистовъ (36 руб. въ годъ); старался, чтобы число гимназистовъ доходило до комплекта (40 чел.); наконецъ, составилъ правила для гимназистовъ (19 января 1759), гдѣ имъ предписывается «къ наукамъ простираять крайнее прилежаніе и никакой другой склонности не внимать»; быть вѣжливыми съ учительями, не шумѣть и не ссориться, не мѣшать другимъ учиться, остерегаться въ разговорахъ «словъ подлыхъ и соромскихъ»; не лгать: «когда по спросу учительскому говорить кто свой урокъ изусть и не знаетъ твердо, близъ его сидящій товарищъ не долженъ ему тихонько подшептывать и тѣмъ помогать его лѣнности. Такой помощникъ равному наказанію съ незнающимъ подверженъ». Чистоту должно наблюдать не только въ дѣлахъ безпорочныхъ, но и при столѣ, въ содержаніи книгъ, постели и платя. Лѣнность всего вреднѣе учащимся: «того ради всячески должно преодолѣвать оную послушаніемъ, воздержаніемъ, бдѣніемъ и терпѣніемъ». Удаляться отъ неприличного и худого сообщества, которое подать скоро можетъ поводъ къ бездѣльному и праздному житию и къ прогуливанію школы.

Не менѣе заботливо относился Ломоносовъ и къ Университету. Въ 1759 году, по порученію Президента, онъ сочинилъ новые регламенты для Университета (а также и для Гимназіи). Здѣсь главное вниманіе обращаютъ на себя привилегіи, которыя, по его мнѣнію, должны были заключаться въ слѣдующемъ: присужденіе ученыхъ степеней; присвоеніе учащимъ пристойныхъ чиновъ; снятіе полицейскихъ тягостей; увольненіе на каникулярные дни; отпускъ денежныхъ суммъ прежде всѣхъ; студентовъ не

Часть „Проспекта въ пизъ по Невѣ рѣкѣ между зимнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ и Академіею Наукъ“,
подъ смотрѣніемъ Г. Валеріани снималъ подмастерья Михаила Махаевъ, гравировалъ Мастеръ Григорей Качаловъ.
Около 1753 г.

водить въ полицію, но прямо въ Академію; духовенству къ учениямъ, правду физическую для пользы и просвѣщенія показуюющимъ, не привязываться, а особливо не ругать науку въ проповѣдяхъ. Былъ также составленъ и порядокъ торжественного провозглашенія привилегіи, или инавгурація. По просьбѣ Ломоносова, проектъ этотъ былъ разсмотрѣнъ нѣкоторыми академиками, сдѣлавшими на него нѣсколько замѣчаній.

Составленіе регламента, можетъ быть, и подало поводъ къ тому, что въ началѣ 1760 года графъ Разумовскій писалъ въ Канцелярію: «Г. Ломоносовъ по сочиненному отъ него регламенту Гимназіи поступая съ моего позволенія, привель своимъ стараніемъ Гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ...; того ради поручаю учрежденіе и весь распорядокъ Университета единственно оному г. соѣтнику Ломоносову». Затѣмъ въ скоромъ времени Президентъ утвердилъ и правила Университета (съ тремя факультетами: юридическимъ, медицинскимъ и философскимъ и проректоромъ изъ академическихъ профессоровъ); ежегодный расходъ на Университетъ и Гимназію составлялъ 15248 рублей. Что же касается до привилегіи, то, несмотря на всѣ усилия Ломоносова, она не была утверждена Государыней ни въ 1760, ни въ 1761 годахъ.

Инспекторомъ Гимназіи съ 1 сентября 1755 года былъ профессоръ К. Ф. Модерахъ. Въ предыдущие годы отношенія Ломоносова къ нему были, повидимому, довольно хорошими, но въ 1761 году, послѣ жалобы гимназистовъ и студентовъ на однообразіе ихъ казенной пищи, они измѣнились, и когда Модерахъ 5 марта подалъ прошение объ увольненіи, то Ломоносовъ считалъ необходимымъ

уволить его, а инспекторомъ опредѣлилъ академика С. К. Котельникова, такъ какъ «инспекторъ надъ русскими долженъ быть природной россіянинъ, чтобы имѣть объ учащихся, какъ о своихъ свойственникахъ, усердное попеченіе, чтобы главной командѣ имѣть больше повиновенія и чтобы, зная россійскій языкъ и обряды совершенно и бывъ самъ здѣшнимъ и въ чужихъ краяхъ студентомъ, зналъ бы съ порученными ему поступать съ умѣренной строгостью». Президентъ еще не положилъ своей резолюціи на эту бумагу, какъ студенты снова пожаловались, что Модерахъ оставляетъ ихъ совершенно безъ призрѣнія, деньги на Ѣду не выдаются имъ на руки, почему столъ ихъ рушится; имѣютъ они также великий недостатокъ во многихъ вещахъ, Модерахъ же на всѣ ихъ заявленія ругается и говоритъ, что ему ни до чего нужды нѣтъ. По опросу учителей оказалось, что Модерахъ у большинства изъ нихъ на урокахъ ни разу не былъ. Тогда Ломоносовъ своею властью уволилъ, 5 апрѣля, Модераха и назначилъ инспекторомъ Котельникова, а затѣмъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры,—вплоть до выставки рамъ въ университетской квартирѣ Модераха,—къ скорѣйшему его выѣзду. Когда Президентъ въ Малороссіи узналъ обо всемъ этомъ, то не преминулъ написать въ своей бумагѣ, что слышалъ о нападеніяхъ и обидахъ со стороны Ломоносова, а потому, если Модерахъ считаетъ себя обиженнымъ, то пусть подождетъ прїѣзда графа въ Петербургъ; а если желаетъ быть уволеннымъ, то препятствій не имѣется. Такъ какъ Модерахъ заявилъ лишь о желаніи выйти въ отставку, то и получилъ таковую въ августѣ 1761 года.

Въ 1763 году Ломоносовъ представилъ Президенту

рапортъ о состояніи Гимназіи и Университета и того, что онъ для нихъ сдѣлалъ; оказывается, что за время его завѣдыванія окончило курсъ Гимназіи 20 человѣкъ, а при I. Шумахерѣ — ни одинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ просилъ повысить ежегодную ассигновку на гимназиста съ 36 до 48 рублей, что составить только 720 рублей,—«сумма, которая не одна въ Академіи исходить на тунеядцовъ». Изъ происшествій въ Гимназіи обращаютъ на себя вниманіе побѣги учениковъ. Такъ, съ 11 декабря 1762 года по 15 января слѣдующаго года были въ бѣгахъ гимназистъ Е. Морозовъ и учитель Головинъ—съ паспортомъ, подписаннымъ Головинымъ подъ руку инспектора Котельникова; они были въ Нарвѣ, Перновѣ, Ригѣ и Ревелѣ, а при уходѣ изъ Гимназіи Морозовъ укралъ казенную епанчу у гимназиста Косова. За это Морозовъ былъ выключенъ и отданъ въ Государственную Военную Коллегію для написанія въ солдаты. 31 октября 1763 года Котельниковъ доносилъ, что гимназистъ М. Арсеневъ къ наукѣ непонятенъ и часто бѣгаєтъ, совершающій кражи: у гимназиста Косова похитилъ башмаки и послѣ пришелъ въ Гимназію пьяный. Въ Капцеляріи постановили: Арсеневу, какъ солдатскому сыну, по исключеніи, «при всѣхъ студентахъ и гимназистахъ учинить жестокое наказаніе батожьемъ и отослать въ Государственную Военную Коллегію для написанія въ солдаты при промеморіи».

Частые побѣги гимназистовъ, несомнѣнно, были обусловлены крайне тяжелыми условіями жизни. Гимназія помѣщалась въ наемномъ у Троице-Сергіевской лавры домѣ; по донесенію инспектора Котельникова, домъ этотъ совершенно разваливался, на кухнѣ мерзло въ квашнѣ тесто, въ

комнатахъ застывали чернила, въ классахъ не было стеколь въ окнахъ; «учители въ зимнее время даютъ лекціи, одѣвшия въ шубу, разминаяся вдоль и поперекъ по классу, и ученики, не снабженные теплымъ платьемъ, не имѣя свободы встать со своихъ мѣстъ, дрогнутъ, отъ чего дѣлается по всему тѣлу обструкція и потомъ рождается короста и скорбутъ, которыхъ ради болѣзней принуждены оставить хожденіе въ классы. Чего ради не дивно, ежели успѣхи ученическіе не соответствуютъ приложенному старанію учителей». Такое положеніе дѣла, конечно, давно заставляло Ломоносова пытаться перевести учебныя заведенія въ другое помѣщеніе. Подходящій случай представился въ сентябрѣ 1764 года: Академіей былъ купленъ домъ Строгановыхъ на берегу Малой Невы; Таубертъ хотѣлъ помѣстить тамъ, безъ вѣдома Ломоносова, книжный складъ, астронома, анатома и т. д. Послѣ длиннаго ряда острыхъ пререканій съ Таубертомъ, Ломоносовъ представилъ Президенту о крайней желательности занять домъ Строгановыхъ подъ гимназію и Университетъ: дѣло закончилось полной победою Ломоносова,—и учебныя заведенія получили наконецъ теплый, хорошій помѣщенія.

На завѣдываніе работами Географического Департамента Ломоносовымъ положено было тоже не мало труда. Департаментъ былъ учрежденъ при Академіи для разсужденія о дѣлахъ, до россійской географіи касающихся; его главной задачей было составленіе вѣрныхъ картъ Россіи и постоянная ихъ проверка и дополненіе по поступавшимъ новымъ материаламъ; состоялъ Департаментъ изъ профессоровъ, адъюнктовъ и студентовъ, чертившихъ карты и производившихъ другія работы подъ наблюдениемъ адъюнктовъ. Ломоносовъ

рѣшилъ прежде всего предпринять изданіе большого Россійскаго атласа, и съ этою цѣлью отъ Академіи были посланы въ Синодъ запросы о точномъ мѣстонахожденіи всѣхъ церквей и монастырей Россіи, а въ Сенатъ—просьба объ изданіи указа для полученія изъ всѣхъ городовъ отвѣтовъ на 30 вопросныхъ пунктовъ, которые дали бы полную географическую, статистическую, промышленную и историческую картину каждого города. Все это было сдѣлано, вопросы были разосланы въ 1760 году, и студенту Абрамову было поручено спеціально заниматься разборкою поступавшихъ отвѣтовъ, но при жизни Ломоносова они не были примѣнены для атласа.

Для опредѣленія широты и долготы каждого значительного города Ломоносовъ предложилъ Академіи послать по Россіи три экспедиціи, но, несмотря на постановленіе Конференціи объ ихъ отсыпкѣ, экспедиціи такъ и не состоялись, что Ломоносовъ приписывалъ интригамъ Миллера, Румовскаго и другихъ академиковъ.

Съ гравированного портрета къ книгѣ П. И. Челищева „Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.“.

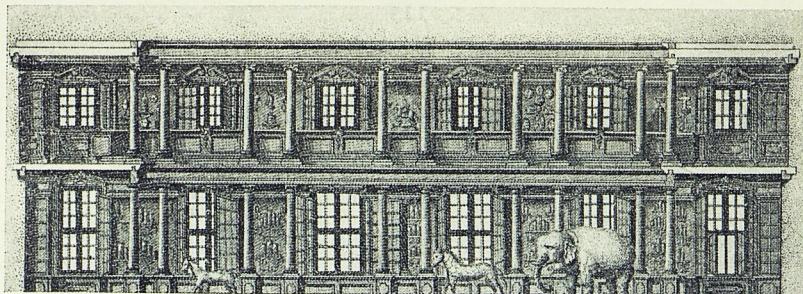
Ломоносовъ предложилъ Академіи послать по Россіи три экспедиціи, но, несмотря на постановленіе Конференціи объ ихъ отсыпкѣ, экспедиціи такъ и не состоялись, что Ломоносовъ приписывалъ интригамъ Миллера, Румовскаго и другихъ академиковъ.

Почти весь 1762 годъ Ломоносовъ былъ тяжело болѣнъ, не выходилъ почти вовсе изъ дому и слушалъ всѣ канцелярскія дѣла и подписывалъ ихъ у себя на дому. Лишь въ концѣ января 1763 года онъ настолько оправился, что могъ поѣхать въ Академію, где Тауберть встрѣтилъ его извѣстіемъ, что, по приказанію Президента (отъ 31 августа 1762 года), завѣдываніе Географическими Департаментомъ передано отъ Ломоносова исторіографу Миллеру, на томъ основаніи, что за нѣсколько лѣтъ въ этомъ Департаментѣ ничего не было сдѣлано. Можно себѣ представить, какъ это огорчило и разсердило Ломоносова; онъ немедленно подалъ Президенту отчетъ о всемъ, сдѣланномъ имъ по географической части, и отказался подчиниться ордеру, который «уже полгода просроченъ, къ явному засвидѣтельствованію, что онъ потребованъ хитростью для нѣкоторыхъ приватныхъ намѣреній». Вскорѣ затѣмъ онъ написалъ краткое показаніе о Географическомъ Департаментѣ, где были разоблачены всѣ интриги и злобное поведеніе Миллера, Тауберта и другихъ его недруговъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что ордеръ Президента не былъ приведенъ въ исполненіе.

10 марта 1763 года, когда Миллеръ дѣлалъ докладъ о замѣщепіи каѳедры ботаники, въ засѣданіе Конференціи вошелъ Ломоносовъ, прервалъ Миллера и потребовалъ разсмотрѣнія картъ адъюнкта Шмидта, нѣсколько лѣтъ тому назадъ переданныхъ въ Конференцію, но все еще не утвержденныхъ; въ порывѣ раздраженія онъ «произносилъ ругательства, что мошенническимъ образомъ дѣлу преполезному воспрепятствовано», послѣ чего Миллеръ вышелъ изъ засѣданія. З апрѣля у себя на дому (куда по болѣзни носили

ему канцелярскія бумаги для подписи) онъ неожиданно отказался подписывать постановленія, сдѣланныя по предложению Тауберта, и распорядился не дѣлать никакихъ денежныхъ выдачъ до приѣзда своего въ Канцелярію,—но черезъ нѣсколько дней безпрекословно подписалъ всѣ принесенные ему бумаги. Когда обо всемъ этомъ узналъ графъ Разумовскій, то въ своей бумагѣ въ Канцелярію написалъ: «господамъ членамъ рекомендуется впредь излишнѣе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь Академіи».

Въ іюлѣ 1762 года было сообщено Академіи высочайшее повелѣніе о составленіи, подъ руководствомъ Тауберта и Миллера, картъ тѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и товаровъ, которые производятся въ каждой мѣстности Россіи. Возмущенный тѣмъ, что такое порученіе дано помимо Географического Департамента, Ломоносовъ не побоялся написать на это повелѣніе примѣчанія, въ которыхъ доказывалъ неосуществимость его: всего потребуется до 1200 картъ, да еще ихъ надо будетъ каждый годъ передѣлывать: «самому миру не вмѣстити этихъ картъ», — и подалъ въ Сенатъ заявленіе, что такое предпріятіе помѣшаетъ ему окончить Россійскій атласъ. Тогда составленіе экономическихъ ландкартъ было поручено Ломоносову, и онъ сейчасъ же принялъся за собираніе необходимыхъ свѣдѣній, но смерть помѣшала ему осуществить это предпріятіе.

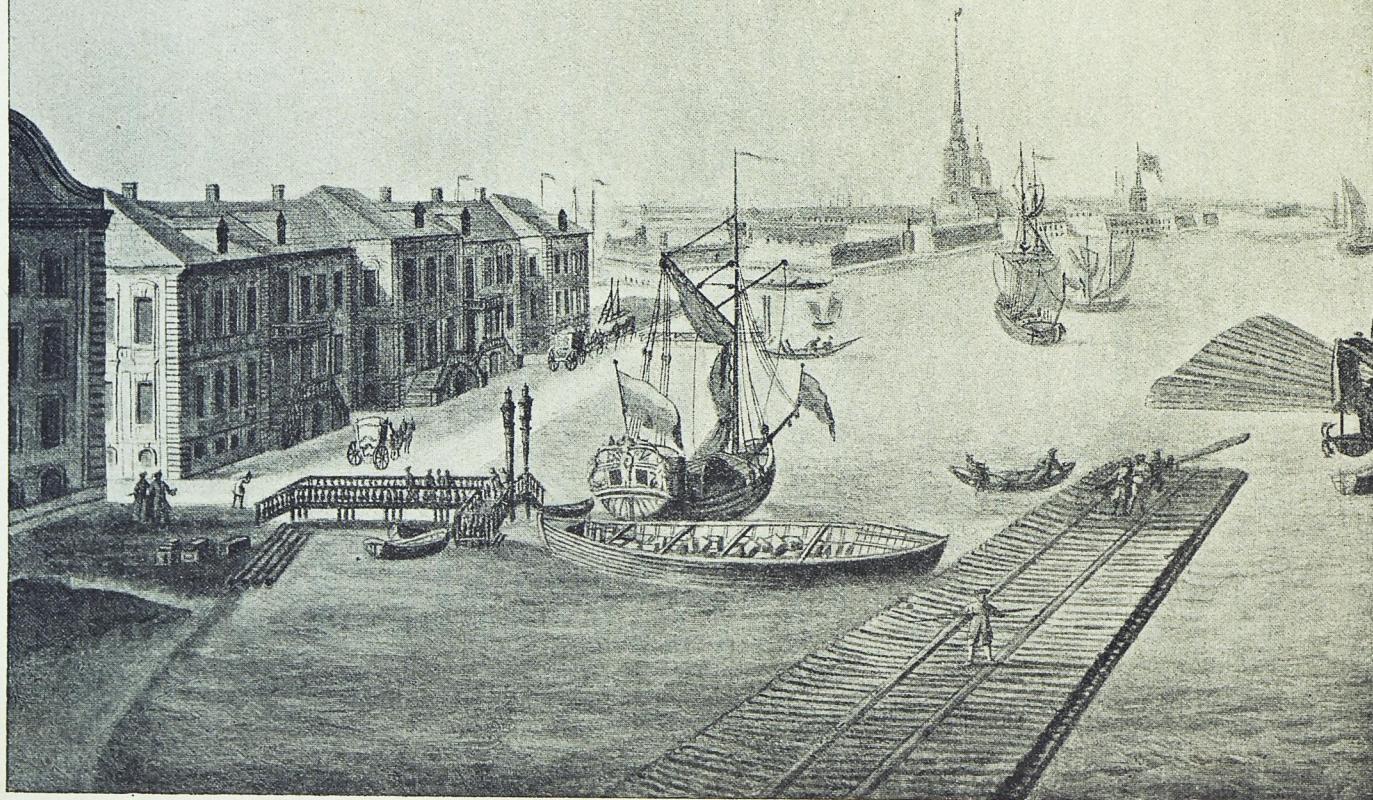

Кунсткамера: „Профиль Галеріи и первой залы съ куріозными вещми во второмъ апартаментѣ на востокѣ“. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданного въ 1737 году Академію Наукъ, л. X, гравироваль Ив. Соколовъ.

X.

Въ послѣдніе годы жизни Ломоносовъ, какъ мы видѣли, отдаєтъ себя не только научной, но и административной дѣятельности; химіей и физикой онъ уже почти совсѣмъ не занимается,—чувствуется какъ бы утомленіе отъ нихъ, вызванное, можетъ быть, и болѣзнью, все болѣе и болѣе дававшей себя знать. Въ то же время тѣ научные труды, которые относятся къ 1758—1764 годамъ, захватываютъ все новыя и новыя области знанія, и изъ всѣхъ нихъ только одинъ имѣетъ близкую связь съ его прежними изслѣдованіями: большая часть диссертаций представляетъ «Слова», произнесенные на торжественныхъ публичныхъ засѣданіяхъ Академіи.

6 сентября 1757 года Ломоносовъ произнесъ интересное «Слово о рожденіи металловъ отъ трясенія земли», написанное несомнѣнно подъ впечатлѣніемъ ужаснаго Лиссабонскаго землетрясенія 1755 года. Въ этой рѣчи онъ рассматриваетъ разнаго рода землетрясенія, какъ весьма опу-

Видъ Академіи Наукъ и Петропавловской крѣпости. Съ картины М. И. Махаева.

стошительныя, такъ и едва замѣтныя и даже нечувствительныя, которыя нынѣ, благодаря приборамъ, записывающимъ трясенія земли, оказываются весьма частыми; причиною землетрясеній онъ считаетъ химическія превращенія, какъ возгораніе сѣры, происходящія въ недрахъ земли. Отъ трясенія земли образуются разсѣпты, горы; на трещинахъ появляются вулканы, изъ которыхъ выливается жидкая расплавленная матерія. Затѣмъ перечисляются находимыя въ недрахъ земли ископаемыя, какъ сѣра, каменная соль, произшедшая отъ морской соли, каменный уголь, асфальтъ, каменное масло и т. д.

Руды, дающія металлы, находятся въ видѣ рудныхъ жиль, слоевъ въ горахъ, гнѣздовыхъ рудъ или на поверхности земли, какъ, напр., золотые розсыпи. Жилы образуются отъ трещинъ, оставшихся послѣ землетрясеній; по нимъ течетъ дождевая вода, растворившая составные части камней, и отлагаетъ въ трещинахъ руду, пока трещины эти пачѣло не заполнятся; новая землетрясенія, разрушающія жилу, даютъ начало гнѣздамъ и розсыпямъ. Далѣе Ломоносовъ приводитъ химическія соображенія, долженствующія объяснить рожденіе металловъ; ихъ можно здѣсь не приводить: онъ изложилъ ихъ, вѣроятно, для лучшаго пониманія слушателей, при помощи теоріи флогистона. Въ общемъ взгляды его на происхожденіе рудъ и на землетрясенія любопытны, такъ какъ близко подходятъ къ теперешнимъ ученіямъ.

Развитыя въ этомъ «Словарѣ» мысли, несомнѣнно, давно уже занимали Ломоносова. Еще въ 1742 году онъ написалъ большое сочиненіе, отпечатанное лишь въ 1763 году, именно — «Первые основанія металлургіи или рудныхъ

дѣль» съ двумя прибавленіями: «О вольномъ движеніи воздуха въ рудникахъ» и «О слояхъ земныхъ». Эта замѣчательная книга имѣетъ значеніе — съ одной стороны, какъ химическая книга, гдѣ, подобно переводу «Физики» Вольфа, ему приходилось создавать русскій научный языкъ; съ другой стороны здѣсь имѣется множество интересныхъ мыслей и гипотезъ по геологіи и минералогіи, приближающихъ къ теперешнимъ геологическимъ воззрѣніямъ и потому любопытныхъ. Минералогія вообще привлекала вниманіе Ломоносова, и онъ задумалъ, уже въ послѣдніе годы своей жизни, составить описание всѣхъ встрѣчающихся въ Россіи минераловъ. Съ этою цѣлью Академіей были, въ декабрѣ 1763 года, разосланы на заводы и фабрики приглашенія присыпать Ломоносову разныя руды и минералы съ описаніемъ мѣстъ, откуда они взяты; срокомъ присылки былъ назначенъ одинъ годъ, а печатаніе минералогіи должно было начаться въ январѣ 1765 года. Неизвѣстно, составилъ ли Ломоносовъ такую минералогію: среди рукописей его она не найдена.

Другую ученую рѣчь, произнесенную Ломоносовымъ 8 мая 1759 года, представляетъ обширное «Рассужденіе о большей точности морскаго пути», состоящее изъ трехъ частей: въ первой даны способы нахожденія широты и долготы при ясномъ, во второй — при пасмурномъ небѣ; въ третьей дано понятіе объ ученомъ мореплаванію. Всѣ три части богаты оригиналными мыслями; въ двухъ первыхъ описывается много новыхъ приборовъ, часть которыхъ впослѣдствіи была изобрѣтена другими; въ третьей Ломоносовъ доказываетъ, что для успѣшнаго развитія мореплаванія необходимо учредить мореплавательскую академію

для научной разработки вопросовъ морского дѣла, составить истинную магнитную теорію и сочинить теорію морскихъ теченій. Въ главѣ о предсказаніи погоды указано на необходимость учредить въ разныхъ частяхъ свѣта самопишиція метеорологическая обсерваторія. Замѣтимъ, что въ этомъ трудѣ, такъ же, какъ и въ своихъ химическихъ опытахъ, Ломоносовъ температуру даетъ всюду въ градусахъ своего термометра, у котораго 0° находился при температурѣ таянія льда, а 150° —при точкѣ кипѣнія воды, такъ что каждый градусъ термометра Ломоносова равенъ $\frac{2}{3}$ градуса Цельзія или $\frac{8}{15}$ градуса Реомюра. Всѣ мысли Ломоносова о морскомъ дѣлѣ были вскорѣ позабыты и даже русские моряки ими не воспользовались. Добавимъ, что Ломоносовъ изобрѣлъ вообще очень много приборовъ, по разнымъ наукамъ, но описаны изъ нихъ лишь немногіе, главнымъ образомъ—оптические, какъ: почезрительная труба для яснаго видѣнія предметовъ въ сумерки, труба для разсмотрянія лежащихъ на днѣ подъ водою предметовъ, катадиоптрическая труба и т. д.

Въ этомъ же сочиненіи затронутъ Ломоносовымъ и рядъ черезвычайно интересныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ силѣ тяжести,—вопросовъ, которыми онъ занимался урывками всю свою жизнь, особенно же въ 1758—1764 годахъ. Въ своемъ домѣ онъ устроилъ большой величины маятникъ, качанія котораго, какъ онъ пишетъ, «сдѣлали несомнѣнными измѣненія центра тяжести земли, такъ какъ измѣненія эти периодичны, приблизительно согласуются съ лунными движеніями: во всякое время года, при любомъ состояніи атмосферы, въ натопленной или холодной комнатѣ, до или послѣ полудня

всегда показываютъ однаковые періоды». Все это должно было быть изложено въ подробной диссертаци; но, если она и была написана, то не сохранилась.

Занятія морскимъ дѣломъ, вѣроятно, побудили Ломоносова составить и поднести, въ сентябрѣ 1763 года, девятымъ генералъ-адмиралу Великому Князю Павлу Петровичу «Краткое описание разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго проходу Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію». Это произведеніе понравилось при дворѣ, и юный генералъ-адмиралъ послалъ его въ Морскую Россійскихъ Флотовъ Коммиссію съ тѣмъ, что если въ немъ не сыщется невозможностей, то сообщить ему, для доклада Государынѣ. Коммиссіей были вызваны промышленники сѣверныхъ морей и, послѣ опроса ихъ, Ломоносовъ составилъ новую подробную программу экспедиціи, которая и была снаряжена по Высочайшему повелѣнію 14 мая 1764 года, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ломоносова. Послѣдній принялъ самое горячее участіе какъ въ заготовленіи припасовъ, такъ и въ научной подготовкѣ въ Академіи участниковъ экспедиціи, при чемъ опять не обошлось безъ многихъ столкновеній съ Румовскимъ и другими академиками. Самая экспедиція, подъ начальствомъ адмирала Чичагова, отправилась уже послѣ смерти Ломоносова, въ 1765 году, но изъ-за льдовъ ничего не могла сдѣлать; такъ же неудачна была экспедиція 1766 года, и только во второй половинѣ XIX столѣтія удалось вдоль береговъ Сибири пройти въ Тихій океанъ.

Въ близкой связи съ этой экспедиціей находится и другое произведеніе Ломоносова — именно его «Мысли о происхожденіи ледяныхъ горъ въ сѣверныхъ моряхъ», напи-

саннія въ 1763 году по случаю избранія его почетнымъ членомъ Стокгольмской Академіи. Онъ указываетъ, на основаніи своихъ опытовъ, что въ открытомъ морѣ на морозѣ можетъ образоваться только сало; ледяныя поля, или стамухи берутъ свое начало въ устьяхъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море, а ледяныя горы, или падуны облязаны своимъ происхожденіемъ крутымъ морскимъ берегамъ: мнѣнія, для того времени — замѣчательныя. Какъ известно, нынѣ доказано, что ледяныя горы образуются изъ льда ледниковъ, спускающихся въ сѣверныхъ странахъ до моря.

На публичномъ собраниі 6 сентября 1760 года было прочитано Ломоносовымъ еще одно разсужденіе — «О твердости и жидкости тѣлъ», возникшее по слѣдующему поводу, обратившему на себя вниманіе всего ученаго міра того времени: въ Петербургѣ, 25 декабря 1759 года, была впервые заморожена ртуть. Авторомъ этого открытия явился приятель Ломоносова, академикъ И. Браунъ, изслѣдовавший въ эту зиму, насколько можетъ опуститься температура снѣга, отъ смѣшиванія его съ разными веществами, въ такъ называемыхъ холодильныхъ смѣсяхъ.

25 декабря въ Петербургѣ морозъ былъ въ 199° (градусы термометра академика Делиля, распространеннаго тогда въ Россіи; по Цельзію это будетъ — $32\frac{2}{3}^{\circ}$); въ смѣси снѣга и крѣпкой водки ртуть замерзла, и Браунъ, разбивъ термометръ, получилъ шарикъ твердой ртути. 26 декабря опыты дѣлались вмѣстѣ съ Ломоносовымъ; морозъ становился все крѣпче и въ 10 часовъ утра достигъ 208° Делиля ($-38\frac{2}{3}^{\circ}$ Ц.), такъ что заморозить ртуть въ смѣси снѣга и крѣпкой водки было не трудно (температура плавленія

ртути лежитъ при — 39,6° П.); Ломоносовъ изслѣдовалъ свойства твердой ртути и нашелъ, что это мягкий металль, напоминающій свинецъ. Эти опыты потомъ вызвали очень горячіе споры между Ломоносовымъ и Брауномъ съ одной стороны и пѣкоторыми академиками съ другой, оспаривавшими у Брауна честь открытия твердой ртути. Это открытие и послужило темой для «Разсужденія о твердости и жидкости тѣлъ»: Ломоносовъ воспользовался имъ, чтобы опубликовать свои мысли о внутреннемъ строеніи твердыхъ и жидкіхъ тѣлъ, о которыхъ еще въ 1748 году писалъ Л. Эйлеру; здѣсь же, на русскомъ языкѣ, высказанъ и законъ сохраненія вещества и количества движенія (стр. 55), въ правильности котораго Ломоносовъ убѣдился на своихъ химическихъ опытахъ, особенно на сдѣланныхъ въ 1756 году (стр. 69). Самая же теорія сложенія тѣлъ изъ частичекъ врядъ ли имѣеть пынѣ значеніе, почему я ее и не привожу.

Въ этомъ же 1760 году вышло второе изданіе Ломоносовскаго перевода «Экспериментальной физики» Христіана Вольфа, съ прибавленіемъ, въ которомъ Ломоносовъ далъ сводку собственныхъ работъ по физикѣ.

26-е мая 1761 года съ петербургіемъ ожидалось астрономами нашей Академіи и всей Европы: въ этотъ день должно было произойти рѣдкое астрономическое явленіе (будетъ снова только въ 2004 году) — прохожденіе планеты Венеры черезъ дискъ солнца. Въ 1691 году англійскій астрономъ Галлей показалъ, что можно изъ этого прохожденія опредѣлить разстояніе между солнцемъ и землею; самъ Галлей не могъ этого сдѣлать — онъ умеръ еще въ 1742 году, 85 лѣтъ отъ роду, и теперь астрономы со-

бирались произвести это определение. Это явление вызвало отправку от Академии двухъ экспедицій въ Сибирь, но экспедиція, изъ-за плохой погоды 26 мая, солнца не видали, а въ Петербургѣ явление это прежде всего послужило поводомъ къ весьма ожесточеннымъ спорамъ и ссорамъ академиковъ, не обошедшися безъ участія Ломоносова. Оставляя въ сторонѣ подробности, скажу только, что академикъ Эпинусъ не могъ наблюдать этого явленія, такъ какъ, по указу Сената, наблюденіе въ академической обсерваторіи было передано русскимъ ученымъ Красильникову и Курганову.

Самъ Ломоносовъ наблюдалъ прохожденіе у себя дома; для Петербурга оно началось вскорѣ послѣ 4 часовъ утра и окончилось послѣ 10 часовъ утра. Десятки астрономовъ разныхъ странъ наблюдали это прохожденіе; все видѣли одно и то же, но только одинъ Ломоносовъ сдѣлалъ на основаніи своихъ наблюдений совершенно правильное заключеніе, что планета Венера окружена болышою газообразною атмосферою,—можеть быть болышею, чѣмъ земля. Хотя онъ и опубликовалъ это заключеніе («Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное въ С.-Петербургской Академіи Наукъ»), но, подобно всѣмъ его научнымъ открытиямъ, оно прошло незамѣченнымъ, и до сихъ поръ открытие атмосферы Венеры приписывается Шретеру и Гершелю, сдѣлавшимъ его черезъ 30 лѣтъ послѣ Ломоносова... Въ прибавлениі къ «Явлепію Венеры» онъ доказываетъ, что существованіе атмосферы Венеры и ученіе Коперника о движении земли вокругъ солнца не противорѣчатъ Священному Писанию и приводитъ небольшое стихотвореніе (тема кото-раго заимствована изъ сочиненій французскаго писателя и

физика XVII столѣтія Сирано де Бержерака) обѣ остроумномъ поварѣ, высказавшемся, по приглашенію хозяина, за систему Коперника:

Я правду докажу, на Солнцѣ не бывавъ:
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

Это прибавленіе, гдѣ Ломоносовъ считалъ необходимымъ указать, что ученіе о множествѣ міровъ не противорѣчитъ Св. Писанію и приводилъ въ подтвержденіе этого слова Василія Великаго, имѣетъ большой интересъ, какъ показатель его воззрѣній на отношенія между наукой и религіей. Въ 1757 году въ докладѣ Императрицы Елизаветѣ члены Синода просили издать указъ, «дабы никто отнюдь ничего писать и печатать какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными правами несогласномъ, подъ жесточайшемъ за преступленіе наказаніемъ, не отваживался». Это ходатайство было несомнѣнно направлено противъ Ломоносова, всегда открыто признававшаго возможность множества міровъ; суда надъ нимъ члены Синода требовали въ томъ же году, какъ мы видѣли, и по другому поводу (глава VII). У насъ не сохранилось свѣдѣній о томъ, какимъ образомъ Ломоносовъ отвратилъ отъ себя обвиненія духовенства; но уже самыи фактъ опубликованія въ 1761 году цѣлаго разсужденія въ защиту своихъ мнѣній показываетъ, что онъ сумѣлъ доказать правоту своихъ убѣждений.

Здѣсь же можно сообщить и о результатахъ тѣхъ историческихъ изысканій и занятій Ломоносова, о которыхъ я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ главъ. Первое исто-

рическое произведение его, а именно «Краткой российской лѣтописецъ съ родословiemъ», увидѣло свѣтъ въ 1760 году; въ немъ имѣется изложеніе главнѣйшихъ дѣяний великихъ князей и царей до Петра Великаго включительно. Первая же часть самой исторіи, подъ заглавиемъ: «Древняя Российская исторія отъ начала Российскаго народа до кончины великаго князя Ярослава первого или до 1054 года», появилась уже послѣ смерти Ломоносова—въ 1766 году. Въ тѣспной связи съ историческими запятіями Ломоносова стоитъ предложеніе его послать живописца для снятія копій съ фресокъ и изображеній царствовавшихъ лицъ въ древнихъ церквяхъ Россіи. Для этого были средства, было получено разрѣшеніе Синода для снятія копій въ церквяхъ, былъ найденъ и художникъ А. Грековъ; но — по рекомендациіи Тауберта—Грековъ былъ назначенъ преподавателемъ Великаго Князя Павла Петровича и не могъ уѣхать изъ Петербурга: такимъ образомъ, осуществленію замысла Ломоносова поставлено было препятствіе.

Что касается до литературныхъ работъ Ломоносова въ послѣдніе годы его жизни, то, кромѣ одѣ на разные торжественные случаи, онъ сочинилъ посвященную И. И. Шувалову героическую поэму «Петръ Великій», первая пѣснь которой появилась въ 1760, а вторая—въ 1761 году. Дѣятельности Ломоносова въ области филологіи и литературы будетъ посвящена слѣдующая глава, здѣсь же я скажу только о тѣхъ отношеніяхъ, весьма характерныхъ для XVIII вѣка, которыя существовали между Ломоносовымъ и другими поэтами того времени: А. П. Сумароковымъ и профессоромъ элоквенціи В. К. Тредьяковскимъ.

Съ А. П. Сумароковымъ Ломоносовъ былъ когда то другъ, но потомъ между ними произошелъ разрывъ, они стали врагами и старались дѣлать другъ другу всевозможныя непріятности. Сумароковъ помѣщалъ свои стихи въ журналѣ «Ежемѣсячныя Сочиненія», выпускавшемся Академіей

М. В. Ломоносовъ (съ гравированного портрета).

подъ редакціей историка Миллера. Съ 1759 года это изданіе прекратилось, и Сумароковъ сталъ издавать собственный журналъ «Трудолюбивая Пчела», печатавшійся въ академической типографіи. Ломоносовъ могъ поэтому вмѣшиваться въ дѣла этого журнала. Такъ, онъ не допустилъ,

при помоши Президента, печатанія въ немъ «вздорныхъ оды» Сумарокова,—смѣшныхъ пародій на Ломоносовскія оды. Само собою разумѣется, что Сумароковъ весьма обидѣлся на такое вмѣшательство и писалъ Шувалову, что «сочиненій миѣ никакихъ больше въ пародѣ пускать невозможнно, ибо Ломоносовъ останавливаетъ ихъ у меня..., чтобы я всему миру не открылъ его крайняго въ словесныхъ наукахъ небѣжества, крайній злодѣй; а его почти всѣ при Академіи боятся и противу воли угождаютъ».

И. И. Шуваловъ нерѣдко звалъ Ломоносова и Сумарокова къ себѣ и они обыкновенно спорили при немъ о критикѣ и о грамматикѣ русскаго языка, о преимуществахъ того или другого размѣра стиховъ и т. под. По словамъ Тредьяковскаго, чѣмъ больше Сумароковъ сердился, тѣмъ болѣе лзвилъ его Ломоносовъ, и если—какъ это нерѣдко случалось—оба ~~были~~ не совсѣмъ трезвы, Шуваловъ высыпалъ или обоихъ или чаще—Сумарокова. Если Ломоносовъ заносился въ своихъ жалобахъ, то Шуваловъ посыпалъ за Сумароковымъ и тѣмъ временемъ заводилъ рѣчъ о немъ; Сумароковъ, услышавъ, что Ломоносовъ здѣсь, или уходилъ, или, подслушавъ, вѣгалъ съ крикомъ: «Не вѣрьте ему, Ваше Превосходительство!». Все это, повидимому, доставляло Шувалову развлечепіе. Сохранилось письмо Ломоносова отъ 19 января 1761 года, писанное послѣ попытки Шувалова примирить ихъ: «Никто въ жизни меня больше не изобидѣлъ, какъ Ваше Высокопревосходительство. Призвали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ можетъ быть какое нибудь обрадованіе будетъ по моимъ справедливымъ прошептіямъ. Вдругъ слышу: Помирись съ Сумароковымъ! т. е. здѣлай смѣхъ и позоръ!... Я забываю всѣ его озло-

бленія и мстить не хочу никоимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злобнаго сердца. Только дружиться и обходиться съ нимъ никоимъ образомъ не могу, испытавъ черезъ многіе случаи, и знаю каково въ крапиву... Не хотя васъ оскорбить отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я вамъ послушаніе; только, васъ увѣряю, что въ послѣдней разъ...; съ такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу и не хочу; которой всѣ протчія знанія позорить, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякихъ страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у стола знатныхъ Господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у Самого Господа Бога, которой мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ... Ежели вамъ любезно распространеніе наукъ въ Россіи; ежели мое къ вамъ усердіе не исчезло въ памяти — постараитесь о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ для ~~пользы~~ отечества прошеній, а о примиреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣлочномъ дѣлѣ, позабудьте...»

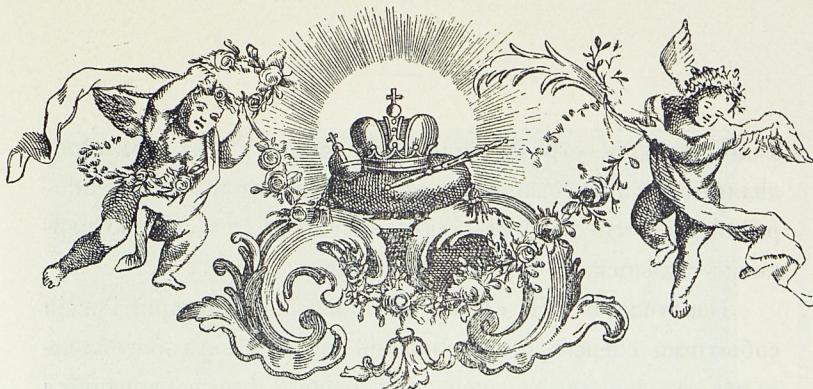
Академикъ Штелинъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ слѣдующее: «Камергеръ И. И. Шуваловъ пригласилъ однажды къ себѣ на обѣдъ по обыкновенію многихъ ученихъ и въ томъ числѣ Ломоносова и Сумарокова. Во второмъ часу всѣ гости собрались и, чтобы сѣсть за столъ, ждали мы только прибытия Ломоносова, который, не зная, что былъ приглашенъ и Сумароковъ, явился только около двухъ часовъ. Пройдя отъ дверей уже до половины комнаты и замѣтя вдругъ Сумарокова въ числѣ гостей, онъ тотчасъ оборотился и, не говоря ни слова, пошелъ назадъ къ двери, чтобы удалиться. Камергеръ закричалъ ему: «Куда, куда? Михайло Васильевичъ, мы сейчасъ сядемъ за

столъ и ждали только тебя!»—Домой, отвѣчалъ Ломоносовъ, держась уже за скобку растворенной двери.—«Зачѣмъ же?» возразилъ камергеръ, «вѣдь я просилъ тебя къ себѣ обѣдать.»—Затѣмъ, отвѣчалъ Ломоносовъ, что я не хочу обѣдать съ дураками. Тутъ онъ показалъ на Сумарокова и удалился».

Штелинъ-же передаетъ и такія подробности о поведеніи Сумарокова на похоронахъ Ломоносова: «Къ его величеству погребенію, на которомъ присутствовали С.-Петербургскій архиерей съ именитѣйшимъ духовенствомъ, нѣкоторые сенаторы и многіе другіе вельможи, явился и Сумароковъ... Присѣвъ къ статскому совѣтнику Штелину, бывшему въ числѣ провожатыхъ, указалъ онъ на покойника, лежавшаго въ гробу, и сказалъ: «Угомонился дуракъ и не можетъ болѣе шумѣть». Штелинъ отвѣчалъ ему: «Не совѣтовалъ бы я вамъ сказать ему это при жизни». Ломоносовъ нагналъ на него такой страхъ, что Сумароковъ не смѣлъ разинуть рта въ его присутствіи».

Съ другимъ поэтомъ того времени, профессоромъ краснорѣчія В. К. Тредьяковскимъ, у Ломоносова установились непріязненные отношения еще съ 1740 года, изъ-за написанныхъ Ломоносовымъ во Фрейбергѣ правилъ россійского стихотворства съ критикою мнѣній Тредьяковскаго, и оставались таковыми до увольненія послѣдняго изъ Академіи (1759). Предметы споровъ и раздоровъ между ними были самые разнообразные: такъ, напр., въ 1746 году въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій Конференціи шелъ споръ обѣ окончаніи въ именительномъ падежѣ множественнаго числа именъ прилагательныхъ мужскаго рода: Тредьяковскій считалъ правильнымъ окончаніе на *и*, а Ломоносовъ — то,

которое принято и теперь, т. е. на *e*. Какъ п съ Сумароковымъ, Ломоносовъ часто обмѣнивался съ Тредьяковскимъ эпиграммами и сатирами, нерѣдко весьма грубыми.

Заставка изъ „Собрания разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ Ломоносова,
кн. I. М. 1757.

XI.

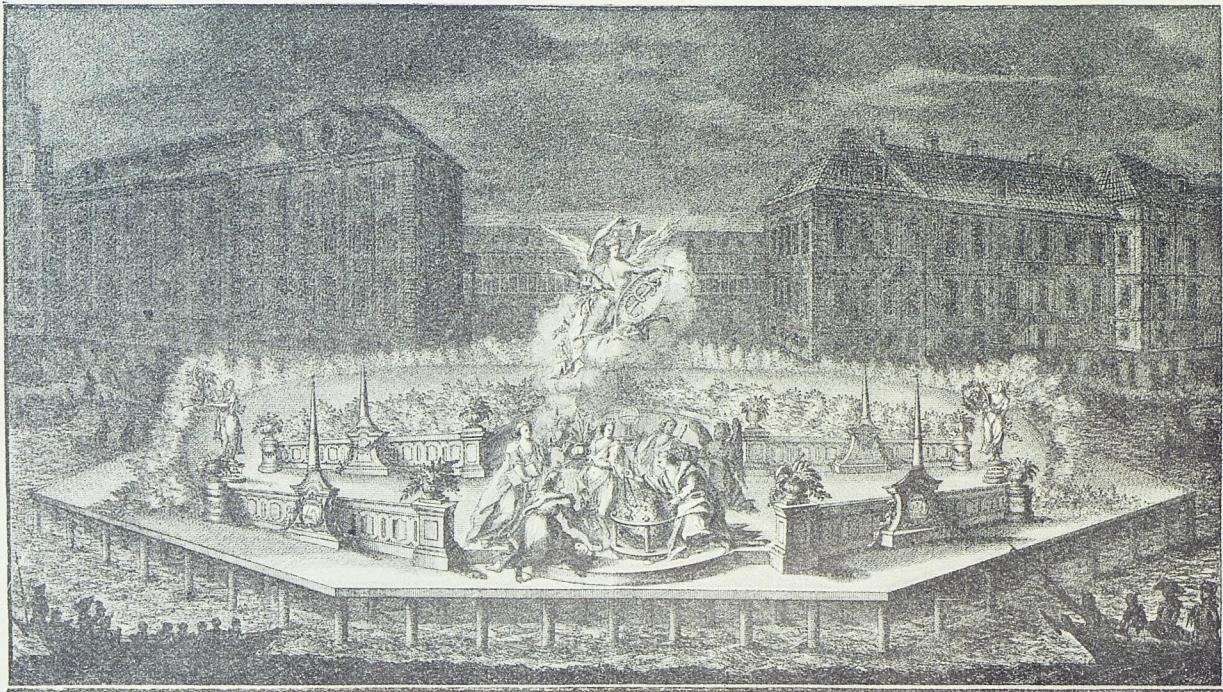
Для того, чтобы было ясно, что сдѣлалъ Ломоносовъ для русской филологии, нельзя не напомнить здѣсь, хоть въ немногихъ словахъ, исторію развитія русскаго языка.

Какъ известно, письменность пришла къ намъ въ концѣ X или въ началѣ XI вѣка въ видѣ Евангелія и другихъ священныхъ книгъ на церковно-славянскомъ языкѣ—языкѣ, понятномъ пароду, но не родномъ ему, такъ какъ разговорный, национальный русскій языкъ отличался отъ него и въ то отдаленное время словами, оборотами, грамматическими формами. Этотъ разговорный русскій языкъ съ теченiemъ времени проникаетъ также и въ письменность: мы находимъ его въ Русской Правдѣ, Словѣ о Полку Игоревѣ, въ граматахъ и Уложеніи, въ лѣтописяхъ, въ повѣсти о Горѣ-Злосчастіи и въ другихъ памятникахъ русской литературы; постепенно онъ развивается (отчасти подъ вліяніемъ церковно-славянскаго), его формы совершенствуются, онъ обогащается новыми словами и оборотами рѣчи. Языкъ церковно-славянский остается болѣе неподвижнымъ, но

мало по малу утрачиваетъ свою чистоту: въ немъ появляются заимствованныя изъ русскаго языка слова, обороты, такъ что къ XVII вѣку онъ становится смѣсью церковно-славянскаго и русскаго языковъ.

Наступаетъ XVII вѣкъ, столь богатый въ исторіи Россіи событиями и переворотами. Бывшій до сихъ поръ обособленнымъ отъ западно-европейскихъ вліяній (но подвергшійся въ историческомъ развитіи письменности, съ самаго ея начала, вліянію языка греческаго), русскій языкъ начинаетъ теперь, особенно въ Смутное время, наполняться иностранными, главнымъ образомъ польскими и латинскими словами и оборотами. Въ эпоху преобразованій борьба со старымъ строемъ отзывается чрезвычайно рѣзко и на русскомъ языкѣ: онъ переполняется варваризмами, представляя нерѣдко пеструю смѣсь древнихъ русскихъ словъ, церковно-славянскихъ, многихъ иностранныхъ словъ; отсутствіе правилъ правописанія, полная произвольность оборотовъ дѣлаютъ его часто уродливымъ... Таково состояніе русскаго языка въ первой четверти XVIII столѣтія *).

*) Приведу образчикъ языка изъ сочиненія Феофана Прокоповича «Исторія Императора Петра Великаго»; вотъ описание Полтавского боя: «И тако о девятомъ часу предъ полуночью генеральная бatalia началась: зѣло жестокій огонь былъ, и обѣ стороны противъ себя крѣпко дѣйствовали; и какъ спачала видѣлось надѣяться было долгаго и сомнительнаго бою, но надчаяніе не долгій былъ; долѣ бо дву часовъ не продолжился: скоро Шведы хребеть обратили и строй свой помѣшили. А Россіяне жестоко наступая баionетами, шпагами и пиками кололи ихъ, такъ что войско непріятельское ни единожды по томъ не остановилось, и даже до западнаго лѣсу (который былъ сзади) гнато ибито... Многихъ же избѣгшихъ гонила кавалерія больше полуторы мили, покамѣсть лошади не устали; и толь много въ опомъ бѣдствіи и гоненіи пропало непріятеля, что на всѣхъ, и лѣсахъ отъ Полтавы въ циркумференціи мили на три и болѣе, мертвыхъ тѣлеса шведскія обрѣтались... И се оная есть славная викторія Полтавская, которая и иныхъ многихъ скоро по ея бывшихъ викторій матерь наречнися можетъ...».

Изображеніе „Иллюминації Санктпетербургской Академіи Наукъ, Сентября 6 дня 1750 года представленной. Благополучіе
сыплетъ на свободныя Науки цветы и плоды и показываетъ упражняющимся въ оныхъ новой путь къ ревностному обѣ
нихъ старанію, при чемъ оно ихъ защищаетъ щитомъ имени Ея Императорскаго Величества“. На заднемъ планѣ
видны зданія Академіи и Таможенныя гостиный дворъ. Съ гравюры Ивана Соколова.

Нѣкоторые писатели этого времени, какъ Кантемиръ и Тредьяковскій, дѣлали попытки опредѣлить взаимоотношеніе въ языкахъ различныхъ образующихъ его стихій и выработать новый, болѣе чистый русскій литературный языкъ, но опыты ихъ не имѣли успѣха. Не много принесло пользы и учрежденное при Академіи Наукъ Россійское Собрание (1735), цѣлью которого было, между прочимъ, «радѣть о совершенствѣ, чистотѣ и красотѣ русскаго языка». Для того, чтобы создать письменный русскій языкъ, сдѣлать его пригоднымъ для выраженія всевозможныхъ мыслей, требовался геній... Этимъ геніемъ и является Ломоносовъ.

Я уже упомянулъ, что въ 1739 году онъ прислалъ въ Академію оду на взятіе Хотина, написанную тоническимъ размѣромъ: эту оду можно считать первымъ произведеніемъ, написаннымъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Чтобы показать, насколько отличался языкъ ея отъ современного языка, приведу нѣсколько стиховъ изъ оды Тредьяковскаго о здачѣ Гданска (1734):

Воспѣваи же лира пѣснь сладку
Анну то есть благополучну
Къ вящшему всѣхъ враговъ упадку
Къ нещастію въ вѣки тѣмъ скучну...
Гордый огнемъ Гданскъ и желѣзомъ
Купно всинами повсюду
Ужъ машины ставитъ разрѣзомъ
Въ Россахъ на роскатахъ впѣ уду;
И что богатъ многимъ припасомъ
Виватъ Станіславъ кричитъ гласомъ...

А вотъ для сравненія 27-я строфа оды Ломоносова:

Пастухъ стада гоняетъ въ лугъ,
И лѣсомъ безъ болзни ходитъ;
Пришедъ, овецъ пасеть гдѣ другъ,
Съ нимъ пѣсню новую заводитъ.
Салдатску храбрость хвалитъ въ ней,
И жизни часть блажитъ своей,
И вѣчно тишины желаетъ
Мѣстамъ, гдѣ толь спокойно спить;
И Ту, что отъ враговъ хранитъ,
Простымъ усердьемъ прославляетъ.

Тяжелый и непонятный языкъ Тредьяковскаго смѣнился у Ломоносова несравненно болѣе легкимъ и яснымъ.

Путь, которымъ шелъ Ломоносовъ въ преобразованіи литературного языка, представляется въ главныхъ чертахъ въ такомъ видѣ. Онъ прежде всего опредѣлилъ взаимныя отношенія русскаго и церковно-славянскаго языковъ и строго разграничили и тотъ, и другой; затѣмъ онъ старался освободить русскій языкъ отъ накопившихся въ немъ варваризмовъ и иностранныхъ словъ, обогативъ его новыми словами изъ лексического матеріала, предоставленнаго органическимъ процессомъ жизни языка роднаго. Неологизмы его были словами, вполнѣ понятными для русскаго, совершенно соотвѣтствующими духу и всему складу нашего национальнаго языка: поэтому русскій языкъ отъ нихъ не терялъ своего облика, но становился богаче и красивѣе. Самъ Ломоносовъ вполнѣ это понималъ и писалъ еще въ 1739 году: «Я не могу довольно о томъ нарадоваться, что россійскій нашъ языкъ не токмо бодростю и героическими

звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную онъ имѣть, а себѣ купилъ природную и свойственную версификацію имѣть можетъ». Въ то же время онъ никогда не стремился вполнѣ изгнать изъ языка все иностранное; онъ не колебался употреблять иностранныя слова, если не было соотвѣтствующихъ славянскихъ словъ, и оставлялъ чужестранныя выраженія, къ которымъ всѣ успѣли уже привыкнуть. Это относится особенно къ русскому научному языку, начало котораго, какъ я уже говорилъ выше, положено имъ же.

Ломоносовъ впослѣдствіи изложилъ подробнѣ, въ статьѣ «О пользѣ книгъ церковныхъ въ Россійскомъ языке» (напечатана въ 1757 году) свои мысли и взгляды на взаимоотношенія русскаго и церковно-славянскаго языковъ. Онъ видѣтъ въ послѣднемъ какъ бы основаніе для языка русскаго—какъ въ смыслѣ источника для пополненія его новыми словами, такъ и въ качествѣ основы грамматическихъ правилъ; по его мнѣнію, только тотъ можетъ правильно писать по-русски, кто тщательно изучалъ церковно-славянскія книги. Лишь черезъ близкое знакомство съ ними можно научиться отличать слова подлые, пизкія, т. е. разговорныя, обыденныя, составляющія главный матеріалъ русскаго языка,—отъ словъ высокихъ, общихъ русскому и славянскому языкамъ, и славянскихъ словъ, понятыхъ русскимъ.

Эти слова обусловливаютъ дѣленіе слога на три штиля: высокій, составляемый изъ реченій славяно-рussiйскихъ и славянскихъ, понятныхъ русскимъ; средній—главнымъ образомъ изъ русскихъ реченій, къ которымъ можно присоединять и славянскія, по соображенію съ предметомъ

рѣчи и съ тѣмъ, чтобы слогъ не казался надутымъ; низкій—изъ чисто-русскихъ словъ, коихъ нѣтъ въ книгахъ церковныхъ. Такимъ путемъ «отвратятся дикія и странния слова нелѣпости, входящія къ памъ изъ чужихъ языковъ... и Россійской языку въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку неподверженъ утвердится, коль долго церковь Россійская славословеніемъ Божіимъ на Славенскомъ языкѣ укращаться будетъ».

Подобныя разсужденія, скорѣе теоретического характера, можетъ быть и не обратили бы на себя должнаго вниманія, если бы самъ Ломоносовъ въ теченіе всей своей жизни не показывалъ, какъ примѣнять ихъ на дѣлѣ. Въ его сочиненіяхъ можно найти образцы всѣхъ штилей: въ рѣчахъ похвальныхъ мы видимъ штиль высокій; среднимъ штилемъ написаны многія рѣчи и статьи научнаго характера; наконецъ, низкій штиль виденъ въ его письмахъ, изъ которыхъ одно приведено у меня въ главѣ шестой, другое—въ послѣдней. Въ настоящее время его «высокій штиль», отчасти и средній, кажутся напыщенными и неестественными *), а, наоборотъ, отличается силою и выразительностью именно его «низкій штиль».

Ломоносовъ далъ также столь необходимыя для всякаго письменнаго языка правила русскаго правописанія и грамматики въ своей «Россійской Грамматикѣ» (1755 г.; см. главу VIII); отъ этого прообраза по существу немногого чѣмъ отличаются нынѣшнія грамматики русскаго языка. Такимъ

*) Ломоносовъ преувеличивалъ значеніе церковно-славянскаго языка для русскаго; глубокое поиманіе русской рѣчи удержкало его самого отъ односторонности, но некоторые последователи его стали слишкомъ злоупотреблять церковно-славянскимъ языками и оттого языкъ хуже Ломоносовскаго.

образомъ, можно сказать, что Ломоносовъ далъ русскому языку самобытное мѣсто, доставилъ ему права гражданства въ ряду другихъ письменныхъ языковъ. Эта заслуга Ломоносова передъ всѣмъ русскимъ народомъ является неопѣнной, и мы всѣ и теперь продолжаемъ пользоваться плодами его трудовъ.

На работахъ Ломоносова по теоріи прозы и поэзіи можно подробно не останавливаться: его «Реторика»,—первая на русскомъ языкѣ,—не вполнѣ самостоятельное сочиненіе и имѣла главнымъ образомъ значеніе по многочисленнымъ примѣрамъ, на которыхъ учащіеся могли видѣть красоту и силу русского языка. Что же касается до теоріи поэзіи, то Ломоносовъ написалъ собственно лишь правила версификаціи въ своемъ письмѣ «О правилахъ Россійского стихотворства», о которомъ я уже говорилъ (глава II), и которое содержитъ многочисленныя поправки къ «Способу сложенія россійскихъ стиховъ» В. К. Тредьяковскаго. Ломоносовскія поправки вытекаютъ изъ духа самого языка и *всѣ* приняты въ русской литературѣ, но, конечно, не вслѣдствіе этого письма, впервые появившагося въ печати только въ 1778 году, а на основаніи тѣхъ многочисленныхъ стихотворныхъ примѣровъ, которые онъ далъ.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ Ломоносова языкъ гораздо свободнѣе, изящнѣе, совершилъ, чѣмъ въ похвальныхъ словахъ и разсужденіяхъ, и въ стихѣ его уже ясно проявляется музыкальная сторона русского слова; нечего и говорить, что до него музыкального русского стиха не существовало. Многія изъ его произведеній нынѣ представляются напыщенными и написанными безъ поэтическаго вдохновенія; но въ то время, по сравненію съ тяжелыми

стихами Тредьяковского, они, конечно, являлись для современниковъ весьма замѣчательными.

Ломоносовъ несомнѣнно былъ въ душѣ поэтомъ, какъ это видно по многочисленнымъ, истинно поэтическимъ мѣстамъ его стихотвореній, и если его похвальныя оды нерѣдко кажутся лишенными поэтическихъ достоинствъ, то необходимо принять во вниманіе тѣ искусственные условія, которымъ они должны были удовлетворять, и тѣ отношенія (затронутыя въ предыдущей главѣ), въ которыхъ находились поэты того времени къ своимъ покровителямъ. Не входя здѣсь въ разборъ стиховъ Ломоносова, имѣющійся въ любомъ учебникѣ, я позволю себѣ остановиться лишь на двухъ обстоятельствахъ, обыкновенно недостаточно освѣщаемыхъ, но важныхъ для правильной оцѣнки его произведеній.

Какъ мы могли убѣдиться, Ломоносовъ былъ прежде всего ученый, любившій и изучавшій природу, съ болѣшею охотою занимавшійся естественными, чѣмъ словесными науками: это обстоятельство наложило отпечатокъ на мнѣнія его произведенія, въ которыхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ указываетъ на пользу наукъ, на необходимость самаго широкаго просвѣщенія обществу, считавшему научныя занятія лишь пустымъ времяпровожденіемъ. Всѣмъ извѣстно, конечно, прекрасное мѣсто оды Ломоносова на день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны (1747), посвященное надеждѣ отечества—юношеству: «О вы, которыхъ ожидаетъ Отечество отъ нѣдра своихъ»... Въ одѣ на монаршую милость, оказанную въ Царскомъ Селѣ (1750), находятся слѣдующія, посвященные наукамъ слова:

О вы щастливыя науки!
 Прилѣжны простирайте руки
 И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣсть.
 Пройдите землю и пучину
 И степи и глубокій лѣсь...
 Вездѣ исслѣдуйте всечасно,
 Что есть велико и прекрасно,
 Чего еще не видѣлъ свѣтъ;
 Трудами вѣки удивите,
 И сколько можетъ, покажите
 Щедротою Елисаветъ...
 Въ земное нѣдро ты Химія
 Проникни взора остротой,
 И что содержитъ въ немъ Россія
 Драги сокровища открой...
 Наука легкихъ метеоровъ
 Премѣны неба предвѣшай,
 И бурный шумъ воздушныхъ споровъ
 Чрезъ вѣрны знаки предъявляй.

А вотъ какъ Ломоносовъ представлялъ себѣ картину студентовъ, стремящихся въ Петербургъ, въ Университетъ:

Возлѣдуютъ и намъ въ ученіяхъ успѣхи,
 И славной слухъ, когда Твой Университетъ
 О имени Твоемъ подъ солнцемъ процвѣтеть,
 Тобою данными красуясь вѣчно правы
 Для истинной красы Россійскія державы.
 И юношество къ намъ отсюду притекутъ,
 Къ наукамъ прилагать въ Петровъ градѣ трудъ.

(Просительные стихи къ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 1761 года).

Затѣмъ, какъ доказывается всею дѣятельностью Ломоносова, онъ чувствовалъ въ себѣ неудержимое стремленіе къ широкой общественной дѣятельности, направленной на благо и на пользу всего русскаго народа. По условіямъ времени онъ не могъ прямо высказывать всѣ свои мысли и взгляды,—и мы зачастую находимъ ихъ въ одахъ, где онъ могъ опредѣленно выставлять свои завѣтныя мечты, могъ указывать правителямъ (заранѣе признавая ихъ обладающими тѣми качествами, которыя онъ хотѣлъ въ нихъ видѣть) идеалы, къ которымъ они должны были стремиться, чтобы осчастливить свой народъ. Эти идеалы Ломоносова—какъ то: милостивое правосудіе для всѣхъ, отмѣна смертной казни, широкое распространеніе просвѣщенія и т. д. показываютъ слѣдующія выписки.

Сie глаголетъ вамъ Господь:...

Храните праведны заслуги,
И милуйте сиротъ и вдовъ;
Сердцамъ нелживымъ будьте други
И бѣднымъ истинныій покровъ;
Присягу сохраняйте вѣрно
Пріязнь къ другимъ нелицемѣрно;
Отверзите просящимъ дверь;
Давайте страждущимъ отраду
Трудамъ законную награду,
Взирайте на Петрову Дщерь.

(На день рожденія Императрицы Елизаветы Петровны, 1757 г.).

Услышьте Суді земные
 И всѣ державные главы:
 Законы нарушать святые
 Отъ буйности блудитесь вы,
 И подданныхъ не презираите,
 Но ихъ пороки исправляйте
 Ученьемъ, милостью, трудомъ.
 Вмѣстите съ правдою щедроту,
 Народну соблюдайте льготу;
 То Богъ благословитъ вашъ домъ.
 О коль велико, какъ прославяты
 Монарха вѣрные рабы!
 О коль опасно какъ оставятъ,
 Отъ тѣсноты своей, въ скорби!
 Внимайте нашему примѣру,
 Любите ихъ, любите вѣру.
 Она свирѣпости узда,
 Сердца народовъ сопрягаетъ
 И вамъ ихъ вѣро покоряетъ
 Твердѣе всякаго щита.

(На день восшествія на престолъ Императрицы
 Екатерины Второй, 28 июня 1762 г.).

...Богиня говоритъ:
 «На Отческой престолъ вхожу
 Спасти отъ злобы утѣсненныхъ,
 И щедрой властью покажу
 Свой Родъ, умножу просвѣщенныхъ.
 Моей державы кротка мочь
 Отвергнетъ смертной казни ночь;
 Владѣть хочу зефира тише;

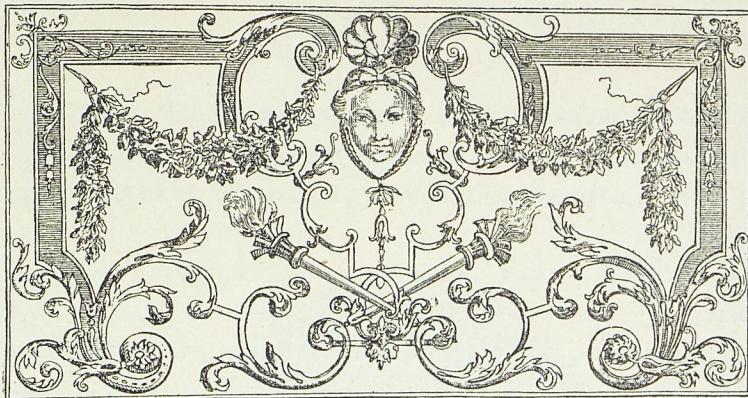
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная Мнѣ свыше
Въ устахъ прощенье, въ сердцѣ—Богъ».

(На день восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, 1761 г.).

Подвижники говорятъ сродникамъ:

Мы смерть пріяли за Богиню,
Что мертвымъ отдаєтъ животъ,
Отъ казни винныхъ свобождая,
Щедротой бѣдныхъ воскрешая,
И духъ вливалъ тѣмъ въ народъ.

(На день тезоименитства Императрицы Елизаветы Петровны, 1739 г.).

XII.

Годы шли, но не приносили Ломоносову того спокойствия, на которое онъ безусловно имѣлъ право разсчитывать послѣ своей долгой и славной дѣятельности. Съ одной стороны, на послѣдніе годы его жизни падаетъ главная работа мозаической мастерской, несомнѣнно причинявшей ему не мало заботъ и огорченій; картины стоили гораздо дороже, чѣмъ предполагалъ Ломоносовъ: ему приходилось дѣлать долги и задерживать уплату жалованія рабочимъ; съ другой — болѣзнь, почти безпрерывно мучившая его, и разныя обстоятельства, о которыхъ будетъ рѣчь въ этой главѣ, постоянно волновали Ломоносова и нерѣдко выводили его изъ себя.

Обзоръ послѣднихъ лѣтъ жизни Ломоносова начнемъ съ замѣчательнаго письма его къ И. И. Шувалову въ день рожденія послѣдняго, 1 ноября 1761 года. Это произведеніе, показывающее удивительную разносторонность генія Ломоносова, полно глубокихъ мыслей, имѣетъ и нынѣ

большое, можно сказать общегосударственное значение и озаглавлено: «О размножении и сохранении Российского народа». Я позволю себе поэтому несколько остановиться на немъ.

Основная цѣль Ломоносова, преслѣдуемая въ этомъ письмѣ, — благо русского народа, желаніе указать пути для достижения его счастья. Предлагаемыя для этого мѣры «не будутъ ничѣмъ народу отяготительны, но будутъ служить къ безопасности и успокоенію народному»; ихъ можно дѣйствительно назвать гуманными и рациональными; нѣкоторые изъ нихъ были осуществлены въ XVIII вѣкѣ, нѣкоторые — въ XIX, а иные такъ и остались безъ осуществления.

Мѣропріятія къ увеличенію народонаселенія касаются какъ измѣненій въ узаконеніяхъ о бракахъ и воспитаніи виѣбрачныхъ дѣтей въ правительственныйыхъ «богадѣльныхъ домахъ», такъ и уменьшенія смертности малыхъ дѣтей. Надо, прежде всего, крестить ихъ всегда въ теплой водѣ; попы исполняютъ предписаніе Требника, чтобы вода была натуральная, безъ примѣсей, «и вмѣняютъ теплоту за примѣшанную матерію, а не думаютъ того, что лѣтомъ сами же крестятъ теплою водою, по ихъ мнѣнію смѣшанною, и такъ сами себѣ прекословятъ; а особливо по своему недомыслию не знаютъ, что и въ самой холодной водѣ еще теплоты очень много... Однако, невѣждамъ попамъ физику толковать нѣтъ нужды; довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою, лѣтней въ разсужденіи теплоты равно». Затѣмъ надо размножить докторовъ и аптеки, издать общедоступный лечебникъ (вродѣ наставлений медика Гофмана, «по которымъ я дочь свою однажды

Императрица Елизавета Петровна.

Съ мозаики мастерской Ломоносова.

отъ смерти избавиль»); уничтожить излишества въ пищѣ и питьѣ по праздникамъ: «готовясь къ воздержанію Великаго Поста по всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времені не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны то доказываютъ ясно. Разговѣніе тому жъ подобно»; искоренять случаи насильственной смерти, дракъ, разбоевъ, раскола—просвѣщеніемъ; возвратить бѣглыхъ въ Россію. Эти темы затронуты и развиты Ломоносовымъ со всѣмъ присущимъ ему глубокимъ знаніемъ русскаго народа, со всею убѣжденностью въ правильности своихъ взглядовъ, высказанныхъ совершенно откровенно.

Черезъ нѣсколько дній послѣ этого письма Ломоносовъ написалъ оду Елизаветѣ Петровнѣ ко дню ея восшествія на престолъ, а 25 декабря Императрица скончалась. Это событие дало поводъ Ломоносову сочинить трогательную надпись, проникнутую искреннимъ чувствомъ и показывающую его отношенія къ покойной Государынѣ въ словахъ: «Моя избавительница, защитница, просвѣтительница, слава моя, вознесшая главу мою, въ гробъ низходитъ». На престолъ вступилъ Императоръ Петръ III Федоровичъ, и черезъ недѣлю Ломоносовъ уже написалъ по этому случаю оду. Положеніе его не измѣнилось, такъ какъ его покровители—И. И. Шуваловъ и графъ М. Л. Воронцовъ имѣли по прежнему большое влияніе при дворѣ.

Почти весь 1762-й годъ Ломоносовъ проболѣлъ; онъ жаловался на ломоту въ ногахъ и на раны; его недруги считали эту болѣзнь послѣдствиемъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ; изъ-за болѣзни онъ мало что могъ дѣлать; со-

хранилось лишь начало статьи его о великомъ морозѣ, случившемся въ апрѣль 1762 года, где онъ хотѣлъ на этомъ примѣрѣ подробно развить свою теорію погруженія верхней холодной атмосферы въ нижнюю. 30 июня должно было состояться публичное засѣданіе Академіи, и Ломоносовъ приготовилъ къ нему и отпечаталъ рѣчъ о катадіоптрической трубѣ; но за два дня до этого произошелъ государственный переворотъ: на престолъ вступила Императрица Екатерина II,—и академическое засѣданіе не состоялось. Воспешствіе на престолъ новой Императрицы конечно было отмѣчено Ломоносовымъ одой, но ода эта осталась незамѣченной при дворѣ и на него въ началѣ царствованія не обращали вниманія: всѣ его покровители были въ немилости, и графъ М. Л. Воронцовъ и И. И. Шуваловъ должны были удалиться за границу. Щедрая раздача наградъ и производствъ не коснулась Ломоносова, и онъ не получилъ никакого повышенія, въ то время, какъ даже служащіе Академіи, напр., Таубертъ, получили чины.

Такое отношеніе къ Ломоносову очень обидѣло его, и онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе, изъ котораго приведу слѣдующія выдержки: «1) по свидѣтельству разныхъ Академій и великихъ людей принесъ я науками знатную славу отечеству во всемъ ученомъ свѣтѣ... и таковыми ученіемъ, одами, публичными рѣчами и диссертациями пользовалъ и украшалъ я вашу Академію передъ всѣмъ свѣтомъ 20 лѣтъ; 2) по природномъ языкѣ разнаго рода моими сочиненіями... стиль россійской въ минувшіе 20 лѣтъ несравненно вычистился передъ прежнимъ и много спосбнѣе сталъ къ выраженіямъ идей трудныхъ...; 3) присутствуя въ Канцеляріи Академіи Наукъ членомъ полпеста

года безъ повышенія чина и безъ прибавки жалованія,— что, однако, моимъ товарищамъ учинено было,— отправляль я должностъ мою по положеннымъ на меня департаментамъ со всякимъ раченіемъ...; 4) помянутою мою ревностною и вѣрною службою и многими трудами пришло мое здоровье въ великую слабость, и частой ломъ въ ногахъ и раны не допускаютъ меня больше къ исправленію должности, такъ что прошлой зимы и весны лежаль я 12 недѣль въ смертной постель и нынѣ тяжко болѣнъ; 5) не взирая на мои вышепомянутые труды и ревностную и беспорочную службу для приращенія наукъ въ отечествѣ, близъ двѣнадцати лѣтъ въ одномъ чину, оставленъ я, нижайший, произвожденіемъ и обойденъ многими меня молодшими въ статскихъ чинахъ, которымъ при семъ реестръ сообщается, и тѣмъ приведенъ въ великое уныніе, которое болѣзнь мою сильно умножаетъ. И дабы... благоволено было... меня для вышепомянутой болѣзни уволить отъ службы... вовсе; а за понесенные мною сверхъ моей профессіи труды и для того, что я многократно многими въ произвожденіи молодшими безъ всякой моей прослуги обойденъ, наградить меня произведеніемъ въ статскіе дѣйствительные совѣтники, съ ежегодною пенсіею по тысячи по осьмисотъ рублей по мою смерть изъ Статской Контторы...».

Это прошеніе было въ іюль 1762 года представлено графу Г. Г. Орлову, принявшему его благосклонно, но не имѣло дѣйствія. Почти черезъ годъ, въ маѣ 1763 года, былъ данъ именной указъ Сенату о пожалованіи Ломоносова только статскимъ совѣтникомъ и обѣ отставкѣ его отъ службы съ половиннымъ по смерть содержаніемъ. Ломоно-

совъ узналъ объ этомъ 15 мая (дворъ и Сенатъ находились тогда въ Москвѣ) и немедленно уѣхалъ въ свое помѣстье; Таубертъ и Миллеръ ликовали, но радость ихъ была преждевременной: 13 мая въ Сенатѣ была получена записка Государыни:

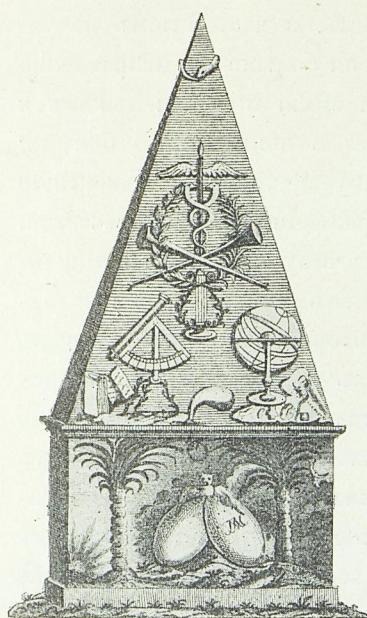
«есть ли указъ о Ломоносова отставки еще не посланъ изъ Сената въ Питербурхъ, то сей часъ его ко мнѣ обратно прислать». Указъ былъ возвращенъ, — и Ломоносовъ вскорѣ вернулся въ Петербургъ.

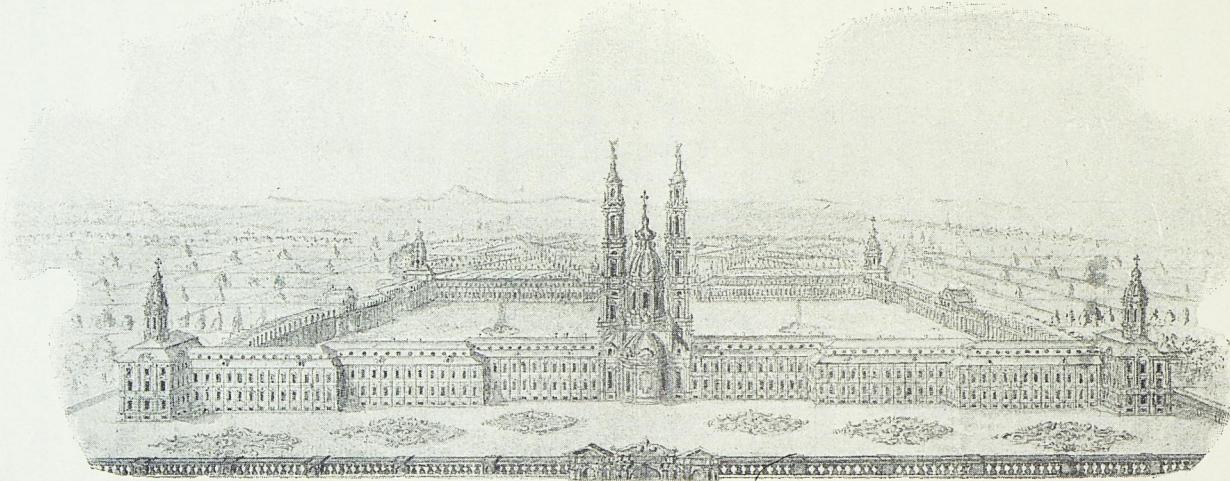
1764-й годъ особенно отличается, — вѣроятно, вслѣдствіе быстраго развитія болѣзни Ломоносова, — ожесточенными схватками его со своими непріятелями, которымъ онъ предается со всею страстью человѣка, не боящагося препятствій и не терпя-

щаго противорѣчій. Упомянуть здѣсь только о дѣлѣ съ А. Л. Шлѣцеромъ. Его выписалъ въ Россію Миллеръ для

Деревянный памятникъ, поставленный въ 1791 г. П. И. Челищевымъ въ деревнѣ Курь-Островъ. (Съ гравюры къ книгѣ Челищева „Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.“.

обученія своихъ дѣтей, но потомъ съ нимъ не ужился; Шлѣцеръ сдѣлался сторонникомъ Тауберта, который произвелъ его въ адъюнкты и доставилъ ему мѣсто наставника дѣтей графа Разумовскаго. Весною 1764 года Шлѣцеръ испросилъ себѣ отпускъ и затѣмъ представилъ въ Канцеля-

Видъ Александро-Невской Лавры, 1747 года, со стороны Невы, съ Троицкимъ Соборомъ, разобраннымъ въ 1739 году.

рію свои планы по изученію русской исторіи. Ломоносовъ, познакомившись со статьей Шлѣцера о древней русской исторіи, которую тотъ объяснялъ по греческимъ источникамъ, нашелъ, что ее печатать нельзя; не имѣлось также и свободнаго мѣста профессора исторіи, которое могъ бы занять Шлѣцеръ. «Въ разсужденіи меня», говоритъ Шлѣцеръ: «поступки его наглыми ли больше или глупыми назвать, не знаю. Ибо, принявъ намѣреніе упражняться въ Россійскомъ языкѣ и въ исторіи, кого пристойнѣе было ему, какъ меня, держаться? Но онъ, напротивъ того, не токмо оказывалъ ко мнѣ презрѣніе, но и далъ себя въ употребленіе моимъ соперникамъ, чтобы дѣйствовалъ противъ моихъ успѣховъ, въ чёмъ дошелъ до такой буйности, что требовалъ писменно моихъ историческихъ трудовъ себѣ въ пользу».

Въ своемъ представлениі по этому поводу въ Сенатъ Ломоносовъ приводилъ политическія соображенія и доказывалъ, что Таубертъ довѣрилъ Шлѣцеру всю библіотеку, такъ что послѣдній могъ переписывать все, что угодно; что теперь онъ повезетъ эти выписки за границу и изданіемъ россійскихъ, не подлежащихъ опубликованію историческихъ извѣстій наживетъ тамъ себѣ похвалы и деньги. Сенатъ, по разсмотрѣніи этой бумаги, приказалъ не давать отпуска Шлѣцеру и отобрать отъ него всѣ выписки.

Приказъ этотъ не былъ своевременно выполненъ, а потому, по предложенію Ломоносова, Сенатъ поручилъ Президенту произвести слѣдствіе. Графъ Разумовскій, по возращеніи своемъ въ Петербургъ, былъ очень недоволенъ всѣмъ дѣломъ и запросилъ Ломоносова, на какомъ основаніи онъ дѣлалъ донесенія въ Сенатъ, а не ему, Прези-

денту? Отвѣтъ Ломоносова весьма характеренъ: указавъ на цѣлый рядъ противозаконностей при определеніи Шлѣцера адъюнктомъ и незаконныхъ дѣйствій Тауберта, онъ заявляетъ, что, съ одной стороны, дѣло не терпѣло умѣдленія, а съ другой «въ бытность здѣсь Вашего Сиятельства мои вамъ представленія, служащія ко всенародной пользѣ и къ исправленію академического состоянія, весьма укосничительно въ дѣйствіе производятся, а иные и вовсе безъ дѣйствія оставлены». Не будемъ слѣдить дальше за этой исторіей; достаточно сказать, что осенью 1764 года Шлѣцеру отпуска не дали, а чѣмъ дѣло кончилось, я скажу дальше. Ломоносову же, принимавшему очень близко къ сердцу всѣ подобныя дѣла, оно дало поводъ написать «Краткую исторію о поведеніи академической Канцеляріи въ рассужденіи ученыхъ людей и дѣлъ съ начала сего корпуса до нынѣшняго времени»; въ ней были собраны всѣ пункты обвиненія противъ его недруговъ—главнымъ образомъ, Канцеляріи совѣтниковъ Шумахера и Тауберта—вмѣстѣ съ любопытными автобіографическими данными. Кончается «Исторія» надеждой, что Государыня отвратить крайнее препятствіе наукамъ. «Ежели же онаго не воспослѣдуетъ, о вѣрить должно, что нѣть Божескаго благоволенія, чтобы науки возросли и распространились въ Россіи». Состояніе духа самого Ломоносова въ это время лучше всего могутъ показать выписки изъ его замѣтокъ: «за то терплю, что стараюсь защитить трудъ Петра Великаго, чтобы научились Россіяне, чтобы показали свое достоинство... Я не тужу о смерти: пожилъ, потерпѣлъ и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ».

Въ маѣ 1764 года Ломоносовъ узналъ о сдѣланномъ

еще въ маргѣ предложеніи Президента ему и Тауберту написать проектъ новаго академическаго устава, и сейчасъ же принялся за изложеніе своихъ давнишихъ плановъ. Сперва онъ пашисалъ на латинскомъ языкѣ мысли объ уставѣ и дальъ ихъ прочитать кое-кому изъ академиковъ; затѣмъ на русскомъ языкѣ представилъ Президенту, въ срединѣ сентября, «Новое примѣрное расположение и учрежденіе С.-Петербургской Академіи Наукъ, на Высочайшее разсмотрѣніе и аппробацію сочиненное». Невозможно разматривать здѣсь подробно этотъ большой проектъ; отмѣтимъ только, что, по мнѣнію Ломоносова, кромѣ естественнаго и математическаго класса, въ Академіи долженъ быть еще историческій (юриспруденція, исторія, восточные языки); Академія должна быть чисто русскимъ учрежденіемъ, а потому, когда будетъ довольство ученыхъ людей, то всѣ академики должны быть природные россіяне. Вообще въ обязанностяхъ академиковъ должны на первомъ планѣ стоять интересы Россіи, ея нужды и потребности. Далѣе проведено уничтоженіе властованія академической Канцеляріи, управление Академіей передано самимъ академикамъ, уничтожены всякия художественныя и ремесленныя при ней учрежденія. Многое изъ проекта Ломоносова было потомъ осуществлено, но Ломоносовъ не дожилъ до этого времени.

Послѣ полученной-было отставки и достаточно неожиданнаго возстановленія въ своихъ правахъ, Ломоносовъ пожалованъ былъ, 20 декабря 1763 года, чиномъ статскаго советника съ жалованіемъ въ 1875 рублей. Въ послѣдніе годы жизни онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Шведской Академіи, затѣмъ, по представлению графа М. Л. Воронцова,—почетнымъ членомъ Болонской Академіи (1764)

и, наконецъ, Академіи Художествъ, на торжественномъ засѣданіи которой, 10 октября 1763 года, Ломоносовъ произнесъ рѣчъ, въ коей благодарили за избраніе и привѣтствовалъ художества, основанныя Елизаветой и поддержанная Екатериной. 7 июня 1764 года, въ четвертомъ часу по полудни, Ломоносова въ его домъ посѣтила Екатерина II съ нѣкоторыми знатнѣйшими особами своего двора. Она подробно осмотрѣла все производство мозаичныхъ работъ и приближавшуюся къ окончанію «Полтавскую Баталію», а также нѣкоторые физико-химическіе опыты и физическіе инструменты Ломоносова; въ шестомъ часу, оказавъ Всемилостивѣйшее удовольствіе, она возвратилась во дворецъ, при чмъ Ломоносовъ при отѣздаѣ поднесъ ей стихи.

Къ 1764 году относится любопытный, незаконченный Ломоносовымъ документъ — конспектъ важнѣйшихъ теоремъ, которыми Ломоносовъ постарался обогатить естественные науки (на латинскомъ языкѣ). Этотъ конспектъ предназначался, вѣроятно, для отсылки за границу И. И. Шувалову, черезъ котораго Ломоносовъ надѣялся сдѣлаться членомъ Парижской Академіи Наукъ.

Новый, 1765-й годъ подарилъ Ломоносова крайне не приятнымъ извѣстіемъ: 4 января Высочайшимъ указомъ Шлѣцеръ былъ неожиданно принятъ на службу академикомъ, профессоромъ исторіи; ему сразу дали жалованіе въ 860 рублей, всѣ права старыхъ академиковъ и, дабы труды его «безпрепятственно могли производимы быть въ печать, то позволяетъ ему оные для засвидѣтельствованія его усердія всеподданнѣйше представлять Ея Императорскому Величеству», т. е., ему была дана возможность

опубликовывать свои статьи помимо Конференции... Ломоносовъ написалъ слѣдствія отъ принятія Шлѣцера ординарнымъ профессоромъ, съ критикою пунктовъ контракта въ указѣ, но, конечно, безъ всякаго результата. Закулисная сторона такого внезапнаго производства разсказана самимъ Шлѣцеромъ; она заключалась въ слѣдующемъ. Вмѣстѣ съ сыновьями графа Разумовскаго учился и сынъ генераль-рекетмейстера Козлова, имѣвшаго свободный доступъ къ Государынѣ; черезъ Тауберта Козловъ донесъ ей, что Шлѣцера незаслуженно преслѣдуется Ломоносовъ: въ результатѣ и послѣдовалъ указъ о принятіи его на службу.

Послѣ этого события, само собою, Ломоносовъ сталъ относиться довольно равнодушно къ дѣламъ Академіи: ему пискалько не улыбалась перспектива трудиться надъ получениемъ привилегій для Шлѣцера. Въ январѣ и февралѣ, насколько позволяла болѣзнь, онъ былъ нѣсколько разъ на засѣданіяхъ Конференции, при чемъ ссорился съ Миллеромъ, получившимъ тогда новое назначеніе и приготовлявшимся къ отѣзду въ Москву. Подъ вліяніемъ болѣзни Ломоносовъ сталъ крайне раздражителенъ и съ еще большою горячностью, чѣмъ прежде, отзывался на всякія, хоть отдаленно причастныя къ нему обстоятельства. Такъ, когда 16 февраля было получено въ Академіи письмо отъ Л. Эйлера съ хорошимъ отзывомъ о бывшемъ ученикѣ Ломоносова, академикѣ С. Я. Румовскому, съ которымъ Ломоносовъ находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ, то онъ написалъ (но можетъ быть не послалъ) Л. Эйлеру прямо оскорбительное письмо, полное горькихъ жалобъ на Миллера, Тауберта и «его комнатную собачку» Румов-

скаго... Въ противоположность этому, полнымъ спокойствиемъ дышетъ послѣднее сохранившееся письмо Ломоносова, отъ 2 марта, къ сестрѣ, М. В. Головиной, на родину:

«Государыня моя Марья Васильевна, здравствуй на множество лѣгъ съ мужемъ и дѣтьми. Весьма пріятно мнѣ, что Мишенька *) пріѣхалъ въ С.-Петербургъ въ добромъ здоровье и что умѣетъ очень хорошо читать и исправно, также и пишетъ для ребенка нарочито. Съ самаго пріѣзда сдѣлано ему новое французское платье, спилы рубашки и совсѣмъ одѣтъ съ головы и до ногъ, и волосы убираеть по нашему такъ, чтобы его на Матигорахъ не узнали. Мнѣ всего удивительнѣе, что онъ не застѣнчивъ и тотчасъ къ намъ и напрему кушанью привыкъ, какъ бы вѣкъ у насъ жилъ, не показаль никакова виду, чтобы тосковаль или плакаль. Третьяго дня послалъ я его въ школы здѣшней Академіи Наукъ, состоящія подъ мою командою, гдѣ сорокъ человѣкъ дворянскихъ дѣтей и разночинцевъ обучаютсѧ и гдѣ онъ жить будетъ и учиться подъ добрымъ смотрѣniемъ, а по праздникамъ и по воскреснымъ днямъ будетъ у меня обѣдать, ужинать и ночевать въ домѣ. Учить его приказано отъ меня латинскому языку, ариѳметикѣ, чисто и хорошенъко писать и танцововать. Вчера много вечера былъ я въ школахъ нарочно посмотрѣть, какъ онъ въ общежитіи со школьніками ужинаетъ и съ кѣмъ живетъ въ одпой камерѣ. Повѣрь, сестрица, что я обѣ немъ стараюсь, какъ долженъ доброй дядя и отецъ крестной. Также и хозяйка моя и дочь его любятъ и всѣмъ доволь-

*) Племянникъ М. В. Ломоносова—Михаилъ Евсеевичъ Головинъ, впослѣдствіи адъюнктъ по математикѣ и физикѣ и почетный членъ Академіи Наукъ.

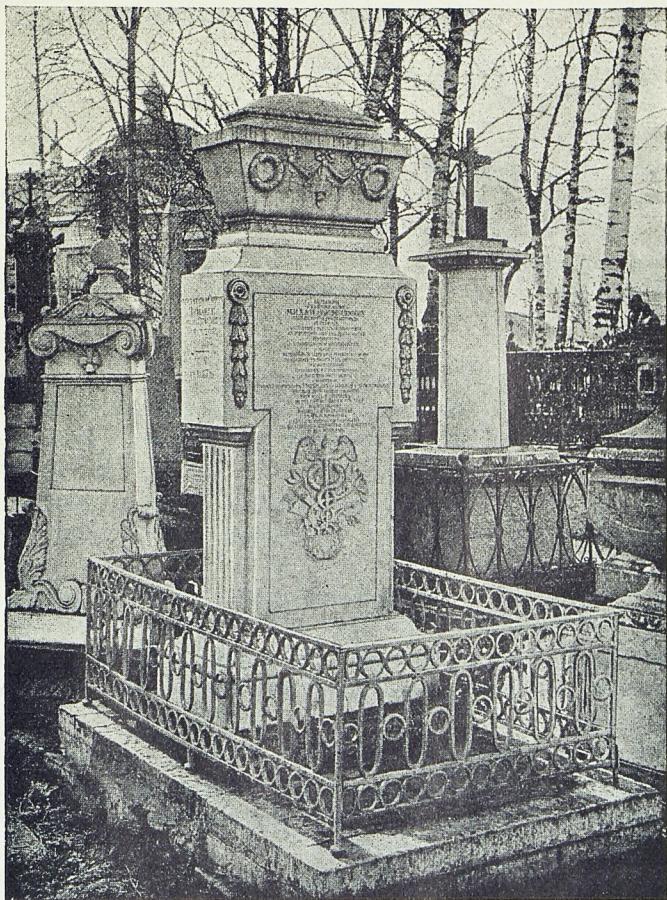
ствуютъ. Я не сомнѣваюсь, что онъ черезъ ученіе счастливъ будетъ, и съ истиннымъ любленіемъ пребываю братъ твой Михайло Ломоносовъ».

Въ серединѣ марта Ломоносовъ простудился и слегъ; ему становилось все хуже и хуже,—и 4 апрѣля 1765 года его не стало. Послѣдніе дни съ нимъ провелъ почти без-отлучно его пріятель, академикъ Штелинъ, сохранившій намъ слѣдующія слова Ломоносова, сказанныя ему за пѣсколько дней до смерти: «Другъ, я вижу, что долженъ умереть и спокойно и равнодушно смотрю на смерть; жалѣю только о томъ, что не могъ я совершить всего того, что предпринималъ я для пользы отечества, для приращенія наукъ и для славы Академіи, и теперь, при концѣ жизни моей, долженъ я видѣть, что все мои полезныя намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною».

На могилѣ М. В. Ломоносова, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры въ Петербургѣ, поставленъ его почитателемъ, графомъ М. Л. Воронцовымъ, памятникъ бѣлаго мрамора, съ надписью, сочиненпой Штелипомъ, и рисункомъ его произведенія; другой почитатель, графъ А. П. Шуваловъ, сочинилъ на французскомъ языкѣ оду, гдѣ воздалъ должное заслугамъ Ломоносова.

М. В. Ломоносовъ имѣлъ только одного сына Ивана, скончавшагося въ Марбургѣ въ младенчествѣ, и все потомство великаго ученаго, нынѣ довольно многочисленное, произошло отъ дочери его, Елены Михайловны, по мужу Константиновой; дочь послѣдней, Софья Алексѣевна, была замужемъ за генераломъ Н. Н. Раевскимъ, а затѣмъ по томками Ломоносова являются, кромѣ Раевскихъ, Орловы, князья Волконскіе, князья Яшвиль, Уваровы и другіе.

Памятникъ на могилѣ Ломоносова въ Александро-Невской Лаврѣ.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ

ВЪ ТЕКСТЪ И НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ТАБЛИЦАХЪ.

Въ текстѣ:

Заставка на обложкѣ—съ заглавного листа „Ежемѣсячныхъ Сочиненій, къ пользѣ и увеселенію служащихъ“, издававшихся Академіею Наукъ; съ книжки 1757 г., іюль. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ).

Обшій видъ города Архангельска, 1701 г. Съ гравюры изъ книги C. de Bruin: „Reizen over Moskovie, door Persie en Indie“, Amsterdam. 1711 (Изъ библіотеки Архангельского Общества изученія Русскаго Сѣвера).—Стр. 1.

Мѣсто родины М. В. Ломоносова въ деревнѣ Денисовкѣ, Холмогорскаго уѣзда Архангельской губерніи. Съ литографіи изъ книги: „Труды Архангельского Статистического Комитета за 1863 годъ“, Книга 1-я, Апр. 1866.—Стр. 3.

Димитріевская церковь въ Куростровѣ, построенная во времена Ломоносова. По снимку 1910 г., полученному отъ о. А. Н. Грандилевскаго.—Стр. 6.

Видъ гор. Фрейберга, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ пѣмѣцкой гравюры середины XVIII ст. (Дрезденская Галлерея).—Стр. 15.

Профессоръ Марбургскаго Университета Христіанъ Вольфъ (ум. 1784). Съ гравюры I. G. Will'я. (Изъ библіотеки Имп. Академіи Художествъ).—Стр. 13.

Университетъ въ Марбургѣ. Съ гравюры Б. Маннфельда.—Стр. 19.

Бергмайстеръ во Фрейбергѣ, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ пѣмѣцкой раскрашенной гравюры 1730 г. (Дрезденская Галлерея).—Стр. 22.

Пробирный мастеръ во Фрейбергѣ, временъ пребыванія тамъ Ломоносова. Съ пѣмѣцкой раскрашенной гравюры 1730 г. (Дрезденская Галлерея).—Стр. 22.

Фасадъ Императорской Библіотеки и Кунсткамеры на востокѣ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 г. Академіею Наукъ; л. VI, гравированъ Григорій Качаловъ. Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ).—Стр. 28.

Часть Васильевского Острова съ видами: Академіи Наукъ, зданія съ Глобусомъ, Театра фейерверковъ и иллюминацій, зданія 12 Коллегій (нынѣ Университетъ). Съ 5-го листа плана Петербурга, посвященнаго Имп. Елизаветѣ, гравированнаго Ив. Соколовымъ, Мих. Махаевымъ и другими, исполненнаго по чертежамъ И. Трускота и изданнаго въ 1733 году. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 32.

Фасадъ Академіи Наукъ на востокъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 г. Академію Наукъ, л. III, гравировалъ К. А. Вортманшъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 38.

Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Съ гравюры Г. Ф. Шмидта, 1758 г. (Изъ собраний Н. Д. Чечулина). — Стр. 40.

Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Съ гравюры Г. Ф. Шмидта, 1762 г. (Изъ собрания Н. Д. Чечулина). — Стр. 42.

Заставка изъ книги: „Рѣчи, которыя въ публичномъ собраниі Императорской Академіи Наукъ читаны были апрѣля 29 дня 1742 года. Переведены съ Латинскаго языка чрезъ Григорія Теплова, Натуральной Гисторіи Адъюнкта“, С.-Пб. Заставка относится къ рѣчи академика Крафта. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 47.

Проспектъ Лѣтняго Ея Императорскаго Величества дому съ сѣверной стороны. Съ гравюры А. Грекова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 57.

Мозаичный образъ Спаса Нерукотвореннаго; сзади выгравирована надпись: „Сей Нерукотворенній Образъ Христа Спасителя Нашего По желанію Сіятельнѣйшія Графини Мавры Егорьевны Шуваловой Сложенъ Михайломъ Ломоносовымъ въ Начинаніе Опытовъ Мозаичнаго Художества въ Санктпетербургѣ 1753 года“. Съ подлинника, принадлежащаго Николо-Малицкому монастырю близъ Твери. — Стр. 59.

Мозаичный портретъ Петра Великаго, приписываемый Ломоносову. (Музей Имп. Общества Попощренія Художествъ, въ С.-Петербургѣ). — Стр. 64.

Проспектъ Государственныхъ Коллегій съ частію Гостиныхъ дворовъ. Съ гравюры Е. Вицкова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 74.

Академикъ Георгъ - Вильгельмъ Рихманъ (ум. 1753 г.). Съ офпорта И. Штенглица и Е. Е. Федосѣева. (Изъ библіотеки Имп. Академіи Художествъ). — Стр. 75.

Электрическая стрѣла въ Академическомъ домѣ у химической лабораторіи, гдѣ жилъ М. В. Ломоносовъ. Съ гравюры, приложенной къ „Слову“

Ломоносова „О явленияхъ воздушныхъ, отъ Электрической силы происходящихъ“, изд. 1753 г. — Стр. 76.

Комната въ квартирѣ академика Рихмана, гдѣ была установлена громовая машина. Съ гравюры, приложенной къ „Слову“ Ломоносова „О явленияхъ воздушныхъ, отъ Электрической силы происходящихъ“, изд. 1753 г. — Стр. 78.

Одинъ изъ 48 видовъ съверныхъ сіяній, пагравированныхъ въ 1764 г. по рисункамъ Ломоносова граверомъ И. Штенглиномъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. № 283, л. 231). — Стр. 83.

Проспектъ старого Зимняго дворца съ каналомъ, соединяющимъ Мойку съ Невою. Съ гравюры Е. Виноградова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 85.

Мозаичный портретъ Петра Великаго, работы Ломоносова, съ надписью сзади: „Михаиль Ломоносовъ. 1757“. Припадлежалъ рапѣ П. П. Свинарчу, а затѣмъ Имп. Российской Академіи. (Большой Конференцъ-Залъ Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 87.

Проспектъ Биржи и Гостиного двора вверхъ по Малой Невѣ рѣкѣ. Съ гравюры И. Елякова, по рисунку М. Махаева. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 100.

Перспективный видъ Библіотеки Академіи Наукъ, второго и третьяго апартаментовъ. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 году Академіею Наукъ; л. XII, по рисунку Джироламо Бона гравировалъ К. А. Вортманъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 102.

М. В. Ломоносовъ. Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ рукописи „Путешествія по съверу Россіи въ 1791 г.“ П. И. Челищева (Изъ собранія графа С. Д. Шереметева). — Стр. 109.

Купсткамера: „Профиль Галеріи и первой залы съ куріозными вещами во второмъ апартаментѣ на востокъ“. Изъ „Плана Императорскаго Столичнаго города Санктпетербурга“, изданнаго въ 1737 году Академіею Наукъ; л. X, гравировалъ Ив. Соколовъ. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 112.

М. В. Ломоносовъ. Съ гравированнаго портрета, работы неизвѣстнаго мастера. (Изъ собранія Д. А. Ровинскаго въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ). — Стр. 122.

Заставка изъ „Собрания разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“ Ломоносова, кн. I, М. 1757. (Библіотека Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 127.

Заставка изъ книги: „Разговоры о множествѣ міровъ господина Фон-

тепелла“, въ переволѣ князя А. Д. Кантемира, изд. 2-е, С.-Пб. 1761, стр. 102. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). — Стр. 139.

Деревянный памятникъ, поставленный въ 1791 году П. И. Челищевымъ въ деревнѣ Куръ-Островѣ; съ гравюры, приложенной къ рукописи „Путешествія по сѣверу Россіи въ 1791 г.“ Челищева. (Изъ собранія графа С. Д. Шереметева). — Стр. 144.

Видъ надгробнаго памятника Ломоносова. Съ гравюры, приложенной къ рукописи „Путешествія по сѣверу Россіи въ 1791 г.“ П. И. Челищева. (Изъ собранія графа С. Д. Шереметева). — Стр. 182.

На отдѣльныхъ листахъ:

М. В. Ломоносовъ. Съ оригинального портрета масляными красками, принадлежащаго графу Григорію Ивановичу Ностицу. Фототипія. Подъ портретомъ—снимокъ съ подписи Ломоносова на указѣ Канцеляріи Академіи въ Академическое Собраніе отъ 18 сентября 1760 г. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 1.

„Планъ мѣсть прилѣжащихъ къ Куростровской волости гдѣ родился Г. Ломоносовъ“. Изъ книги „Путешествія академика Ивана Лепехина. Часть IV, въ 1772 году“. С.-Пб. 1803. (Архивъ Конференціи Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 4—5.

Ранніе почерки Ломоносова:

- 1) Подпись Ломоносова на подрядной записи 4 февраля 1726 г. (Съ подлинника, принадлежащаго Архангельскому Городскому Публичному Музею).
- 2) Подпись Ломоносова 25 января 1730 г. въ тетради, заведенной при построеніи Куростровской Каменной церкви подрядчикомъ Петромъ Некрасовымъ. (Съ подлинника, принадлежащаго Архангельскому Городскому Публичному Музею).
- 3) Подпись Ломоносова на допросѣ 4 сентября 1734 г. (Съ подлинника изъ Архива Московской Св. Синода Конторы). Къ стр. 8—9.

Родина М. В. Ломоносова черезъ 200 лѣтъ со дня его рожденія. Съ карты, составленной И. Л. Маштаковымъ. Къ стр. 10—11.

Видъ гор. Марбурга, времень пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры первой половины XVIII ст. (Дрезденская Галлерей). Къ стр. 19—20.

Видъ гор. Фрейбергага, времень пребыванія тамъ Ломоносова. Съ нѣмецкой гравюры 1740 г. (Дрезденская Галлерей). Къ стр. 24—25.

Снимокъ съ письма Ломоносова къ графу М. Л. Воронцову отъ 15 февраля 1761 г. (Съ подлинника изъ Имп. Публичной Библиотеки). Къ стр. 40—41.

Химическая Лабораторія Ломоносова. Планъ архитектора I. Шумахера 1748 г. (Съ подлиннаго рисунка, хранящагося въ Архивѣ Конференції Имп. Академіи Наукъ, кн. № 747, л. 59—60). Къ стр. 46—47.

Снимокъ съ письма Ломоносова къ Леонарду Эйлеру, на латинскомъ языке, отъ 28 ноября 1754 г., изъ Петербурга. (Съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ Конференції Имп. Академіи Наукъ, св. 108). Къ стр. 54—55.

Снимокъ съ части письма Ломоносова къ Леонарду Эйлеру, на латинскомъ языке, отъ 5 июля 1748 г. (изъ Петербурга), въ которомъ впервые излагается Ломоносовымъ сущность закона сохраненія вещества. (Съ подлинника, хранящагося въ Архивѣ Конференції Имп. Академіи Наукъ, св. 108). Къ стр. 56.

„Полтавская Баталия“. Мозаичная картина, работы мастерской Ломоносова, 1764 года. Фототипія. Съ подлинника, принадлежащаго Музею Имп. Общества Поощренія художествъ въ С.-Петербургѣ. Къ стр. 64—65.

Снимокъ съ заглавного листа и 1-й страницы „Слова похвального Государю Императору Петру Великому“, изд. 1755 г. Къ стр. 86—87.

Снимокъ съ черновой рукописи трагедіи Ломоносова „Тамира и Селімъ“, дѣйствіе III, явленіе 5. (Съ подлинника изъ Рукописнаго Отдѣленія Библиотеки Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 88—89.

Гравированный по заказу И. И. Шувалова портретъ, приложенный къ изданію „Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Господина Коллежскаго Совѣтника и Профессора Михайла Ломоносова“, книга I, 2-е изданіе, съ прибавленіями, М. 1757 г. (Библиотека Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 96—97.

Часть „Проспекта въ пизѣ по Невѣ рѣкѣ между зимнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ и Академію Наукъ“, подъ смотрѣніемъ Г. Валеріаніи снималъ подмастерья Михайла Махаевъ, гравировалъ Мастерь Григорій Качаловъ. (Около 1753 г.). (Архивъ Конференції Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 104—105.

Видъ Академіи Наукъ и Петропавловской крѣпости. Съ картины масляными красками М. И. Махаева, 1750-хъ гг. (Имп. Эрмитажъ). Къ стр. 110—111.

Изображеніе „Иllumинаціи Санктпетербургской Академіи Наукъ Сентября 6 дня 1750 года“. Изъ книги: „Diem illustricum.... Imperatricis Elisabethae Petri Magni filiae Academia Scientiarum orationibus solemnibus ac festis dignibus celebrat Anno MDCCCL. Sept. VI“. (Архивъ Конференції Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 128—129.

Снимокъ съ черновой рукописи 8-й оды Ломоносова (изъ Іова, нач.: „О ты, что въ горести напрасно На Бога ропчешь, человѣкъ“). (Съ подлинника изъ Рукописнаго Отдѣленія Библіотеки Имп. Академіи Наукъ). Къ стр. 136—137.

Императрица Елизавета Петровна. Съ мозаики мастерской Ломоносова. (Имп. Эрмитажъ). Къ стр. 140—141.

Видъ Александро-Невской Лавры, 1747 года, со стороны Невы, съ Троицкимъ Соборомъ, разобранымъ въ 1755 г. (Съ подлинного рисунка, хранящагося въ Архивѣ Конференціи Имп. Академіи Наукъ, кн. № 120, л. 331). Къ стр. 148—149.

Памятникъ на могилѣ Ломоносова на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Съ фотографіи, полученной отъ Ф. М. Морозова.— Къ стр. 152.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I. Поморы. Василий Дорофеев Ломоносовъ. Рождение Ломоносова. Первые годы жизни. Промыслы. Лопари. Северная природа. Обучение грамотѣ. Стремление къ просвещенію. Тяжелое семейное положеніе. Уходъ въ Москву. Славионогреколатинская Академія. Условія жизни въ пей. Предметы обучения.

1

ГЛАВА II. Учрежденіе въ Петербургѣ Академіи Наукъ. Управление ею. Сборъ учениковъ для гимназіи. Прѣездъ Ломоносова въ Петербургъ. Посылка за границу для обученія металлургіи и химіи. Занятія и развлечения въ Марбургѣ. Долги. Фрейбергъ. Первые стихи. Разрывъ съ Гешкелемъ. Странствованія Ломоносова. Зачисленіе на военную службу. Возвращеніе въ Петербургъ. Смерть отца.

43

ГЛАВА III. Первые шаги въ Петербургѣ. Ломоносовъ — адъюнктъ Академіи. Донесенія на Шумахера. Побоища у Штурма. Отношенія къ Конференціи и съѣздѣвской комиссіи. Арестъ Ломоносова. Побѣда Шумахера. Научные и литературные занятія. „Размышленія о Божиемъ величествѣ“. Прѣездъ жены. Нападеніе матросовъ . . .

28

ГЛАВА IV. Каѳедра химіи въ Академіи Наукъ. Ломоносовъ — профессоръ. Материальное положеніе. Переводъ физики Вольфа. Публичныя лекціи по физикѣ. Мысли объ университетскомъ уставѣ. Литературная дѣятельность. О составѣ и происхожденіи селитры. Прошеніе о постройкѣ химической лабораторіи. Лабораторія въ готовомъ видѣ

38

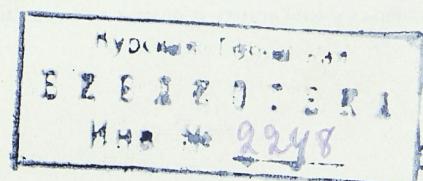
ГЛАВА V. Научные работы по физикѣ. Атомистическая гипотеза. Первоначальная частички тѣла. О причинѣ теплоты и холода. Теорія упругой силы воздуха. Единообразіе взглядовъ Ломоносова на физику. Отношения къ Эйлеру. Законъ сохраненія веществъ и количества движений. Германскія критика и статья „О должности журналистовъ“.

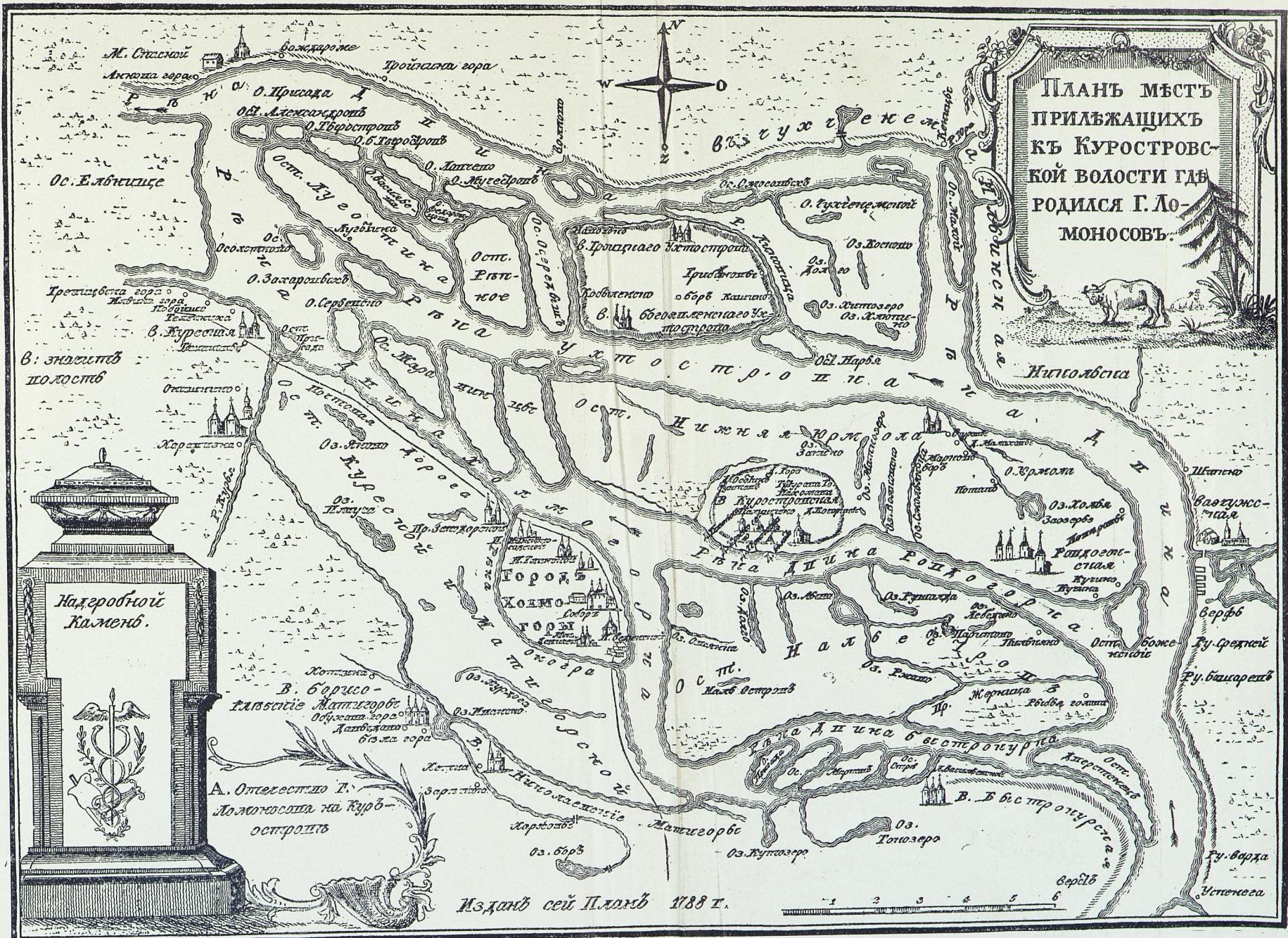
47

ГЛАВА VI. Работы въ лабораторіи. Окрашенный стекла. Первая мозаика. Учрежденіе стеклянного завода. Поѣзда въ Москву. 9000 десятинъ и 211 душъ крестьянъ. Картины для монумента Петра Великаго. Статья о мозаикѣ. Мозаичная мастерская. „Полтавская бatalia“ и ея судьба. „Слово о пользѣ химіи“. Лекціи по физической химіи. Химические опыты. Отношения къ флогистону и опыты въ заплавленныхъ сосудахъ.

57

ГЛАВА VII. Электрические опыты. Громовая машина. Смерть Рихмана и письмо Ломоносова к Шувалову. Речь об электрических явлениях. „Сомнительства“ в ней. Теория образования электричества в атмосфере. Северный сияние. Занятия метеорологией. Самопишущие приборы	74
ГЛАВА VIII. Похвальные слова. Трагедии. Российская грамматика. Влияние И. И. Шувалова. Занятия русской историей и участие в историческом собрании. Отказ от занятий химией. Увольнение лаборанта Биттигера. Столкновение с Капцелярией и с Тепловым. Письменный выговор. Ломоносов — Капцелярий Советник. Основание Московского Университета. Гимнъ бородъ. Собственный домъ	85
ГЛАВА IX. Деятельность в академической Капцелярии. Недостатки и излишества. Меры противъ Миллера и Тауберта. Заведование Гимназией и Университетомъ. Новые регламенты ихъ. Гимназическая дѣла. Инспекторъ Модерахъ. Новый домъ для Гимназии. Заведование Географическимъ Департаментомъ. Российский атласъ. Экономическая карта	100
ГЛАВА X. Научные занятия. О рождении металловъ отъ трясений земли. Первый оснований металлургии. Минералогия. Большая точность морского пути. Инструменты. Работы по силѣ тяжести. Путешествія по сѣвернымъ морямъ и экспедиція Чичагова. О ледяныхъ горахъ. О твердости и жидкости тѣла. Явленіе Венеры на Солнце. Исторические труды. Отношенія къ Сумарокову и Тредьяковскому	112
ГЛАВА XI. Труды по филологии. Церковно-славянский и русский языки въ X—XI вѣкѣ и въ началѣ XVIII столѣтія. Взаимоотношенія обоихъ языковъ. „Штили“ Ломоносова. Его грамматика и реторика. Поэтическая произведенія. Стремленіе въ нихъ къ просвѣщенію, благу и пользѣ русского народа	127
ГЛАВА XII. Письмо „О размноженіи и сохраненіи русского народа“. Смерть Елизаветы Петровны. Большій. Восшествіе на престолъ Екатерины II. Прошеніе объ отставкѣ. Отставка и возстановленіе въ правахъ. Борьба противъ Шлѣцера. Записка о Капцелярии. Проектъ нового устава Академіи. Почести. Назначеніе Шлѣцера академикомъ. Большенненная раздражительность. Письмо на родину. Смерть Ломоносова	139
Перечень рисунковъ	153

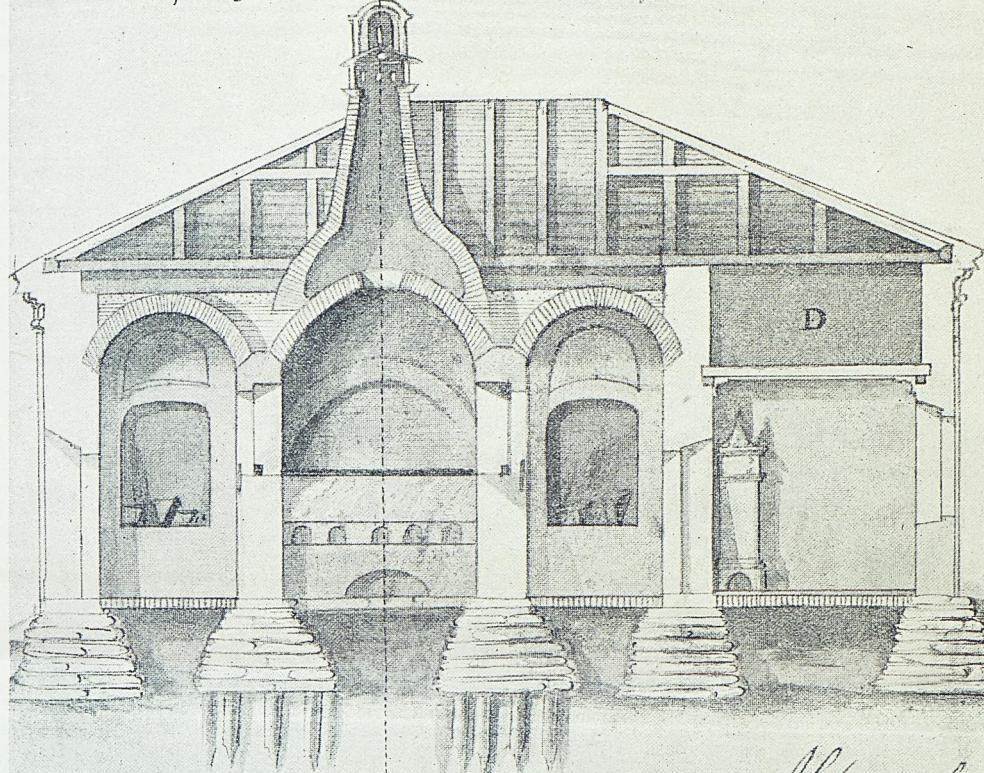
Изъ книги „Путешествія академика Ивана Лепехина. Часть IV, въ 1772 году“, С.-Пб. 1805.

A Лаборатория.

B Осах.

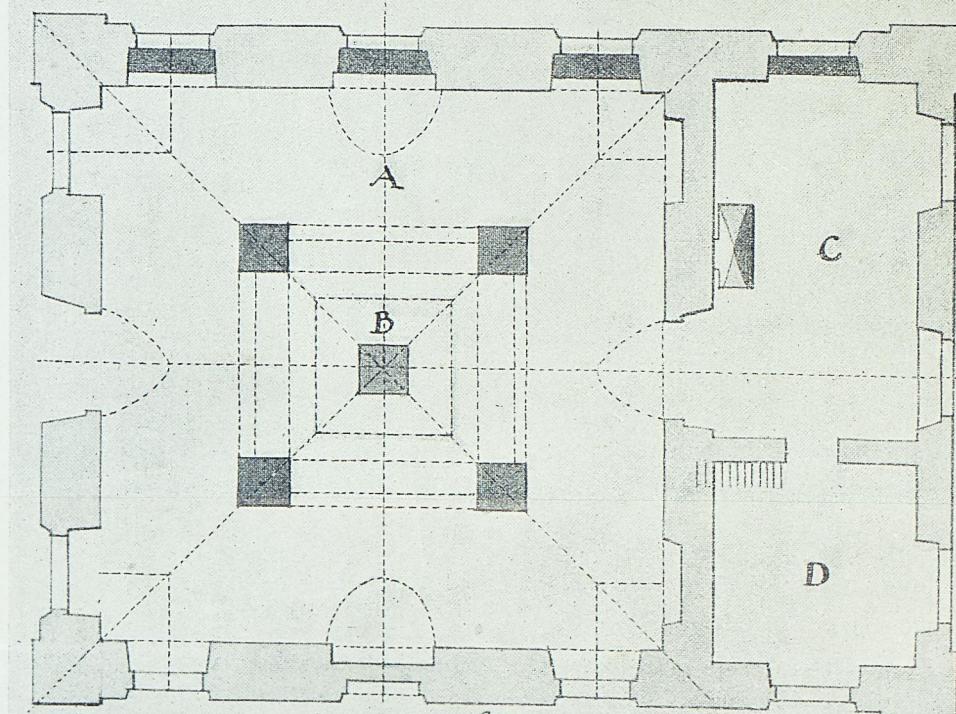
C. Лаборатория для плавки золота под содерганием, именем искательства
и знатности подчиняется. Каждый из них имеет отдельную лестницу.

D. лаборатория для содергания материях.

Профиль.

Schumacher. arch.

План.

3 2 1

1654321

1

2

3

4

5

6

План масштаб на 6. архит.

Лист.

Пасирд.

Когда нас зовут в гости по случаю свадьбы,
Что сиди, Тысячи, тысяча километров,
И сколько времени Пока мы не уедем свадьбы,
Всеми хвастать Своих гостей не теряешь.
Какие пушки в зоне ~~для~~^{pour} сражения у вас?
Несколько пушек несет то ли твой Зимбабве?
Иса охоты много места на холмах?
Птиц пасутся, а охоты везде!

Планії 5.

Масанъ, Клерка, Банска

Марий.

Ещё слышу я Ему! подожнуа иконы
Однажды увидел я Ему, и сидел при то^и зеркало?
Их же настороже непривыческим Ему,
А я вижу их вглядываясь в Ему, что сидят ~~за~~^{перед} зеркалом?
Чтото же иконастасия не правы? в ~~законе~~^{законе}
Ты же магия несешь Ему и иконы Гасунгумин.
Скажи, скажи, что ~~есть~~^{есть} Ему ~~такой~~^{такой} зеркальный?
Зачем же она Раньше Преградила Ему?
Ты же грации Ему не то и монеты в руках:
Скажи же однажды Ему как же ~~так~~^{так} угадаю?
А я скажу Ему и сяду забавляясь ~~за~~^{за} позором.
И скажу тебе твоя поганая Ему.

Когда Таня сказала: «Ну Сью же не виновата!»
Лицо Сью покраснело от смущения.
«Ты же знаешь, что я не могу с тобой переговариваться!»
Когда Ли Зарос сказала это Грейс, Сью покраснела.
«Когда Ли Зарос сказала это Грейс, Сью покраснела.

Ксения.

И Граб, Тэгзап, нах. Осаши-Граб в Енисе,
У него горбатый хвост Тасык-Кираса.
Но то чужое поганое дерево Граба
Когда настанет час сокрушения
Будет морюка, eggida.

O. A. J.

Уважаемые члены Товарищества здравоохранения.

R.

О нас, что в Египте погибло
На Доле ропши, сюда въ,
Виновай, под ~~так~~^{въ} престол
Онъ въ йору ^{въ} гробъ ^{въ} погибъ!

Скажи же, скажи же, скажи же!
И я скажу тебе, скажу тебе, скажу же
Что скажу тебе, скажу тебе,
Что скажу тебе, скажу тебе,

2

Золоту сони які соне пісні,
Музики, вітчі, пісні але тає;
Ти більше мене, нані я є сповідь.
Привласни ці уснія та є тає?
Хоча я падаю зім'ям поетами;
Соня, недоступна я поетами
Відчуваю я дракуну соня?
Но ти підкузовано мене соня!

三

И то будет мое, наше первое слово
Прекрасное слово новейшего времени
Наше слово жизни и слога любви
В единении с жизнью и любовью
Мое первое слово жизни;
Когда и как Слово языка
Небесного, новое слово,
~~Когда~~ Слово языка есть мое?

Санкт-Петербургъ

Мартинъ Георгий Михайлович

Кои величайшіи науки Россійскии начальникъ подали
ваше прізвѣстіе о конструированіїъ въ Башкірѣ
Анафелической пропеллѣй, такъ чудотворительной
уничтожающейъ иск. замедленіе вращенія безъ
шевія. Средь того льтъ наводитъ не только сен-
тіоніе въ мои труды; а особливо что мои не-
здоровія въ льтъ мое здѣсь предпрѣміе оставлено,

И худшим образом именем откликавшися орудуя употреблении та-
кою Монаршескою Министрию дано съя засказа.
И окончательно получалась большую Полезу Отпевстие проще-
сти уплаты. Того раза въдѣ, Митрополитъ Григорій,
въступившико пречину именемъ вси Анафема, употреб-
леніе высокое Башено Римскаго Представителя предъ
изъ исполненія Капитала нашелъ Противъ, и
столичной Полезѣ Отпевстия, имѣвшихъ испите-
ніиъ различнаго Поголовья Башено Римскаго
всѣ общество. Въ Римѣ засѣ въ Исподѣлѣ и подѣлѣ-
ніиъ высокаго Политика; и Представитель засѣ въ съѣздѣ,

Башено Римскаго

Февралѣ 15-го въ Египетскомъ и въ Египетскомъ градѣ
Альбѣ засѣ. Митрополитъ Григорій:

дат

То же Григорій Свѣтланичъ Присланъ просимъ да
имѣхъ и въ Египетскомъ градѣ Тѣлѣ, которые въ Египетѣ
живутъ и Митрополитъ Григорій Иаковъ Иаковъ. Григорій
Митрополитъ засѣ въ Альбѣ градѣ Капитала Рима Папа
Іоаннъ Свѣтланичъ и въ Египетѣ устроїхъ.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
блаженного и вѣчнодостойного памяти
государю императору
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
въ торжественное празднество
коронованія
ея императорскаго величества
всепресвѣтлѣйшія, самодержавиція, великаго
государыни императрицы
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССІЙСКІЯ

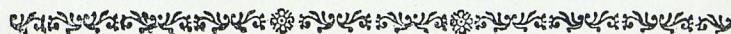
въ публичномъ собраніи

Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ

говоренное

МИХАИЛОМЪ ЛОМОНОСОВЫМЪ

Апрѣля 26 днѧ 1755 года.

Печатано при Императорской Академіи Наукъ.

Священное помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство всемилостивѣйша Самодержица нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему отечеству божіе снисхождѣніе, какорому вѣ Ея рожденіи и вѣ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено прѣятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ бога ли на землѣ обладатели поспавляю-

А

ся,

ся , или по случаю державы достигаютъ ; однако единственіемъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣритъся о томъ должно , видя , что Она уже тогда избрана была Владычествоватъ надъ нами . Не астрологическая сомнительная гаданія , оиѣ положенія планетъ произведенныя , нижѣ другія по теченію натуры бывающія перемѣнны и явленія ; но ясныя признаки божія Провидѣнія послужатъ сему вѣ доказательство . Преславная надъ непрѣятельми Петрова подъ Полшавою побѣда съ рожденіемъ сея Великія Дщери Его вѣ единѣ годъ приключилась , и вѣвѣжающаго вѣ Москву съ торжествомъ Побѣдителя приходящая вѣ мирѣ встрѣтила Елисавета . Не перстомъ ли здѣсь указующій является промыслъ ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа ? видите , видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзначеніями благоденства . Петръ торжествовалъ , побѣдивъ вѣшнихъ непрѣятелей , и своихъ искоренивъ измѣниковъ ; Елисавета для подобныхъ родилась триумфовъ . Петръ возвра-
шивъ

per unicas, ut montes. conservatio matris sanguinis.]
Quam obrem si mera attractio matris in corpori-
bus producit, quicquid ergo corpus emit super 3.0; quod
falsum est: quia super 3.0 matrem in corpori-bus
renata excitat ad eaque attractio gubernum; hoc
est nulla datur. Denique per amas vim atra-
ctricem meram in corpori-bus dari; tunc corpus
A attrahit aliud corpus B, hoc est. Unde nescit
si ne illa superalacione. Unde opus hoc est, ut
corpus A superingat in corpus B, adeoque nec
ut versus idem nesciat necesse est; et cum
reliqui motus ejus secundum quamcunque direc-
tione ab aliis ad suumendum Corpus B non
conferre possunt; sequitur ergo corpus A in al-
lata quiete positum nescire posse Corpus B.
Hoc autem nesciatur versus Corpus A. accedit igit
illi novum aliud, hoc est motus versus Corpus
A, qui ante in eo non fuit. Omnes autem, quae in
reum natura contingunt, mutationes, sunt
comparatae, ut si quid alii rei accedit, id alteri
dehincetur. Sic quantum alieni corpori materiali
additur, tantum deinde decedit alteri, quia hanc
summo impedendo, totidem vegetalē destrahit etc.
Quae naturae lex cum sit universalis, deo etiam
ad regulas suas extenditur: Corpus enim, quod
superalacione ad matrem excitat aliud, tantum
de suo animabit, quantum alteri a se motu super-
bit. Ig. tunc si hujus legis, motus, qui versus Corpus est

8

9

10

Viro celeberrimo doctissimo in re regia scientiarum
Academia Berolinensi summo atque incomparebili
Mathematico atque Directori, Caesareae Academiae
Scientiarum Petropolitanae et Societatis Regiae
Laudabilis Membro Dignissima, Michaeli Lomonosov
S. P. D.

Quamvis multa sint, degustatis hinc l. Henr. Te
certiorum facere velle; presentem mea latrone
mea de Coloniis causa commandare; Tempore
famis peruvia ad Germanicum paucorum, &
Pezzo Magno Imperatori ad ag Decembri
holendum erget, quem confonere possim.
Prosterea mox me censurum infalenti, q[uod] qui
meditationes meas magna fru[n]do p[re]dicto
probatus atque laudatus inquitque Theop[hi]lo
dente dilatari contendunt. Et enim non tibi
vix perspicaces fru[n]de ignaviam esse raro habueris
D. Karissimum commentariorum de rebus in secul-
tra naturali et Medicina gestis, non tam

(1)

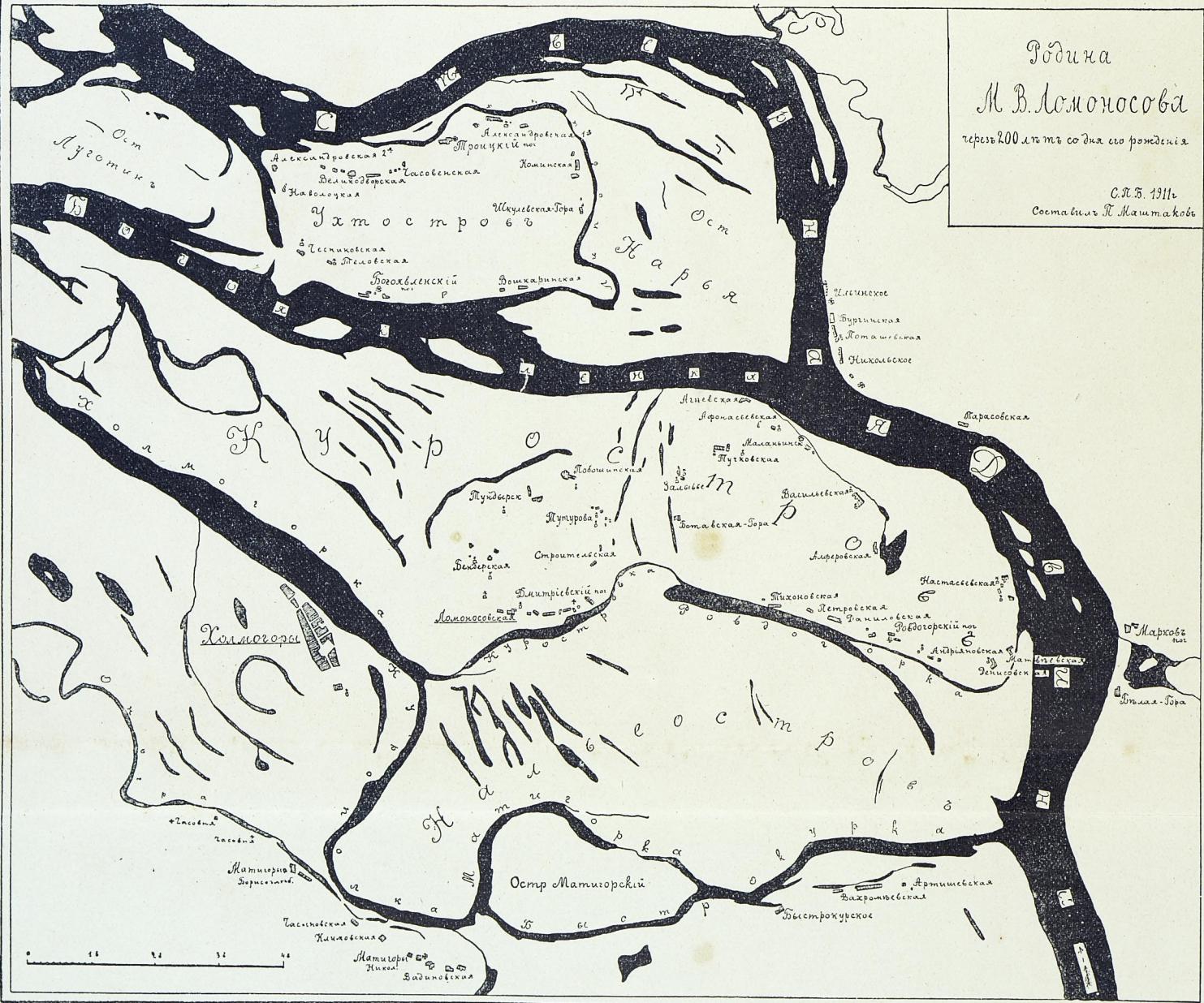
Venit hunc fudicq; quam malevoli animo lucubra-
tiones meas aggressum fuisse, et male intelle-
ctus peius praescidisse. Malitia et Stupor
hunc luculentissimam demonstrationem dabo;
ut acutissime, expeditissime mitho, qualiter
affectionissime obsecrari ut quemadmodum us
datur in Patria mea singulari benevolentie
michi faccurre valuerit; ita quoque fons
defundere et protegere non gravem.
Nam Exemplo dicti superius Confessio motu
atque intentu sunt placet alii, et fundatus
proprium in me fecerunt. Sic tunc fragil
quidam Mr. B. Bibliotheca sua medica, Conditar
Ephemeridum Hanburgensium [duo Hanburgi] gen
Magasin; item Arnoldus nonnomo Erlangen,
cui laetebam Confessio in novis letterariis
Hanburgensibus superservire legi. Quibus
omnibus Consideratio non sine ratione sufficerot

Latere hic arguenda perha, et aijedam h. hi defen-
sopini jeronimi nalo dolo tam ingenuo, tamque
irregularis lassitudines publice moveri. Si ergo tu,
vir humanus, me operi nihil ferre non fueris
dedicatus, quodcumque id perficiatur, hunc
conscientissimum esse ambusat, ut refutationes
hic appassio[n]is [quod pro Tuo ambitio[n]e summe bandae
traduntur et farfari emulierantur in universitate
aliqua studiorum publice defendat. Scit contra
me. Enlanguide ab artaldo disputatione est]
impresum; quae tandem contra inimicorum impetum
in actis eruditorum recessori poterit. Sumptus ty-
pographico aliunde solutur cum me praeuicta. Ceterum
palest hoc mea defensio informata programmata
edij alterius nomine. Inter ea praeceps, hoc praeceps
futurum omnem remini: hic esse notam, nec cognita
futurum: Quam alium quam Te, vir celeberrimus
precari, ut id facta mada sit. Nam eisdem hoc

Stram non leues anchora fanta ignorans
meae suboleo. Hoc beneficium tuum est
sternum pugnus amictus nostrae, quae
firme animo calore, et anima gratia
afficias prestare mecum pretium. Haec.
Vale atque favere perge. Dabam Petrapoli
Die 2.8 Nov. 3.V. a. 1754.

P. S. In dne Hamburgoja Correspondent N. 187
stupt ab ob Arnoldi Disputatione nunc vides
meis siccis Absurdis finis, et veligem zu
meritis, ne gloriam, Tass das Blas dan foigten
Graat des Frichs befauert, senn ob mir gie
Punktum erledigt din Chymisiga Erfahrung
aber giegen, Tass das Wirkniß in nicio Frich
welch das Blas Augenheiligen fahig ist, nun ist
gesetzt werden.

Fructula Exauditorum ad opera Musica paraturum
Iam diu in cancellario predidi ad te vobenda.

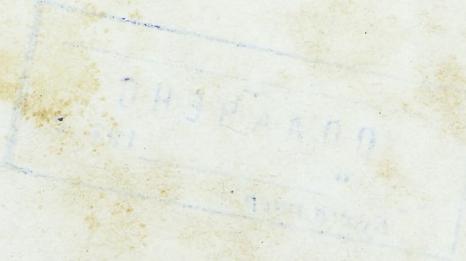
Родина

М. В. Ломоносова

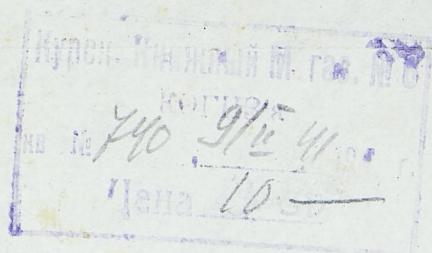
через 200 лет со дня его рождения

С.П.Б. 1911г
Составил П. Маштаков

10740 9/ii 44

